

ИЗВЕСТИЯ

Уральского федерального
университета

Серия 1
Проблемы образования,
науки и культуры

2025. Т. 31

№ 3

IZVESTIA

Ural Federal University
Journal

Series 1
Issues in Education,
Science and Culture

2025. Vol. 31

№ 3

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Т. Е. Автухович, д-р филол. наук, проф.
(Республика Беларусь, Гродно,
Гродненский государственный
университет имени Янки Купалы)

А. Е. Аникин, д-р филол. наук, акад. РАН
(Россия, Новосибирск, Институт
филологии СО РАН)

Дж. Боулт, PhD (Art Studies), проф.
(США, Лос-Анджелес, Университет
Южной Калифорнии)

А. В. Головнев, д-р ист. наук, чл.-корр.
РАН (Россия, Санкт-Петербург, Музей
антропологии и этнографии (Кунсткамера)
РАН)

В. Л. Иваницкий, д-р филол. наук, проф.
(Россия, Москва, Московский
государственный университет
им. М. В. Ломоносова)

С. Г. Корконосенко, д-р полит. наук,
проф. (Россия, Санкт-Петербург,
Санкт-Петербургский государственный
университет)

К. Кроо, д-р филол. наук, проф.
(Венгрия, Будапешт, Университет
Лоранда Этвеша)

Дж. Майклсон, PhD (Philology), проф.
(США, Лоренс, Канзасский университет)

А. Мустайоки, PhD (Philology), проф.
(Финляндия, Хельсинки, Хельсинкский
университет)

Б. Ю. Норман, д-р филол. наук, проф.
(Республика Беларусь, Минск, Белорусский
государственный университет)

Г. Саймонс (Greg Simons), PhD, проф.
(Швеция, Упсала, Упсальский
университет)

Э. Э. Сыманюк, д-р психол. наук, проф.
(Россия, Екатеринбург, Уральский
федеральный университет)

Г. Г. Щепилова, д-р филол. наук, проф.
(Россия, Москва, Московский
государственный университет
им. М. В. Ломоносова)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

Главный редактор

В. М. Амиров, д-р филол. наук, доц.
(Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный
университет)

Л. П. Быков, д-р филол. наук, проф. (Россия, Екате-
ринбург, Уральский федеральный университет)

Т. Ю. Быстрова, д-р филос. наук, доц. (Россия,
Екатеринбург, Екатеринбургская академия
современного искусства)

Т. А. Галеева, канд. искусствоведения, доц. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

О. Л. Девятова, д-р культурологии, проф. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

Ю. М. Ершов, д-р филол. наук, проф. (Россия,
Севастополь, Филиал МГУ имени М. В. Ломоносова
в городе Севастополе)

И. А. Ершова, канд. филос. наук, доц. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

Г. Е. Зборовский, д-р филос. наук, проф. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

Н. Б. Кириллова, д-р культурологии, проф. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

Б. Н. Лозовский, д-р филол. наук, доц. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

Ю. В. Матвеева, д-р филол. наук, проф. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

И. Я. Мурзина, д-р культурологии, проф. (Россия,
Екатеринбург, Институт образовательных стратегий)

М. А. Мясникова, д-р филол. наук, канд. искусство-
ведения, доц. (Россия, Екатеринбург, Уральский
федеральный университет)

В. Ф. Олешко, д-р филос. наук, проф. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

Е. Э. Павловская, д-р искусствоведения, проф.
(Россия, Екатеринбург, Уральский государственный
архитектурно-художественный университет)

М. В. Панкина, д-р культурологии, доц. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

Т. А. Снигирева, д-р филол. наук, проф. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

О. Н. Турышева, д-р филол. наук, доц. (Россия, Екате-
ринбург, Уральский федеральный университет)

Э. В. Чепкина, д-р филол. наук, доц. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

Ответственный секретарь

Л. А. Хухарева

СОДЕРЖАНИЕ

ЖУРНАЛИСТИКА И МАССОВЫЕ КОММУНИКАЦИИ

- Корнилова Е. Е., Ширина Е. В.* Роль телевидения в преемственности поколений и формировании ценностных установок и ориентиров 5
- Воробьева М. В.* Сатирический киножурнал «Фитиль» как частный случай советской государственной политики в области комического 18
- Амиров В. М.* Образ большого города в системе метафор телеграм-блогосферы Екатеринбурга 31
- Купина Н. А., Пикулева Ю. Б.* Конструктивный прием диалогизации в вербальном сверткесте интернет-рекламы 39

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ГУМАНИТАРНОЙ СФЕРЫ

- Коданина А. Л.* Цифровые трансформационные процессы на рынке печатных СМИ: опыт Республики Казахстан 52

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Чертенко Е. А., Медведев А. А.* Поэтика экфрасиса в «пушкинском тексте» Б. К. Зайцева 63
- Мань Синкунь.* Деконструкция мотива оборотничества в романе В. Пелевина «Священная книга оборотня» 74

КУЛЬТУРОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

- Николаев Р. М.* Роль традиционных ценностей в процессе формирования культурной идентичности советского народа в 1930–1940-е гг. 86

- Норманская А. В.* Интерпретация понятия «художественное наследие» в студенческой среде 99
- Лекус Е. Ю.* Символ и симулякр в скульптуре: особенности зрительской рецепции 109
- Девятова О. Л., Пичуева А. А.* Балеты М. Фокина на сцене екатеринбургского театра (к проблеме культурной реставрации и художественной интерпретации) 121
- Сеттаров А. А.* Интертекстуальные аллюзии в видеоклипах музыкального дуэта «Galibri & Mavik» 133

ОБРАЗОВАНИЕ: ВЫЗОВЫ НОВОГО ВРЕМЕНИ

- Костина Н. Б.* Поколенческий аспект исследования университетского сообщества в контексте историко-социологического анализа 139

ПСИХОЛОГИЯ

- Куваева И. О., Семаков Е. А.* Психологические особенности беременных и женщин, намеренных прервать беременность 153
- Муслумов Р. Р., Палкина Г. В.* Эмоциональный интеллект, агрессивность и импульсивность у делинквентных и законопослушных подростков 163

ЮБИЛЕИ

- Век живи — век учи! Верность альмаматер. К юбилею профессора Владимира Федоровича Олешко (*Р. Л. Исхаков*) 174

Научная статья

УДК 070:654.197 + 323.2 + 316.776 + 346.544:004.7 + 004.9

DOI 10.15826/izv1.2025.31.3.038

РОЛЬ ТЕЛЕВИДЕНИЯ В ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ПОКОЛЕНИЙ И ФОРМИРОВАНИИ ЦЕННОСТНЫХ УСТАНОВОК И ОРИЕНТИРОВ

Евгения Евгеньевна Корнилова¹

Елена Владимировна Ширина²

¹*Санкт-Петербургский государственный
экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия,
e_korn@bk.ru,*

<https://orcid.org/0009-0004-3026-2084>

²*Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Россия,
evshirina@sfedu.ru,*

<https://orcid.org/0009-0004-0728-6037>

А н н о т а ц и я. Статья посвящена актуальной проблеме современного общества — духовно-нравственному и ценностно-смысловому кризису межпоколенческой коммуникации. Проанализированы процессы формирования ценностных установок и влияние СМИ на информационное поведение различных возрастных групп. Акцент сделан на роли телевидения в установлении социального консенсуса и преемственности поколений в условиях новой медиареальности. Результаты ранее проводимых исследований в 2020, 2022, 2023 гг. и итоги опроса-2025, в котором приняли участие 755 человек возрастной категории 55+, подтвердили гипотезу авторов о деструктивной роли телевидения в межпоколенческой коммуникации, утрату им безусловного доверия, потенциальной способности формирования единого информационного пространства, эмоционально-поведенческих стереотипов и возможности популяризировать трансгенерационные идеалы.

© Корнилова Е. Е., Ширина Е. В., 2025

Ключевые слова: средства массовой информации; аудитория; телевидение; медиапотребление; межпоколенческая коммуникация; ценностные ориентации; конфликт

THE ROLE OF TELEVISION IN THE CONTINUITY OF GENERATIONS AND THE FORMATION OF VALUE ATTITUDES AND GUIDELINES

Evgeniya E. Kornilova¹

Elena V. Shirina²

¹ *St. Petersburg State University of Economics,
St. Petersburg, Russia,
e_korn@bk.ru,
<https://orcid.org/0009-0004-3026-2084>*

² *Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia,
evshirina@sfedu.ru,
<https://orcid.org/0009-0004-0728-6037>*

Abstract. The article is devoted to the urgent problem of modern society – the spiritual, moral, and value-semantic crisis of intergenerational communication. The processes of formation of value attitudes and the influence of the media on the information behavior of age groups are analyzed. The emphasis is placed on commercial television in establishing the principle of social consensus and continuity of principles in the context of a new media reality. The results of previously conducted studies in 2020, 2022, 2023 and the results of the 2025 survey, in which 755 people aged 55+ took part, confirmed the authors' hypotheses about the destructive role of television in intergenerational communication, the strengthening of unconditional trust, reliable abilities to form a formal human information space, emotional and behavioral stereotypes and the possibility of popularizing transgenerational ideals.

Key words: media; audience; television; media consumption; intergenerational communication; value orientations; conflict

Введение

Телевидение как основной источник информации на протяжении полувека занимало лидирующие позиции в системе СМИ, представляя собой не только основной ресурс социального ориентирования индивидуумов, но и канал формирования единого информационного пространства страны. Актуальным на сегодняшний день представляется вопрос о месте и роли телевидения в современном обществе, о чем свидетельствуют регулярно проводимые опросы общественного мнения и специальные телеизмерения аудитории. Исследователей интересует проблема: по-прежнему ли медиалидеру советского и постсоветского периодов удастся сохранять тотальное влияние на массовое сознание и позиции на рынке

массмедиа в условиях современной медиареальности, когда на авансцену выходит новое активное поколение россиян, динамика ценностных ориентаций которого значительно отличается от духовно-нравственных идеалов всех предыдущих поколений.

В научном дискурсе активизируется интерес к проблемам и динамике медиапотребления, методологиям исследования возрастных когорт населения [Кульчицкая и др.; Назаров, Иванов, Кублицкая], значимости межпоколенческих различий в моделях социальной активности, в практике взаимодействия с медиа [Полуэктова; Радаев]; организации продуктивного межпоколенческого общения в цифровой век [Саймонс и др.]. Ученые выясняют, насколько серьезен разрыв между поколениями — существенно ли различаются их социально-мировоззренческие установки, области интересов, оценки окружающей действительности. Является ли телевидение «тем ключевым инструментом в системе управления информационным пространством страны, который способен формировать культуру информационной просвещенности граждан, а также выступать регулятором состояния информационной безопасности страны» [Швец, с. 113].

В 2020 г. нами было предпринято исследование для определения предпочтений и потребностей респондентов, в котором приняли участие около 2 тыс. человек, имеющих доступ к различным каналам получения телевизионного контента. Анализ результатов анкетирования показал следующее: типичной является ситуация, когда каждый член семьи смотрит «свой» телевизор, что свидетельствует о несхожести взглядов и интересов поколений и не способствует оптимизации внутрисемейных отношений. Причины кроются как в неоднородности среды коммуникации, так и в межпоколенческих, идеологических разногласиях, а также различных информационных и рекреативных запросах/потребностях представителей возрастных когорт. В 2022, 2023, 2025 гг. нами были проведены анкетирования респондентов в возрастных группах 18–34, 35–55 лет и 55+, результаты которых обусловлены прежде всего новой медиареальностью, а также социально-политической обстановкой, перераспределением информационных потоков, введением ограничений для отдельных СМИ и социальных ресурсов.

Исследование-2022 аудитории 35–55+ по проблемам, касающимся телесмотра и доверия к СМИ, показало, что телевидение, утратившее в допандемийные годы свои лидирующие позиции в соперничестве с интернетом, упрочило их во время карантина и после начала специальной военной операции. Для значительной части россиян оно вновь стало одним из основных источников информации. В итоге телевидение получило большую, патриотически настроенную толерантную аудиторию, которая выражает доверие ведущим федеральным каналам. В итоге эффективность телевидения и телеграм-каналов оказалась равной. Предположение о том, что телевизионную аудиторию составляют люди от 55 лет и старше, подтвердилось лишь частично, так как большая часть опрошенных смотрит ТВ-каналы, но обращается к интернет-СМИ и Телеграм для сравнения и проверки информации на достоверность. Кроме того, традиционные СМИ, сохраняя свое содержание, «приняли мультимедийные формы, поэтому суждение

о том, что старшее поколение не потребляет цифровой контент, а молодое не подвергается воздействию и пропаганде, потому что не смотрит ТВ, на сегодняшний день уже неактуально» [Корнилова, 2023, с. 56].

В связи с этим было проведено исследование-2023, охватывающее уже молодежную аудиторию, и сделаны следующие умозаключения:

1. Современная молодежь массово отказывается от телевидения в пользу других источников, считая его неинтересным, неактуальным, политизированным.

2. Для некоторой части аудитории телевидение остается единственным или основным средством информации.

3. Влияние телевидения как инструмента государственной политики снижается, телевидение «не достигает молодежной аудитории и не оказывает воздействие на формирование ее эмоционально-поведенческих стереотипов, взаимодействуя только во взрослой аудитории...» [Корнилова, 2024, с. 40].

Далее мы решили выяснить, какова и насколько значительна роль традиционных СМИ в процессах преемственности поколений и формировании ценностных установок и ориентиров, а также является ли телевидение тем феноменом, который, согласно нашей гипотезе, может усугублять внутрисемейные конфликты в результате навязываемых пропагандой эмоционально-поведенческих стереотипов и, как следствие, столкновения противоположно направленных взглядов, присущих разным поколениям. Нами было проведено исследование-2025 не охваченной ранее категории зрителей 55+, которое включало изучение не только аудиторных предпочтений, но и особенностей межпоколенческой и/или внутрисемейной коммуникации.

Методы и материалы

В статье сопоставляются результаты ранее проведенных исследований 2020, 2022, 2023 гг. в дифференцированных возрастных пределах от 18 до 55 лет. Отдельно рассмотрены результаты опроса-2025 респондентов из различных городов и населенных пунктов РФ и зарубежных стран.

Основным эмпирическим методом достижения поставленной цели стал опрос-2025, посвященный аудиторным предпочтениям возрастной группы зрителей 55+ в контексте межпоколенческих различий. В качестве респондентов выступили 755 человек, которые были распределены по возрастным сегментам: 55–60 лет, 61–65, 66–70, 70–75 лет, 75+, и уровню образования. География опроса (выборочная совокупность): города Российской Федерации и населенные пункты Архангельской, Белгородской, Вологодской, Воронежской, Иркутской, Калининградской, Кемеровской, Ленинградской, Московской, Новгородской, Новосибирской, Омской, Оренбургской, Пензенской, Псковской, Ростовской, Рязанской, Самарской, Саратовской, Свердловской областей, Ставропольского, Красноярского, Краснодарского краев, республик Карелия, Коми, Татарстан, Ханты-Мансийского автономного округа, зарубежных стран — Вьетнама, Казахстана, Сирии. Анкетирование осуществлялось в электронной форме с помощью

сервиса «Google. Forms». Эмпирическое исследование позволило выявить особенности информационного поведения старшего поколения, их предпочтения и ожидания от телепросмотра.

Для выявления ценностных ориентаций проведено исследование открытых ответов респондентов на вопрос «Каким вы бы хотели видеть телевидение?» с использованием элементов контент-анализа и метода описательной статистики. Были выбраны 100 ответов с повторяющимися суждениями (в том числе однословные и короткие). Поиск и отбор материала осуществлялся по ключевым словам и фразам с помощью лексического (выявление часто употребляемых слов) и семантического (интерпретация смысловых единиц и тематических классификаций) анализа. Частотность определялась либо числом упоминаний, либо долей ответов, в которых данное слово/фраза присутствовала.

Таким образом, полученный эмпирический материал позволил отследить динамику предпочтений в исследуемой социально-демографической группе, определить акценты в оценке роли телевидения в преемственности поколений, а также наметить перспективу дальнейших исследований.

Результаты и обсуждения

Каждое поколение идет своим информационным путем, испытывая влияние совершенно разных коммуникаторов, принимая часто противоположные точки зрения и в результате этого приходя к непохожим умозаключениям и убеждениям. Кроме того, передача опыта в мультимедийной сфере происходит, в отличие от традиционной ситуации, от младшего поколения к старшему, так как первые намного быстрее осваивают новейшие технологии и больше времени проводят в интернете, общаясь, играя, обучаясь, работая, при этом меньше контактируют со старшим поколением, ослабляя внутрисемейные связи. Нарушение межпоколенческой коммуникации — одна из универсальных проблем социума, причины возникновения которой обусловлены целым рядом факторов, таких как: несоответствие моральных ценностей, мнений по актуальной повестке дня; разница в отношении к историческим событиям; различия в коммуникативном опыте, эмоционально-поведенческих стереотипах, навязываемых молодым массовой культурой, а пожилым — пропагандой. Значимым фактором кризиса межпоколенческой коммуникации также является медленная адаптация старшего поколения к мультимедийной среде, что подрывает авторитет старшего поколения, которое «вынуждено учиться у младшего, если инновационные изменения происходят слишком быстро, тогда опыт, который усвоили старшие еще во времена своей молодости, перестает функционировать, даже пока взрослое поколение находится в своем расцвете» [Ахмадуллин, Низамова, с. 90] (рис. 1).

Старшее поколение, воспитанное телевизором и художественной литературой, желающее делиться жизненным опытом и доминировать, быть авторитетом для детей и внуков, как это было в отношениях с их родителями, входит в конфликт с младшим, коммуникативный опыт которого преимущественно

сформировался под влиянием соцсетей, где личностные границы неосязаемы, эмпатия снижена или вообще отсутствует, возраст, статус собеседника неизвестен или не имеет значения. Вследствие этого происходит нивелирование не только опыта старшего поколения, но и моральных ценностей и авторитетов. В результате чего межпоколенческий коммуникационный кризис становится более глубоким (рис. 2).

Рис. 1. Распределение ответов респондентов на вопрос «Ваши дети и внуки смотрят общественно-политические программы на ТВ?» (755 ответов)

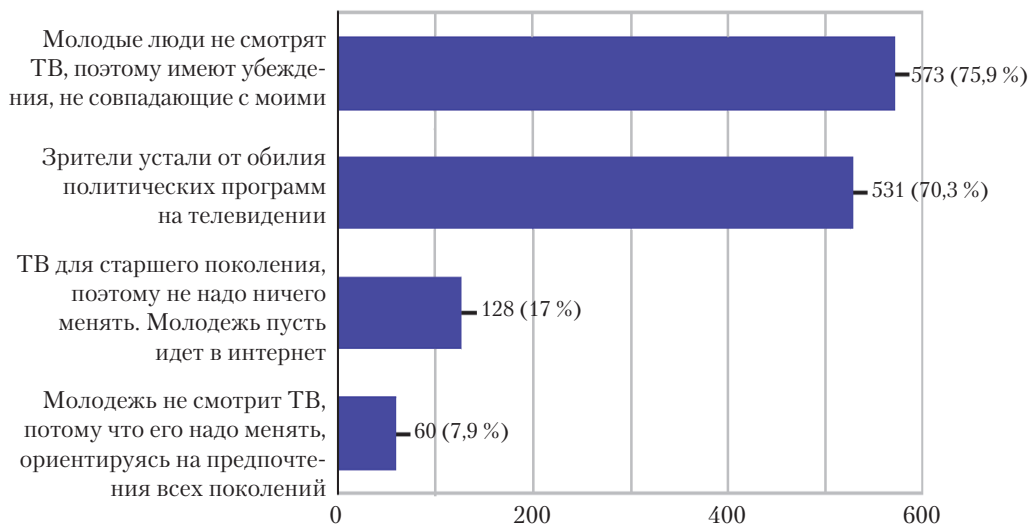

Рис. 2. Распределение ответов респондентов на вопрос «Какие утверждения по вашему мнению верны?» (один или несколько вариантов из списка; 755 ответов)

Цифровизация и глобализация информационного пространства создали новую медиареальность и привели к изменению моделей межпоколенческих отношений. СМИ выступают скорее как провокатор противоречий между поколениями в реальной жизни, так как разные источники по-разному влияют на мировоззрение и деятельность людей. Образ жизни, мысли, мнения, идеологические установки, способы реагирования на события, авторитеты в информационном пространстве обусловлены, подсказаны СМИ (рис. 3).

Рис. 3. Распределение ответов респондентов на вопрос «Вы часто НЕ согласны с позицией младшего поколения по социально-политическим вопросам» (755 ответов)

Телевидение утратило доверие значительной части населения, которое сменилось игнорированием и/или раздражением. Несовпадение мотивационно-ценностных и эмоционально-поведенческих стереотипов у отдельных аудиторных групп, формирующихся под влиянием различных информационных источников, очевидно. Конфликт поколений, возникающий в ходе диалога, может быть скрытый, выражающийся в недовольстве, обиде или пассивной агрессии, или открытый, переходящий в спор, полемику, ссору и т. д. Станет ли конфликт конструктивным (приведет к положительному результату/разрешению) или деструктивным (усугубится: вызовет нарастание напряжения, конфронтацию, усиление непонимания сторон, эмоциональное неприятие и нежелание слышать друг друга) — зависит от многих обстоятельств.

Конструктивность конфликта неизбежно влечет за собой изменения в ценностно-нормативной системе его участников, снятие социального напряжения, решение насущных проблем, поиск компромиссов, способы избегания конфликта, уклонение от него.

Важно акцентировать внимание на том, что в вариантах ответов прослеживаются значимые различия, коррелируемые с возрастным сегментом и уровнем образования: респонденты 55–65 лет с высшим образованием чаще дают ответ, что «у них одинаковая с младшими родственниками позиция по социально-политическим вопросам» и что «каждый имеет право на свою точку зрения», тогда как люди в возрастном сегменте 65+ без высшего образования отмечают, что стремятся

донести и даже «навязать» свою безапелляционную позицию молодому поколению. Это лишний раз подтверждает, что, артикулируя поколенческий дискурс, следует учитывать гетерогенность даже внутри одного поколения, его базовые показатели и социальные установки, а также духовно-ценностные ориентиры.

Конфликт поколений вечен, и полное его разрешение маловероятно. Именно политические ток-шоу на федеральных каналах являют собой не лучший пример того, как следует вести полемику с учетом изменившейся сегодня конфигурации отношений между поколениями, связанной с цифровизацией и глобализацией массовых коммуникаций, а также с разницей в системе ценностей, возникающей в процессе социализации индивидуумов в периоды их становления и формирования гражданского сознания.

Телевидение во многом способствует разжиганию конфликта, ведя агрессивную политику, насаждая догматическое мышление, нетерпимость к «иному» мнению, деля мир на «своих» и «чужих» в зависимости от убеждений, провоцирует конфликт, усиливает напряжение, противостояние «мы» и «они».

Однако данная ситуация характерна лишь для настоящего периода функционирования телевидения, так как, рассматривая историческую ретроспективу его развития, мы наблюдаем, как оно постепенно овладевало всеми важнейшими функциями СМИ: информационной, идеологической, организаторской, образовательной, рекреативной — и мастерски с ними справлялось на протяжении нескольких десятилетий.

Можно выделить следующие этапы развития телевидения:

1. Телевидение — главный воздействующий канал СМИ второй половины XX в. — первого десятилетия XXI в., самое значимое по своему влиянию на массовое сознание средство коммуникации, наиболее массовый вид СМИ, создатель единого информационного пространства.

2. В СССР в так называемый период застоя (1970–1980) телевизионное вещание охватывает 99,9 % населения. Кроме того, увеличивается время просмотра телепередач. Телевизор является и средством информации, и способом проведения досуга, развлечения, и идеологом, мотиватором, и собеседником, и средством социализации, эталоном образа жизни — неотъемлемой частью повседневной реальности, рупором непререкаемой правды, т. е. опорой советского строя.

Следует предположить, что идеологическая составляющая для советского зрителя была вторична по отношению к развлекательной функции телевидения, но привычна и вполне приемлема. Однако основополагающим является тот факт, что установка была общей для всех и все смотрели один канал информации, что и было объединяющим началом для семьи, единым информационным пространством для всего советского народа.

3. Постсоветский период характеризуется рядом важных для страны политических событий, интерпретатором которых был именно телевизор.

Следовательно, преданной аудитории телевидения, для которой оно оставалось долгие годы единственным и надежным источником информации, сейчас 55+. Таким образом, средний возраст зрителей увеличивается, но их количество

уменьшается. Однако эта аудитория по-прежнему остается существенной: в 2024 г. доля граждан старше 55 лет достигла 30 %, что составляет 43 млн 830 тыс. человек из 146,1 млн, населяющих Россию¹. Это и есть значительная часть потенциальной аудитории современного телевидения, лишь при уменьшении которой можно будет объективно говорить о снижении роли телевидения в жизни общества. Кроме того, постоянными телевизионными зрителями, согласно данным предыдущего исследования, являются 40,2 % 35–55-летних, заявивших, что смотрят телевизор регулярно или считают его одним из двух основных источников информации. Эти показатели вполне обнадеживающие, но, конечно, ниже, чем у старшего поколения (88,9 %), см. рис. 4.

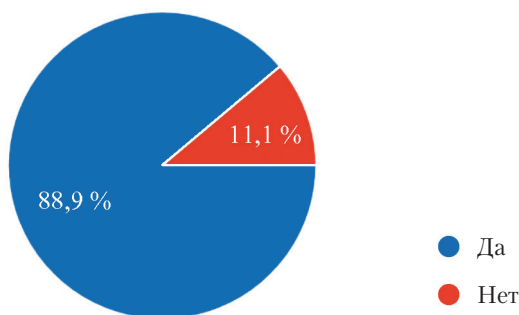

Рис. 4. Распределение ответов респондентов на вопрос «Вы включите телевизор, если вам срочно нужно будет получить информацию о событии?» (755 ответов)

4. Распад СССР совпал по времени с процессами коммерциализации и цифровизации телевидения, что привело к индивидуализации просмотра. Теперь это уже не единое ЦТ (центральное телевидение), а многочисленные каналы, дифференцированные по тематике. Телевизионный приемник появляется в спальне, выбор контента зависит уже не от «линии партии» (Комитета по телевидению и радиовещанию СССР), а от индивидуальных предпочтений. Однако в гостиной и на кухне телевизор есть практически во всех домохозяйствах как символ объединяющего семью телесмотрения.

68,2 % из 755 опрошенных категории 55+ считают, что «телевидение манипулирует аудиторией, и ему это хорошо удается», 10,5 % и 12,8 % соответственно ответили, что «это его главная задача», но «на них это не действует». Младшие поколения солидарны с этим мнением, но противоречие состоит в том, что одни, считая телевидение манипулятором и наивно полагая, что критическое отношение к информации не позволит им быть обманутыми, продолжают смотреть телепередачи, а другие, придерживаясь того же общего умозаключения по поводу

¹ Минтруд сообщил о рекордной численности населения старше 55 лет // Коммерсант. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7310885> (дата обращения: 03.03.2025).

ТВ, выбирают иные источники, посредством которых также могут быть введены в заблуждение, но уже другого толка. Отсюда — различие убеждений и мнений, когда речь идет об общечеловеческих ценностях, нравственных ориентирах и пр., базирующееся на общей платформе.

5. Новый виток идеологической централизации ТВ набирает обороты после 2013 г. Основные федеральные каналы соревнуются в рейтингах, выпуская в эфир одно за другим политические ток-шоу, представляющие собой инструменты стратегической коммуникации, а также адаптируют зарубежные развлекательные форматы, наполняя их «идеологически заряженным контентом» [Tolz, Teper].

Наш опрос показал, что 68 % людей старшего поколения включают телеканалы «Россия 1» или «Россия 24», чтобы узнавать важные новости, 10 % — Первый канал, 2,3 % — Пятый, 1,9 % — городской/региональный, и только 9,3 % ответили, что не обратятся к телевизору, а будут искать информацию в интернете.

Как показало исследование, стереотипное представление о том, что поколение 55+ не умеет пользоваться интернетом, ошибочно, но даже умение и навыки пользователя не играют решающей роли при выборе источника информации: доверие старшего поколения останется на стороне традиционных СМИ, а «этим вашим интернетам» оно в большинстве своем доверять не склонно. Около трети опрошенных ответили, что читают/смотрят новости в Сети, при этом 600 (81 %), 565 (76,2 %) и 486 (65,3 %) наших респондентов, опытных пользователей, общаются в соцсетях, смотрят художественные фильмы и развлекательный контент соответственно. Однако такая активность в цифровой среде не оказывает влияния на их идеологические воззрения, систему ценностей и снижение уровня доверия к традиционным СМИ.

Многие зрители 55+ понимают, что не весь телевизионный контент является достоверным, но все равно относятся к нему лояльно, в том числе и пользователи интернета, которому они склонны не доверять: к независимым телеграм-каналам обращаются всего 12,2 %. Стремительное развитие новейших технологий совпало с распространением новых постсоветских ценностей и стандартов жизни — многие не смогли или не захотели принять ни первое, ни второе. Именно телевидение продолжает оставаться для взрослой аудитории инструментом информационного влияния, позволяет жить в этом «законсервированном мире»: «Разве станут нас обманывать в новостной программе!» Означает ли это, что оценка «правда/неправда» несет эмоциональную, а не рациональную окраску, и привычка смотреть телевизор, сформировавшаяся за долгие годы, так и останется у этой аудитории на всю жизнь.

Понимание сути возрастной динамики медиапотребления невозможно без обращения к ценностно-смысловым установкам и ценностным ориентациям личности (или группы личностей), интерпретируемым нами в контексте исследовательского интереса в русле социологического подхода как критерии оценочной дифференциации объектов действительности по их положительной или отрицательной значимости, т. е. предпочтению или отвержению определенных смыслов, которые задают общую направленность интересам, устремлениям,

мотивам и целевым установкам личности или социальной группы и необходимы для «поддержания нормативного порядка в обществе» [Елишев, с. 92].

Во второй части опроса был предложен открытый вопрос-рассуждение «Каким бы вы хотели видеть телевидение сегодня?». В процессе обобщения результатов проанализировано 100 ответов, в которых содержались многократно повторяющиеся идеи и характеристики, описывающие качества желаемого телевидения. На лексическом уровне выделены наиболее часто употребляемые ключевые слова, которыми оперировали респонденты, и ряд типичных ключевых фраз, передающих конкретные пожелания.

На основании произведенных подсчетов выяснилось, что слова «интересный», «познавательный», «качественный» возглавляют список (суммарно 75 %), значимые доли упоминаний имеют также ценностные характеристики, отражающие достоверность и нравственный уровень телевизионного контента (честный, объективный, независимый, добрый, семейный, патриотический) — 41 %. Частотность ключевых фраз раскрывает конкретные направления изменений, которые желают зрители: увеличение доли познавательного и образовательного контента, включая качественное советское кино и документальные фильмы, посвященные историческому развитию России, — 60 %. 10 % сформулировали запрос на «объективные новости», около 5 % — на «свободу слова на ТВ», 10 % — на телевидение «без пропаганды», а также 5 % отметили усталость от политических ток-шоу и желание их уменьшить. Также пожелания связаны со стремлением к моральному, позитивному эфиру — ограничения на показ жестокости, насилия, пошлости и вульгарности (приблизительно 8 %), совместному семейному просмотру передач для разных поколений (около 5–8 %).

Для значительной части зрителей важно не только, что показывают, но и как, а также с какой целью включается та или иная программа в сетку вещания. 15 % респондентов косвенно или прямо говорили о важности героев и образов на экране. Аудитория хочет видеть истории из реальной жизни, вдохновляющие примеры, положительных представителей современности, продвигающих «правильные» ценности.

Можно констатировать, что запрос части аудитории 55+ во многом связан с повышением нравственного уровня телевещания, с сохранением социальной роли телевидения и его статуса морального ориентира для общества. Одновременно хочется отметить, что большая часть людей, принявших участие в анкетировании, не ответили на открытый вопрос, что может свидетельствовать о пассивности информационного поведения старшего поколения и привычном способе потребления телеконтента.

Выводы

Телевидение остается влиятельным инструментом стратегических коммуникаций, так как продолжает играть важную роль в жизни огромного числа граждан нашей страны, оставаясь для них медиалидером, способным оказывать

убеждающее воздействие на массовое сознание, формировать мотивационные установки, моделировать эмоционально-поведенческие стереотипы, указывать ценностные ориентиры и быть «рупором государственной политики». В отличие от предыдущих периодов, такое существенное влияние телевидение оказывает лишь на старшее поколение и часть среднего, что неизбежно ведет к нарушению межпоколенческих коммуникаций и единого информационного пространства.

Зрители 55+ продолжают смотреть привычный набор каналов и не стремятся расширить кругозор благодаря разнообразию тематического контента. Споры под влиянием воздействия пропаганды федеральных каналов, которые значительная часть аудитории продолжает активно смотреть и которым доверяет, разгораются в основном между старшим и средним поколениями, младшее же предпочитает молча потреблять цифровой контент, хотя также бывает втянуто в конфликт.

Вместе с тем ценностное значение телевидения как «рупора государственной политики», «площадки для социального сплочения аудитории разных возрастов» значительная часть аудитории 55+ определяет как потенциально возможное и важное для воспитания молодого поколения. Принимая развлекательную функцию телевидения в качестве необходимого досуга, зрители старшего поколения желают видеть на экране «значимый мир», наполненный человеческим достоинством.

Однако ситуация складывается таким образом, что ценностные предпочтения разных поколений (за исключением базовых установок) не совпадают, смысловые, организационные и технические аспекты телесмотра раздражают молодое поколение, уводят эту зрительскую аудиторию в цифровую среду как более комфортную.

Следует на фоне изменения моделей межпоколенческих отношений, влияния массовой культуры, с одной стороны, и пропаганды — с другой, конфликта интересов, несовпадения мнений и т. п., когда телевидение становится камнем преткновения, превратить массмедиа в средство консолидации общества и механизм трансляции межпоколенческих идеалов, моральных норм, духовных ценностей, моделей поведения.

Ахмадуллин И. Р., Низамова А. Х. Конфликт поколений через призму социальных сетей // Вестн. экономики, права и социологии. 2022. № 3 : Социология. С. 90–92. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konflikt-pokoleniy-cherez-prizmu-sotsialnyh-setey?ysclid=m8yjhuy076684261700> (дата обращения: 05.02.2025).

Елишев С. О. Изучение понятий «ценность», «ценностные ориентации» в междисциплинарном аспекте // Ценности и смыслы. 2011. № 2 (11). С. 82–96. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izuchenie-ponyatiy-tsennost-tsennostnye-orientatsii-v-mezhdistsiplinarnom-aspekte?ysclid=m9cytubrmh14075226> (дата обращения: 01.04.2025).

Корнилова Е. Е. ТВ vs Telegram: актуальные тенденции медиапотребления, доверие к источникам информации и эффективность воздействия // Язык. Коммуникация.

Общество : электрон. науч. журн. 2023. № 4 (4). С. 43–56. URL: https://unescon.ru/wp-content/uploads/2023/12/enzh-уако_4-4_2023.pdf (дата обращения: 03.03.2025).

Корнилова Е. Е. Проблемы взаимодействия телевидения как инструмента государственной политики и молодежной аудитории // Вестн. Акад. медиаиндустрии. 2024. № 2 (38). С. 27–44. URL: https://drive.google.com/file/d/1_RG0m8ibbtZII9TBSaKPVLQ0B7E-1ipC/view (дата обращения: 02.03.2025).

Кульчицкая Д. Ю., Вартапов С. А., Дунас Д. В. и др. Медиапотребление молодежи: специфика методологии исследования // Медиаскоп. 2019. Вып. 1. URL: <http://www.mediascope.ru/2529> DOI: 10.30547/mediascope.1.2019.9. (дата обращения: 02.03.2025).

Назаров М. М., Иванов В. Н., Кублицкая Е. А. Медиапотребление в возрастных когортах: ТВ и Интернет // Вестн. РУДН. Сер. : Социология. 2020. Т. 20, № 3. С. 560–571. <https://www.doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-3-560-571>

Полухтова И. А. Медиапотребление различных возрастных групп // Социол. исслед. 2023. № 11. С. 127–132. <https://www.doi.org/10.31857/S013216250028539-5>

Радаев В. В. Раскол поколения миллениалов: историческое и эмпирическое обоснование (первая часть) // Социол. журн. 2020. № 3. С. 30–61. <https://doi.org/10.7868/S0132162518030029>

Саймонс Г. Д., Мухин М. Ю., Олешко В. Ф., Сумская А. С. Цифровизация коммуникативно-культурной памяти и проблемы межпоколенческой трансляции: методика междисциплинарного исследования // Коммуникатив. исслед. 2019. Т. 6, № 4. С. 905–939. [https://doi.org/10.24147/2413-6182.2019.6\(4\).906-939](https://doi.org/10.24147/2413-6182.2019.6(4).906-939)

Швец Я. В. Влияние телевидения на информационное пространство современной России // Вестн. Поволж. ин-та управления. 2018. Т. 18, № 2. С. 112–118. <https://doi.org/10.22394/1682-2358-2018-2-112-118>

Tolz V., Teper Y. Broadcasting Agitainment: A New Media Strategy of Putin's Third Presidency // Post-Soviet Affairs. 2018. Vol. 34, № 4. P. 213–227. <https://doi.org/10.1080/1060586X.2018.1459023>

Статья поступила в редакцию 12.05.2025 г.

Научная статья

УДК 778.5-28 + 811.161.1'38 + 351.746.7 + 32.019.5 + 82.7

DOI 10.15826/izv1.2025.31.3.039

САТИРИЧЕСКИЙ КИНОЖУРНАЛ «ФИТИЛЬ» КАК ЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ СОВЕТСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ КОМИЧЕСКОГО

Мария Владимировна Воробьева

*Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия,
vorobyova-mariya@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-8093-0878>*

А н н о т а ц и я. В статье изложены результаты исследования сатирического киножурнала «Фитиль» за 1962–1991 гг. «Фитиль» представлен в качестве примера государственной политики в области комического. На материале выпусков «Фитиля» продемонстрирована встроенность киножурнала в систему государственной сатиры, выявлены типичные темы и объекты сатиры в статике и динамике, специфика комизма киножурнала и его трансформации. Основным методом исследования выступил метод дискурс-анализа, вспомогательными — метод семантического анализа и герменевтический метод. Сделан вывод, что на примере киножурнала «Фитиль» можно видеть магистральные направления политики государственной власти в области комического. Киножурнал должен был воспитывать граждан и нормировать их поведение; служить укреплению власти путем критики отдельных недостатков жизни в СССР; отвлекать внимание от системных проблем и пороков, ставя ложные социальные диагнозы.

К л ю ч е в ы е с л о в а: СССР; киножурнал «Фитиль»; 1962–1991 гг.; советская сатира; темы и объекты сатиры; характер комизма; государственная политика в области комического

SATIRICAL CINEMAGAZINE “FITIL” AS A CASE OF SOVIET STATE POLICY IN THE SPHERE OF HUMOR AND COMEDY

Maria V. Vorobyeva

*Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
vorobyova-mariya@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-8093-0878>*

Abstract. This article analyzes satirical cinemagazine “Fital” (The Fuse) issues of 1962–1991. It shows that “Fital” was a part of mainstream satire, determined by the state policy in the sphere of humour and comedy. Based on the issues of “Fital”, this article identifies the integration of the cinemagazine into the system of state satire, a list of typical satirical topics, objects of satire, and the specific features of the comicality in the cinemagazine and its transformations. The discourse analysis method was supplemented by the process of semantic analysis and the hermeneutic method. It was concluded that the example of “Fital” can reveal directions of the state policy in the sphere of humour and comedy. The main purpose of the cinemagazine “Fital” was to set behaviour norms for Soviet citizens and encourage the desired behaviour; reinforce the regime by directing the public’s attention towards specific flaws and thus preventing them from seeing the whole picture.

Key words: USSR: cinemagazine “Fital”; 1962–1991; Soviet satire; satire of the “Thaw”; themes and subjects of satire; comicality; state policy in the sphere of humor and comedy

Вступление

Сатирический киножурнал «Фитиль» стал выходить в 1962 г., и начало этому проекту положил приказ министра культуры СССР № 97 от 10 марта 1962 г. о создании редакции всесоюзного сатирического киножурнала [Курганевич, с. 133]. Очевидно, что статус проекта сразу был высоким, а сам проект считался важным до конца советского периода. Об этом свидетельствует то, что главным редактором и куратором «Фитиля» стал известный писатель-сатирик С. Михалков, соавтор государственного гимна, трижды лауреат Сталинской премии второй степени и председатель Союза писателей РСФСР. На всем протяжении функционирования проекта к участию в нем привлекались знаменитые режиссеры и сценаристы — Л. Гайдай, Г. Данелия, А. Митта, Э. Успенский, М. Жванецкий, С. Альтов и др. Целая плеяда популярных актеров театра и кино снималась в игровых сериях киножурнала (И. Ильинский, С. Филиппов, Ю. Никулин, Г. Визин, Ф. Раневская, О. Аросева, Т. Пельтцер, Е. Леонов, А. Ширвиндт, З. Гердт, Р. Быков, В. Этуш, Г. Бурков, Л. Куравлев, М. Пуговкин, С. Крамаров, И. Ясулович, Т. Догилева, Н. Крачковская и пр.). Свидетельством значения, придаваемого киножурналу государством, являлась массовая распространенность «Фитиля»,

которая обеспечивалась тем, что его выпуски предваряли киносеансы, а просмотр кино в кинотеатре был один из немногих широкодоступных в советскую эпоху видов публичного досуга.

Почему же киножурналу придавалось столь большое значение, отчего государство выделяло на его создание немалые денежные средства и способствовало знакомству с его контентом максимально возможного количества людей? Думается, причина в том, что «Фитиль» стал важной частью государственной сатиры — подцензурной сатиры, целью которой выступало утверждение советского государственного строя путем разоблачения его отдельных недостатков. Кроме того, большое значение «Фитиля», вероятно, объяснялось реализуемой им функцией снятия социального напряжения.

Задачи статьи — на материале выпусков «Фитиля» за 1960–1990-е гг. выявить перечень тем сатиры, типичные объекты сатиры, специфику комизма и его трансформации. Цель статьи — продемонстрировать на примере «Фитиля» политику власти в области комического. Основным методом исследования являлся метод дискурс-анализа, опробованный другими исследователями при изучении киноматериалов (см.: [Туровец]), вспомогательными — метод семантического анализа и герменевтический метод.

Отметим, что отчасти схожие работы, сконцентрированные на выявлении доминирующих тем и проблемных областей, объектов сатиры, анализе образов носителей власти, были опубликованы и другими исследователями, но отличались объектом изучения, охватываемым периодом, величиной выборки и характером материала [Гринько, Шевцова; Клинова, Трофимов; Курганевич; Спутницкая].

Завершая вступительную часть статьи, раскроем значения понятий из сферы комического, которыми мы оперируем. Под комическим понимается специфическое качество, придаваемое феноменам действительности человеческим умом и воображением, основной характеристикой этого понятия выступает фиксация противоречий между реальностью и эстетическими идеалами, вызывающая смеховую реакцию. Под сатирой подразумевается форма осмеивания, отличающаяся жестким, изобличающим характером смеха и претендующая на разоблачение действующих принципов жизнеустройства. Юмор — это форма осмеивания, для которой характерно мягкое вышучивание отдельных недостатков реальности. Ирония — прием осмеивания, заключающийся в маскировке неодобрения чего-либо при помощи показного одобрения; гротеск — прием осмеивания, суть которого состоит в гиперболизации каких-либо недостатков. Абсурдизация — прием осмеивания, доводящий до предела бессмысленность и иррациональность разнообразных феноменов.

Результаты исследования

В советский период существования «Фитиля», т. е. с 1962 по 1991 г., вышло 357 выпусков, в среднем по 12 выпусков в год, итого свыше 1000 серий. Каждый выпуск состоял из 3–4 серий, обычно одной или двух документальных, выполненных в жанре журналистского расследования, одной мультипликационной

и одной в стиле игрового кино. В сериях, созданных в жанре журналистского расследования, сатирическая компонента, как правило, практически не фигурировала, поскольку ставилась иная цель — показать локальные проблемные ситуации, назвать виновных с указанием должностей и имен. Мультипликационные серии, бесспорно, содержали сатиру, которая выражалась не только на уровне тем и высмеиваемых объектов, но и на уровне визуального плана подачи материала.

Учитывая направленность нашего исследования на изучение сатиры, а также большой объем материала, мы взяли для рассмотрения и анализа лишь те серии, которые сделаны в жанре игрового кино. Всего изучено 322 серии, что составляет около 1/3 материала журнала за советский период. Отметим, что мы столкнулись с трудностями по сбору материала. Большая часть эпизодов найдена на сайте <https://rutube.ru/plst/692681/>, однако не все игровые серии удалось отыскать, поэтому предлагаемые нами выводы не следует рассматривать как окончательные.

Итоги анализа игровых серий «Фитиля» за 1962–1991 гг. представлены в виде нескольких таблиц с перечнем тем и указанием процентного веса каждой на фоне общего количества серий за каждое десятилетие.

Комизм «Фитиля» 1960-х гг. был мягким, тяготеющим больше к иронии и юмору, нежели к сатире. Комические приемы не имели характера гротеска. Объекты осмеивания, как правило, отдельно взятые люди — некомпетентные руководители, бытовые хамы, нерадивые работники. Киножурнал склонен указывать на недостатки людей (невежливость, необразованность, нечуткость, склонность злоупотреблять служебным положением и пр.), не вынося окончательный вердикт, выказывая надежду на исправление ситуации, улучшение нравов. Примечательно, что серии киножурнала, посвященные теме бюрократизма и плохого руководства, разоблачают конкретные негативные черты руководителя (к примеру, грубость, неумение работать, лень), не связывая его плохую работу с формирующими свойствами государственной системы, внутри которой он функционировал. Также обращает на себя внимание, что рассмотренные нами игровые серии «Фитиля» 1960-х гг. достаточно много внимания уделяют частной жизни людей, их нравам и поведению в быту, реализуя тем самым воспитательную функцию (табл. 1).

Добродушный комизм 1960-х гг. сменился в 1970-е гг. на более жесткий, гротесковый. Характерный прием — доведение ситуации до абсурда, абсурдизация, особенно в части осуждения бюрократизма и плохого сервиса. Задаваясь вопросом о том, какую конечную цель имеет применение такого приема осмеивания, предположим, что советская действительность должна была казаться не столь одиозной на фоне абсурдизированно показанных ситуаций. При этом, как и в предыдущее десятилетие, типичные объекты осмеивания — отдельно взятые люди в быту или на работе, недостатки которых выставляются напоказ. Обобщения не делаются, их можно вывести лишь на основании комплексного анализа серий на определенные темы, но даже после этого очевидно, что серьезные общественные проблемы предстают в виде локальных. «Фитиль» скорее дает намеки на подобные проблемы (дефицит, блат, взятки, экология), не отрицая их наличия, но и не признавая серьезности масштаба (табл. 2).

Таблица 1

Темы «Фитиля» в 1960-х гг. (88 серий)

№ п/п	Сюжеты, темы	Количество задействований
1	Нравы, поведение в быту	26 (29,5 %)
2	Плохое руководство	13 (14,7 %)
3	Бюрократизм	7 (8 %)
4	Пьянство в быту, борьба с ним	7 (8 %)
5	Плохой сервис (общепит, торговля, гостиницы, ЖКХ)	6 (6,8 %)
6	Плохая работа, нежелание работать	6 (6,8 %)
7	Мошенничество на работе и в быту	4 (4,5 %)
8	Воровство на работе и в быту	4 (4,5 %)
9	Низкое качество продукции	3 (3,4 %)
10	Взятки (мздоимство и взяткодательство)	3 (3,4 %)
11	Взаимодействие с иностранцами, низкопоклонство перед Западом	2 (2,3 %)
12	Живопись в стиле соцреализма	2 (2,3 %)
13	Разное: дефицит, браконьерство, изъяны системы образования, приписки, злоупотребление служебным положением	5 (5,7 %)

Таблица 2

Темы «Фитиля» в 1970-х гг. (105 серий)

№ п/п	Сюжеты, темы	Количество задействований
1	Нравы, поведение в быту	18 (17,1 %)
2	Плохой сервис (торговля, общепит, гостиницы, ЖКХ, медицина, транспорт)	16 (15,2 %)
3	Бюрократизм	15 (14,3 %)
4	Плохое руководство и зажим критики	7 (6,6 %)
5	Блат	7 (6,6 %)
6	Пьянство на работе и в быту	7 (6,6 %)
7	Бесхозяйственность, плохая организация работы	7 (6,6%)
8	Взятки (мздоимство и взяткодательство)	5 (4,8%)

Окончание табл. 2

№ п/п	Сюжеты, темы	Количество задействований
9	Плохая работа в целом	5 (4,8%)
10	Растрата служебного времени	4 (3,8%)
11	Низкое качество продукции	3 (2,8%)
12	Воровство на работе	3 (2,8%)
13	Дефицит	2 (1,9%)
14	Экологические проблемы	2 (1,9%)
15	Разное: теневая экономика, подлог, шутки	4 (3,8%)

Комизм «Фитиля» 1980-х гг. стабильно тяготеет к гротеску, абсурдизация как средство достижения комического эффекта по-прежнему имеет место, в особенности при осуждении бюрократизма, плохого руководства, бесхозяйственности, низкого качества продукции. В сериях, вышедших после начала перестройки, заметно изменение масштабов объекта высмеивания — теперь это не только отдельно взятые люди, но и коллективы людей. Делаются попытки обобщений: за негативными явлениями порой проглядывают намеки на возможный их масштаб. В конце 1980-х гг. «Фитиль» достиг пика разрешенной критики — критикуются отраслевые министры (табл. 3).

Таблица 3

Темы «Фитиля» в 1980-х гг. (106 серий)

№ п/п	Сюжеты, темы	Количество задействований
1	Нравы, поведение в быту	13 (12,3 %)
2	Плохой сервис (торговля, общепит, гостиницы, ЖКХ, кассы)	11 (10,4 %)
3	Пьянство на работе и в быту, антиалкогольная кампания	11 (10,4 %)
4	Воровство на работе	8 (7,5 %)
5	Плохая работа в целом	7 (6,6 %)
6	Бюрократизм	7 (6,6 %)
7	Блат	6 (5,6 %)
8	Бесхозяйственность, плохая организация работы	6 (5,6 %)
9	Плохое руководство и зажим критики	5 (4,7 %)
10	Взятки (мздоимство и взяткодательство)	5 (4,7 %)

Окончание табл. 3

№ п/п	Сюжеты, темы	Количество задействований
11	Растрата служебного времени	5 (4,7 %)
12	Перестроечная кампания, сопротивление чиновников перестройке	5 (4,7 %)
13	Низкое качество продукции	5 (4,7 %)
14	Злоупотребление служебным положением, номенклатура	4 (3,7 %)
15	Приписки, очковтирательство	3 (2,8 %)
16	Разное: теневая экономика, домашний труд женщины, культурное обслуживание села, дефицит, показуха	5 (4,7 %)

Характер комизма «Фитиля» начала 1990-х гг. жесткий, по большей части гротесковый, тяготеющий к обобщениям, использующий прием абсурдизации шире, чем в 1970–1980-х гг. К отдельным должностным и частным лицам как объектам высмеивания добавляется номенклатура, по поводу размера привилегий которой и морального облика должностных лиц в журнале приводятся достаточно откровенные высказывания. Вместе с этим «Фитиль» сохраняет свой умеренный характер. В годы, когда разрушается вся старая политическая, экономическая и общественная система, журнал по-прежнему остается на позициях критики отдельных негативных явлений (табл. 4).

Таблица 4

Темы «Фитиля» за 1990–1991 гг. (23 серии)

№ п/п	Сюжеты, темы	Количество задействований
1	Злоупотребление служебным положением, номенклатура	5 (21,7 %)
2	Дефицит	3 (13 %)
3	Пьянство, дефицит алкоголя	3 (13 %)
4	Нравы, поведение в быту	2 (8,7 %)
5	Бесправность перед государством	2 (8,7 %)
6	Рэкет	2 (8,7 %)
7	Разное: блат, взятки, положение в медицине, нежелание работать и др.	6 (26 %)

Таблица 5, в которой представлены все выявленные нами в процессе анализа темы и сюжеты, нуждается в комментарии. Может остаться непонятным, чем именно некоторые темы и сюжеты отличаются друг от друга, на основе каких признаков мы разделили, к примеру, плохой сервис и низкое качество продукции, а не объединили их в одну категорию. Обозначим различия между темами, чье содержание частично пересекается, — это темы плохого руководства и зажима критики, бюрократизма, плохой работы и нежелания работать, бесхозяйственности и плохой организации работы, растраты служебного времени, низкого качества продукции, плохого сервиса, приписок и очковтирательства, мошенничества на службе и в быту.

Так, для серий, объединенных нами под общей темой плохого руководства и зажима критики, характерно то, что в них четко выделено главное действующее лицо — это всегда плохой руководитель, негативные личные характеристики которого препятствуют ему осуществлять качественное руководство. Он дезорганизует или плохо организует работу, ущемляет критику в свой адрес, устраняет возможных конкурентов, груб с подчиненными и просителями. В сериях же, посвященных бюрократизму, главный герой может быть совсем не выделен либо не являться руководителем. Суть серий про бюрократизм в том, что кто-то или что-то чинит бессмысленные препоны, замедляющие полезную деятельность, бесконечно откладывает решение насущных вопросов, подменяя решения формальными мерами. Плохой руководитель не всегда бюрократ, бюрократ не всегда руководитель, а сама бюрократия может быть показана в виде безликой силы, мешающей нормально жить и работать.

Таблица 5

Сводная таблица тем «Фитиля» за 1962–1991 гг.

№ п/п	Сюжеты, темы	Количество действий
1	Нравы, поведение в быту	59 (19,3 %)
2	Плохой сервис (торговля, общепит, гостиницы, ЖКХ, транспорт, медицина)	33 (10,2 %)
3	Бюрократизм	29 (8,7 %)
4	Пьянство на работе и в быту, антиалкогольная кампания	28 (8,7 %)
5	Плохое руководство и зажим критики	25 (7,8 %)
6	Плохая работа, нежелание работать	19 (5,9 %)
7	Воровство на работе и в быту	15 (4,6 %)
8	Взятки (мздоимство и взяткодательство)	14 (4,3 %)
9	Блат	14 (4,3 %)

Окончание табл. 5

№ п/п	Сюжеты, темы	Количество задействований
10	Бесхозяйственность, плохая организация работы	13 (4 %)
11	Низкое качество продукции	11 (3,4 %)
12	Злоупотребление служебным положением, номенклатура	10 (3,1 %)
13	Растрата служебного времени	9 (2,8 %)
14	Дефицит	9 (2,8 %)
15	Перестроечная кампания, сопротивление чиновников перестройке	5 (1,5 %)
16	Приписки, очковтирательство	2 (0,6 %)
17	Мошенничество на службе и в быту	2 (0,6 %)
18	Иностранцы, низкопоклонство перед Западом	2 (0,6 %)
19	Живопись в стиле соцреализма	2 (0,6 %)
20	Экологические проблемы	2 (0,6 %)
21	Теневая экономика	2 (0,6 %)
22	Бесправие перед государством	2 (0,6 %)
23	Рэкет	2 (0,6 %)
24	Разное (браконьерство, изъяны системы образования, подлог, домашний труд женщины, культурное обслуживание села, положение в медицине, шутки и др.)	11 (3,4 %)

Тему плохой работы, нежелания работать отличает от темы бесхозяйственности и плохой организации работы то, что в первом случае герои серий — это рядовые работники, которые в силу негативных личных характеристик и нежелания работать некачественно выполняют свои служебные обязанности; виновники плохой работы четко выявлены. Во втором случае нам показывают ситуацию, для которой характерны дезорганизация, низкая эффективность работы, невозможность работать (простой); при этом вина возлагается не на конкретных плохих руководителей либо на нерадивых рядовых работников, а скорее на систему организации работы в каждом отдельно взятом эпизоде. Кроме того, в особую категорию мы выделили тему растраты служебного времени: во всех сериях, объединенных данной темой, демонстрируется не рабочий процесс, по разным причинам приводящий к негативным результатам, не плохая его организация, вызывающая простой, а неисполнение работниками, обычно рядовыми, своих

непосредственных обязанностей. При этом нам остается неизвестным, каково качество работы этих работников, когда они все-таки трудятся, а также поведение их руководителей.

В сериях, которые мы объединили темой низкого качества продукции, показаны конкретные товары, обладающие плохими потребительскими качествами (неработающие трансформаторы; непромокаемые плащи, боящиеся влаги; плохие замки в доме-новостройке и пр.). Их отличает от серий, в которых идет речь о плохом сервисе, то, что в последних фигурируют некачественно оказанные услуги — как правило, в сфере торговли, ЖКХ, транспорта, медицины, в гостиничном деле. Обычно в сериях о плохом сервисе рассказывается, как посетителей магазинов, ресторанов, столовых, клиентов гостиниц, заказчиков услуг ЖКХ дурно обслужили или совсем отказались обслуживать, обхамили и др. Помимо прочего можно сказать, что серии о плохой работе и нежелании работать посвящены демонстрации трудового процесса, а серии о низком качестве продукции и плохом сервисе — результатам этого процесса.

Наконец, основанием отделения темы приписок и очковтирательства от темы мошенничества на службе и в быту выступило то, что в первом случае приписки и очковтирательство были призваны маскировать итоги несделанной или плохо сделанной работы (указание в отчетах непроданной работы или завышение достигнутых показателей). Во втором случае мошенничество на работе и в быту представляло собой мелкие хитрости с целью извлечения личной выгоды из разнообразных ситуаций.

Динамика востребованности тем и сюжетов «Фитиля»: возможные причины

Как можно увидеть из содержания таблиц (см. табл. 1–5), некоторые сюжеты и темы повторяются от десятилетия к десятилетию. Зафиксируем наиболее часто присутствующие темы, фигурирующие в трех периодах из четырех. Это темы нравов и поведения в быту, плохого сервиса, бюрократизма, пьянства, плохого руководства, плохой работы, воровства на работе, взяток, низкого качества продукции, злоупотребления служебным положением и дефицита. Возникает закономерный вопрос: что объединяет данные темы и отчего они пользуются повышенным спросом?

Допустим, что причиной тому была социальная актуальность, а также ее возрастание или убывание. Отчасти это действительно так. Например, в течение трех десятилетий советского периода функционирования журнала в «Фитиле» сохраняются темы плохого сервиса (в общепите, торговле, гостиничном деле, на транспорте и т. п.) и низкого качества производимых советской промышленностью товаров. Отрицать злободневность данных тем для позднего СССР не приходится. Однако анализ их востребованности не дает возможности утверждать о существовании прямой связи между популярностью темы в «Фитиле» и ее социальной злободневностью. Если продолжить разговор о темах плохого

сервиса и низкого качества товаров, то можно отметить рост востребованности последней темы от 1960-х к 1970-м гг. и далее, к 1980-м гг. Это выглядит логичным, поскольку роста качества товаров к концу советского периода не наблюдалось. А вот тема плохого сервиса, столь популярная в 1970-х гг., в течение 1980-х гг. частично утратила свою популярность. Являлось ли улучшение советского сервиса тому причиной? Советские реалии 1980-х гг. не позволяют с уверенностью это утверждать. Помимо того были актуальными и другие темы, не столь часто фигурирующие в киножурнале (например, теневая экономика, бесправие перед государством, экологические проблемы, приписки и очковтирательство) либо вовсе оставшиеся за рамками внимания сценаристов и режиссеров. Поэтому считаем социальную актуальность не единственной причиной востребованности тем в киножурнале.

В качестве второй причины повышенной востребованности определенных тем назовем связь поднимаемых ими проблем с человеческим фактором, с воздействием людской субъективности. В том, что возникла каждая из упомянутых проблем, можно обвинить конкретных людей — бюрократов, взяточников, воров, пьяниц, бракоделов и т. д., — а не пороки системы. Это позволяло государству снять вину с себя и переложить ее на плечи недостаточно компетентных исполнителей и просто не очень хороших людей.

И третьей немаловажной, на наш взгляд, причиной были разнообразные идеологические кампании, инициируемые властью. Назовем две такие кампании, которые могли напрямую повлиять на содержание «Фитиля», — антиалкогольную кампанию и кампанию за улучшение трудовой дисциплины. Антиалкогольная кампания началась в конце 1950-х гг., на протяжении следующих десятилетий она усиливалась, последний аккорд был взят в годы перестройки [Каунова; Фокин]. Киножурнал «Фитиль» отразил все этапы борьбы с пьянством: он осуждал бытовое пьянство, пьянство на производстве, реагировал на выход отдельных постановлений в рамках антиалкогольной кампании. Востребованность темы пьянства оставалась практически неизменной на протяжении всего советского периода функционирования киножурнала, хотя особенно богатое отображение получил в «Фитиле» перестроечный этап кампании. Еще одной масштабной и долговременной кампанией можно назвать борьбу за улучшение трудовой и производственной дисциплины, которой власть уделяла немало внимания, — об этом писали СМИ, шла речь на партийных конференциях, собраниях трудовых коллективов [Смоляк]. Также составной частью кампании за улучшение трудовой дисциплины являлась борьба с «несунами» — людьми, тайно выносящими с предприятий готовую продукцию или материалы. Предприятия на местах пытались уличать и наказывать «несунов», к осуждению этого феномена подключалась и пресса, впрочем, не обозначая его при помощи терминов, а просто описывая процесс и результаты [Там же]. В «Фитиле» тема необходимости улучшения трудовой дисциплины и последствий ее несоблюдения представлена как наиболее масштабная, в частности, освещены такие ее грани, как нежелание работать, растрата служебного времени, плохая организация рабочего процесса

и бесхозяйственность, производство товаров и оказание услуг низкого качества, воровство на работе.

Выводы

Подводя итоги нашего исследования, можно констатировать, что киножурнал «Фитиль» демонстрировал реализацию политики власти в области комического.

Основными объектами высмеивания за все десятилетия существования киножурнала выступали должностные лица, в силу разных причин плохо исполняющие свои обязанности, поэтому, при всем интересе «Фитиля» к частной жизни, отклонениям в бытовом поведении от нормы, ключевая проблематика была скорее производственной. Особенно пристального внимания удостоивались плохие руководители — представители номенклатуры низшего и среднего звеньев. Плохие руководители наделялись негативными личными чертами (цинизм, ханжество, самовлюбленность, самодовольство и пр.), но при этом они не выступали как часть государственной системы и, следовательно, не могли ее опорочить. Осуждение частных и должностных лиц имело одну цель — утвердить нормы поведения людей. «Фитиль» должен был в первую очередь воспитывать советских граждан, а не развлекать их, что проявлялось уже в самом порядке экспонирования выпусков журнала перед киносеансами: сначала поучающий «Фитиль», а уже затем развлекающий фильм.

Характер комизма в «Фитиле» менялся, эволюционируя от юмора и иронии в 1960-х гг. к гротеску и абсурдизации в 1970–1980-х гг., что, по-видимому, было обусловлено изменением общей социально-политической ситуации в стране. Перечень тем игровых серий киножурнала включал в себя репрезентацию разных по масштабу общественных проблем, при этом даже наиболее серьезные из них подавались как локальные (дефицит, теневая экономика, блат, бесхозяйственность). Наиболее весомо представленные темы (нравы и поведение в быту, плохой сервис) касались скорее быта и бытовых неудобств, поэтому не приобретали статус высказываний о системных недостатках. Тем самым это подменяло собой анализ и критику весомых общественных проблем. Лишь в конце перестройки появились первые попытки обобщений (например, высказывания о советских людях в целом, о номенклатуре в целом, о медицине в целом).

Изучение «Фитиля» позволяет отчетливей понять специфику советской сатиры. На основе анализа контента киножурнала «Фитиль» (в том объеме, в котором мы его исследовали) можно утверждать, что политика власти в области комического наложила отпечаток на сам характер сатиры. И хотя «Фитиль» позиционировался именно как сатирический киножурнал, однако фактически сатирическим он не был, поскольку ни в коем случае не претендовал на изобличение действующих принципов устройства жизни в Советском Союзе. Его обличения можно скорее отнести к юмору, разоблачающему отдельные недостатки реальности, но при этом не касающемуся существующего положения вещей. Поэтому не будет слишком большим преувеличением утверждение, что советская сатира

до определенной степени носила имитационный характер, по существу выступая в роли юмора и выполняя функции последнего. Более того, само содержание комического претерпело изменения вследствие реализации политики власти: власть посредством целенаправленного отсеивания осуществляла отбор тех самых противоречий между реальностью и идеалами, на которых должно было фиксироваться внимание советских людей.

В целом же на примере киножурнала «Фитиль» можно видеть магистральные направления политики государственной власти в области комического. Киножурнал должен был воспитывать граждан и нормировать их поведение; служить укреплению власти путем критики отдельных недостатков жизни в СССР; отвлекать внимание от системных проблем и пороков, ставя ложные диагнозы. Ложный диагноз «Фитиля» заключался в том, что все недостатки советской реальности он связывал не с пороками государственной системы, а с недостатками людей — плохой дисциплиной, нежеланием работать и пьянством.

Гринько И. А., Шевцова А. А. «Дятел докладодолбящий» и другие животные: наука в зеркале советской карикатуры // Ист. экспертиза. 2018. № 2(15). С. 276–291.

Каунова Е. В. Питейная индустрия в СССР: реформы и последствия // Аналитика культурологии. 2013. № 27. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/piteynaya-industriya-sssr-reformy-i-posledstviya> (дата обращения: 15.06.2025).

Клинова М. А., Трофимов А. В. Управленческие практики регионального и местного советского и партийного руководства в 1953–1964 гг. (По материалам журнала «Крокодил») // Вестн. Юж.-Урал. гос. ун-та. Сер. : Соц.-гуманит. науки. 2017. № 17 (3). С. 25–29.

Курганевич Д. В. «Идею надо понимать!»: цели первых лет деятельности всесоюзного сатирического киножурнала «Фитиль» в представлении общества и государства // Дни науки и инноваций НовГУ : сб. ст. студентов и молодых ученых : в 2 ч. Великий Новгород, 2024. С. 132–136.

Смоляк О. Советские несуну // Отеч. зап. 2012. № 1. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/otechestvennye-zapiski/o1-2012/14863-sovetskie-nesuny.html> (дата обращения: 15.06.2025).

Спутницкая Н. Ю. Киножурнал «Фитиль»: публицистика и опыт политической сатиры в России // Телекинет. 2018. № 4(5). С. 30–32.

Туровец М. В. Проблемы метода и методологии в анализе фильмов. Заметка на полях магистерской диссертации // Социология вчера, сегодня, завтра : IV социол. чтения памяти Валерия Борисовича Голофаства. СПб., 2011. С. 459–475.

Фокин А. А. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об усилении борьбы с пьянством и о наведении порядка в торговле крепкими спиртными напитками» и антиалкогольная кампания 1960-х годов // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2014. № 12 (341). С. 109–115.

Статья поступила в редакцию 01.05.2025 г.

Научная статья

УДК 070:004.738.5(470.54-25) + 316.772.5 + 81'42:004.77 + 316.77:004.738.5

DOI 10.15826/izv1.2025.31.3.040

ОБРАЗ БОЛЬШОГО ГОРОДА В СИСТЕМЕ МЕТАФОР ТЕЛЕГРАМ-БЛОГОСФЕРЫ ЕКАТЕРИНБУРГА

Валерий Михайлович Амиров

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия,
vestnik-va@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-3371-2939>

А н н о т а ц и я. В статье исследуется проблематика репрезентации образа Екатеринбурга в публикациях местной телеграм-блогосферы. На основе анализа теоретической базы рассматриваются функции общественно-политической блогосферы, способы конструирования образа мегаполиса с помощью системы метафор. Эмпирическую базу исследования составили материалы общественно-политических телеграм-каналов, основные темы которых посвящены жизни столицы Урала. Ключевыми единицами анализа являются метафоры, используемые в постах, — *третья столица, город бесов, город храбрых, Грязьбург, город конструктивизма.*

К л ю ч е в ы е с л о в а: метафора; Телеграм; телеграм-канал; блог; блогосфера; образ; средства массовой информации; репрезентация

THE IMAGE OF A BIG CITY IN THE METAPHOR SYSTEM OF THE TELEGRAM BLOGOSPHERE OF EKATERINBURG

Valery M. Amirov

Ural Federal University,
Ekaterinburg, Russia,
vestnik-va@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-3371-2939>

A b s t r a c t. The article explores the problems of representing the image of Ekaterinburg in publications of the local telegram blogosphere. Based on the analysis of the theoretical base, the functions of the socio-political blogosphere, and methods of constructing the image of a metropolis using a system of metaphors are considered. The empirical base of the study consists of materials from socio-political telegram channels, the main topics of which are devoted to the life of the capital of the Urals. The key units of analysis are the metaphors used in the posts — *Third capital, City of Demons, City of the Brave, Gryazburg, and the City of Constructivism.*

© Амиров В. М., 2025

К e y w o r d s: metaphor; Telegram; Telegram channel; blog; blogosphere; image; media; representation

В последние годы одним из стратегических направлений развития российской блогосферы, которая «выступает как сетевая структура, которая помогает миллионам людей выражать свое мнение и позицию, находить единомышленников, делиться своими навыками и талантами, освещать и решать социальные проблемы» [Сулейманов, с. 27], «выполняет функцию альтернативного средства массовой информации» [Кульминская], стало локальное — региональное или городское. Локальными блогами можно считать те, которые, в отличие от блогосферы федеральной или международной проблематики, в основном сосредотачивают свое внимание на местных общественно значимых темах и содержательно ориентированы на местное население. Содержание таких блогов понятно и близко аудитории конкретных населенных пунктов или группы населенных пунктов, объединенных общими экономико-политическими условиями, алгоритмами общественного и культурно-политического развития. Локальность, разумеется, не исключает того, что среди обсуждаемых новостей и проблем могут присутствовать и масштабные, характерные для всей страны, но рассматриваются они на местном материале или применительно к городской или региональной проблематике.

Локальная блогосфера наряду с традиционными блог-платформами (например, Livejournal) и привычными социальными сетями («ВКонтакте», «Одноклассники») все чаще обращается к возможностям мессенджера Телеграм с функциями блог-платформы, конкурентными преимуществами которого являются мобильность, комфортность использования и декларируемая анонимность. Удобство этой блог-платформы, возможность быстрой корректировки контента, достаточно простой инструментарий монетизации сделали в последние годы Телеграм исключительно популярным среди блогеров, в том числе локальных.

Активное использование блогерами возможностей платформы Телеграм актуализует вопрос о необходимости изучения особенностей репрезентации образов в этом секторе российской общественно-политической блогосферы. Интересными для изучения являются, в частности, публикации на «городские» темы. Отметим при этом, что научный интерес привлекают как стратегии репрезентации образа города, так и то обстоятельство, что телеграм-блогеры дополняют публикации традиционных СМИ, расширяют границы оценочности и эмпатии, а также самой коммуникативной рамки.

Анализируя посты телеграм-каналов, можно сделать вывод о том, что они создают неформальный, «домашний» образ города, тогда как традиционные СМИ конструируют образ формально-официальный. Достигается неформальность в создании образов города и горожан как с помощью выбора тематической палитры, так и посредством использования для конструирования системы языковых приемов, фигур и тропов авторского синтаксиса. Ключевой составляющей системы языковых приемов представляется метафора, используемая телеграм-блогерами чаще всего.

Метафора и проблематика ее использования в художественно-публицистических текстах достаточно хорошо изучены в научных исследованиях. Принципиально важным для понимания теории метафоры следует считать определение, данное Н. Д. Арутюновой: «Метафора является связью контекстно-логического значения слова со словарным на основе приписывания свойств одной вещи другой, которая лишена ее изначально» [Арутюнова, с. 12]. К. С. Филатов в своей диссертации пишет: «Метафора принадлежит к числу базовых феноменов человеческого языка и мышления» [Филатов].

Немало исследователей разрабатывают вопросы функционирования метафоры в медиaprостранстве. Так, например, Ю. В. Подкина рассматривает практику использования метафоры в экономических текстах общественно-политических СМИ, выделяя два вида метафор — дэпифоры и диафоры [Подкина]. Анализируя роль метафоры в текстах, посвященных проблематике культуры, центральных и региональных интернет-СМИ, Н. А. Катайцева и И. В. Щурова уточняют: «Языковая метафора — это отражение метафоры когнитивной. Поэтому, исследуя языковую метафору, мы получаем возможность анализа когнитивной модели интерпретации фактов действительности носителями языка» [Катайцева, Щурова, с. 123].

Для понимания роли метафоры в общественно-политических текстах, а именно к ним можно отнести посты локальной городской телеграм-блогосферы, представляет особый интерес утверждение А. П. Чудинова: «Феномен современной российской политической метафоры имеет лингвокультурный характер и не может рассматриваться в отрыве от политической и экономической жизни страны, в изоляции от ее традиций и самосознания русского народа» [Чудинов].

Практика использования метафоры в блогосфере изучена гораздо меньше. В качестве примера таких научных разработок следует привести публикацию О. А. Усачевой, Н. А. Чернявской и Н. Г. Мещановой, в которой авторы исследуют функционально-когнитивный потенциал метафоры в современной блогосфере и выделяют следующие функции метафоры как инструмента корректирующей коммуникации: объясняющая (интерпретационная); оценочная; трансформационная (меняющая картину мира или ракурс восприятия настоящего); сценарная (выстраивание нового сценария поведения и/или образа жизни); регулирующая (побуждение адресата к действию) [Усачева, Чернявская, Мещанова, с. 89]. «Метафорические единицы, выраженные эмотивом-экспрессивом в футбольном блоге», являются предметом исследования статьи М. А. Ульяновой [Ульянова, с. 141], а О. С. Худякова, анализируя язык блогов с точки зрения используемых в них средств пополнения лексического состава языка, говорит в том числе о когнитивных механизмах, среди которых называет и метафору [Худякова, с. 62].

Несмотря на наличие ряда публикаций, можно констатировать, что изучение проблематики функционирования метафоры в блогговых текстах Телеграм еще только начинается. Это же можно утверждать и в отношении текстов городских телеграм-каналов, особого сегмента российской общественно-политической блогосферы, имеющего значительную аудиторию и оказывающего заметное влияние

на информационное и общественно-политическое пространство населенных пунктов. Фиксируя рост популярности блогов. А. В. Колесниченко, к примеру, констатирует: «...блогеры как производители контента и соцсети как платформы для публикаций успешно конкурируют со СМИ (а во многих случаях и побеждают в этой конкуренции) за время и внимание аудитории и за рекламную выручку» [Колесниченко, с. 52].

Подчеркивая значение локальной блогосферы для развития общественно-политической жизни региона и города, Д. Ш. Усманова пишет: «В региональной блогосфере таких тем, которые являются “мертвыми зонами” для региональных традиционных СМИ, гораздо больше. Их список имеет отличия в зависимости от региональных особенностей, но чаще всего касается неизвестных действий местных властей, происшествий, не попавших в зону традиционных СМИ, дискуссий по благоустройству города, неофициальных культурных и спортивных событий» [Усманова, 2015, с. 5]. Она же отмечает и другое важное обстоятельство: «Простое сопоставление социально-политической проблематики традиционных СМИ и популярных блогов очерчивает границы между освещенными традиционными СМИ проблемами и не освещенными, но интересующими аудиторию» [Усманова, 2016, с. 141]. С этими подходами перекликается и позиция Р. З. Близняка, И. А. Герасимова и А. С. Хлыбова, которые полагают, что «в регионах возникают сообщества блогеров, формирующие контент в соответствии с собственным пониманием наиболее важных сюжетов, имеющих место на данной территории» [Близняк, Герасимов, Хлыбов, с. 41].

Таким образом, можно говорить о том, что локальная (региональная и городская) блогосфера отвечает на информационные запросы той части общества, которая не удовлетворена полнотой информационной картины, предоставляемой местными традиционными СМИ, уровнем аналитики и публицистичности их материалов.

Попытаемся рассмотреть основные подходы телеграм-блогосферы к конструированию с помощью метафор образа такого большого и развитого в экономическом и культурно-политическом отношении города, как Екатеринбург. Проанализируем публикации известных локальных телеграм-каналов — «Екатское чтиво», «Подливтика 2.0», «Политика в стиле рок», «СВЕТ Екатеринбург», «МайорДынин» и др. Под конструированием медиаобраза Екатеринбурга в локальной блогосфере мы будем понимать создание целостного образа в публикациях блогосферы с использованием различных текстовых единиц и смыслов, среди которых: история, архитектура, экономика, политика, общественно-политическое значение, жители, самооценка, мемы и т. д.

Примем во внимание то обстоятельство, что городская общественно-политическая блогосфера выполняет сразу несколько значимых коммуникативных функций, среди которых: **консолидирующая** (читатели — жители города, ощущающие себя частью общественно-политического пространства); **дифференцирующая** (читателям предлагается самостоятельно определить свое отношение к тем или иным событиям); **социализирующая** (у читателей формируется ответственность

за настоящее и будущее территории, на которой они живут); **ценностно-ориентационная** (темы постов часто ставят перед читателями непростые проблемы, относящиеся к морально-нравственной проблематике) [Амиров, с. 21, 22].

Локальная телеграм-блогосфера Екатеринбурга, оперируя для именованного одного из самых крупных городов России альтернативными названиями — Ёбург, Екб, Екат и соответствующим образом именуя жителей, создает городу некий «домашний» образ, который не только не противоречит образу «официальному», формируемому традиционными СМИ, но, скорее, дополняет его:

Еще в опросе мэрия выясняет самое популярное сленговое название города. Есть три варианта: Екб, Екат, Ёбург;

Тысячу уникальных работ со всего мира привезли в Екат.

Публикации локальной телеграм-блогосферы спроецированы большей частью на внутреннюю аудиторию, хорошо ориентирующуюся в широко применяемых урбанизмах, в аббревиатурах, в именах деятелей культуры и искусства, местных чиновников.

Попытаемся проанализировать несколько примеров функционирования метафор в городских телеграм-каналах Екатеринбурга.

Всего нами рассмотрено более 1000 постов, размещенных в городских телеграм-блогах за 2024 г. и за январь — март 2025 г. Методологией анализа послужило выделение в текстах телеграм-блогов метафор и их характеристика (использование для усиления аргументативной, эмоциональной и колоризирующей составляющих блоговых постов).

Третья столица. Является «сквозной» метафорой, определяющей статус Екатеринбурга среди отечественных городов-миллионников. Этот статус носит предполагаемый характер, обусловленный скорее самоощущением части жителей, чем реальностью. Как правило, репрезентируется иронично, блогеры скептически относятся к попыткам повысить значимость города с помощью титулов, имеющих мало общего с действительностью. Функционирование метафоры «третья столица» в определенной степени детерминировано еще и языковой игрой, переключкой с известным выражением «Москва — третий Рим», а также с устоявшимся, но тоже, разумеется, условным статусом «столицы Урала»:

Мэр Екатеринбурга ... Орлов в ходе приема граждан пообещал догнать и перегнать Челябинск в вопросах транспортной реформы. Это непременно нужно сделать, мы все-таки третья столица, а Челябинск, наверное, тринадцатая. Необходимо показать им кузькину мать;

Мы — вновь третья столица России! Екатеринбург вошел в топ-300 дорогих городов мира по версии авторов рейтинга Numbeo.

Город бесов — метафора, восходящая к отрицательным образам знаменитого романа Ф. М. Достоевского, первоначально была использована для уничтожения образа города, где традиционно сильны либеральные политические взгляды,

но обрела и второй смысл — город, имеющий свое особое мнение, и является, таким образом, амбивалентной:

«Дайте возможность Жогге навести порядок на Урале. Изгоните бесов из Екатеринбурга», — высказался Соловьев.

Более того, в ряде блоговых публикаций эта метафора используется в качестве иронической оценки происходящих политических событий:

Рассказывают, что сегодня мэр Екатеринбурга Орлов ходил на новогоднюю ярмарку и долго присматривался к столовым тарелкам с надписью «Город бесов»;

М. А. Булгаков: «Тьма накрыла ненавидимый прокуратором, но не прокурором город бесов. Все пожрала тьма, напугавшая живое в Екатеринбурге и его окрестностях. Странную тучу принесло со стороны моря к концу дня». Из версии романа, ранее считавшейся уничтоженной.

Город храбрых — метафора была предложена как альтернатива метафоре «город бесов» тогдашним главой администрации региона, не стала популярной и нашла лишь минимальное по частотности отражение в местных телеграм-каналах. Носит скорее пропагандистский характер, относится к консолидирующим. Метафора «город храбрых», видимо, стимулировала мысль известного писателя, значимая часть жизни которого прошла в Екатеринбурге:

Согласитесь, что это выглядит, как попытка сделать что-то похожее на книгу Алексея Иванова «Ёбург: Город храбрых»?

Ожидается, что сериал назовут «Ёбург. Город храбрых. Сделано в девяностых»;

«Неспроста Екатеринбург называют городом храбрых», — говорит хоккеист Павел Дацюк на фоне Исети и приглашает на выставку «Россия» на ВДНХ.

Грязьбург — сложная (двойная) метафора, метафора-оксюморон, саркастически представляющая образ большого города («бург»), претендующего на ранг «третьей столицы» и утопающего в грязи:

Грязьбург уже в январе — это перебор!

Колоризирует текст и реализует элементы троллинга:

Не надо называть Екатеринбург Грязьбургом. Это бросает тень на жителей города — в массе своей приличных трудовых людей. Екатеринбург не грязный, а чумазый. Как отличник, ставший беспризорником, после того, как родителям стало не до него... (ирония. — В. А.);

Сегодня в Грязьбурге начинается месячник чистоты (оксюморон. — В. А.).

Город конструктивизма — метафора активно продвигается в телеграм-каналах и имеет цель подчеркнуть уникальность и самобытность Екатеринбурга:

15 изделий лаборатории «Антихрупкость» участвуют в выставке «Российский дизайн 1925–2025» — среди них кружки из фарфора, вдохновленные свердловским конструктивизмом, воссоздающие образы Белой башни, гостиницы «Исеть», Дома Печати, Главпочтамта и стадиона «Динамо»;

Музей истории Екатеринбурга запустил продажи сувениров с екатеринбургским конструктивизмом;

Белая башня — памятник архитектуры федерального значения и икона конструктивизма. Символ города и памятник конструктивизма более 10 лет поддерживается некоммерческой организацией, усилиями волонтеров и на пожертвования горожан. ... это... без преувеличения, жемчужина авангарда в Свердловске.

Таким образом, можно констатировать, что образ Екатеринбурга, репрезентируемый в локальных телеграм-каналах с помощью системы метафор, является целостным, конструируемым в схеме «значимость — самобытность — культура». При этом представляемый телеграм-каналами образ за счет использования стратегий иронии, сарказма и троллинга дополняет и колоризирует официальный имидж, создаваемый средствами массовой информации. Вместе с публикациями традиционных СМИ материалы телеграм-каналов с помощью системы метафор позволяют сконструировать «домашний» образ большого города, образ для «внутреннего пользования», для самих жителей и тех, кто постоянно присутствует в информационном пространстве мегаполиса, интересуется жизнью Екатеринбурга.

Амиров В. М. Стратегии и тактики репрезентации жизни города в общественно-политической телеграм-блогосфере Екатеринбурга // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. 2024. Т. 30, № 3. С. 19–26.

Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры : сб. М., 1990. С. 5–32.

Близняк Р. З., Герасимов И. А., Хлыбов А. С. Блогосфера как часть коммуникационного пространства региона (на примере Краснодарского края) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10 : Полит. науки. 2016. № 2. С. 35–56.

Катайцева Н. А., Щурова И. В. Метафора как способ формирования языковой картины мира в современных центральных и региональных российских интернет-СМИ (на примере текстов культурной тематики) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10 : Журналистика. 2022. № 1. С. 119–135.

Колесниченко А. В. Журналистика и блогосфера: жанрово-тематические пересечения // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10 : Журналистика. 2021. № 1. С. 51–74.

Кульминская А. В. Социальная общность блогеров: становление и развитие в российском обществе : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Екатеринбург, 2013.

Подкина Ю. В. Метафора в журналистском тексте экономической тематики // Вестн. КГУ. 2018. № 4. 161–165.

Сулейманов Э. А. Блогосфера как новая среда коммуникации // Коммуникология. 2022. Т. 10, № 3. С. 22–32. <https://doi.org/10.21453/2311-3065-2022-10-3-22-32>

Ульянова М. А. Фразеологическая метафора как средство эмотивности в спортивном интернет-блоге // Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 5. С. 141–154.

Усачева О. А., Чернявская Н. А., Мещанова Н. Г. Функционально-когнитивный потенциал метафоры в пространстве современного блога // Верхневолж. филол. вестн. 2023. № 4 (35). С. 87–96. https://doi.org/10.20323/2499_9679_2023_4_35_87

Усманова Д. Ш. Региональная блогосфера как дискуссионная политическая и социальная площадка (на примере Республики Башкортостан) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10 : Журналистика. 2015. № 2. С. 3–16.

Усманова Д. Ш. Региональная блогосфера как отражение общественно-политической позиции регионального креативного класса // Социально-гуманитарные знания. 2016. № 10. С. 137–147.

Филатов К. С. Метафора как способ развертывания журналистского текста : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2015.

Худякова О. С. К вопросу о функциях языка блогосферы (на материале русскоязычных тематических блогов) // Magister Dixit : науч.-пед. журн. Вост. Сибири. 2011. № 4. С. 60–71.

Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург, 2001.

Статья поступила в редакцию 30.05.2025 г.

Научная статья

УДК 811.161.1'373.46 + 81'27:37.01 + 659.1 + 81'42:32 + 070:316.77 + 004:77:659.1

DOI 10.15826/izv1.2025.31.3.041

КОНСТРУКТИВНЫЙ ПРИЕМ ДИАЛОГИЗАЦИИ В ВЕРБАЛЬНОМ СВЕРХТЕКСТЕ ИНТЕРНЕТ-РЕКЛАМЫ

Наталья Александровна Купина¹

Юлия Борисовна Пикулева²

^{1,2} Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

¹ natalia_kupina@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-4154-7323>

² pik@bk.ru,

<https://orcid.org/0000-0003-1948-3594>

А н н о т а ц и я. В статье представлены результаты срезового анализа рекламы, размещенной в интернете в период с 1 февраля по 31 марта 2025 г. Отмечены средства создания поликодового креолизованного текста интернет-рекламы. Для специального исследования выделен вербальный свертхтекст. Доказано, что стратегически заданная установка рекламодателя-адресанта на обратную связь с целевым адресатом обуславливает использование конструктивного приема диалогизации. Эффективность коммуникативного взаимодействия поддерживается разработанным составителями рекламы отсылочным аппаратом, обеспечивающим тематическую определенность общения, тональность которого задана системой речевых средств выразительности. Установлено, что фундамент обратной связи формируется на основе свертхтекстовой парадигмы номинаций, объединенных аксиологической константой «выгода». Выявлены основные средства диалогизации, в том числе обращения, формы *Ты/Вы*-отношения. Систематизированы функции презентационных реплик коллективного адресанта-реklamодателя и индивидуального адресанта-реklamодателя, а также функции инициальных побудительных реплик. Описаны разновидности сконструированных вопросно-ответных дву-реплик — диалогических единств, сглаживающих коммуникативную иерархию и позволяющих уточнить запросы целевого адресата. В ходе анализа отмечены вульгаризмы, нарушающие конвенции национальной лингвокультуры.

К л ю ч е в ы е с л о в а: аксиологическая константа; интернет-реклама; вербальный текст; свертхтекст; средства диалогизации; адресант; целевой адресат; презентационные реплики; побудительные реплики; диалогические единства

CONSTRUCTIVE TECHNIQUE OF DIALOGIZATION IN THE VERBAL SUPERTEXT OF INTERNET ADVERTISING

Natalia A. Kupina¹

Yulia B. Pikuleva²

^{1,2} Ural Federal University,
Ekaterinburg, Russia

¹natalia_kupina@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-4154-7323>

²pik@bk.ru,

<https://orcid.org/0000-0003-1948-3594>

Abstract. The article presents the results of a cross-sectional analysis of advertisements posted on the Internet in the period from February 1 to March 31, 2025. The tools of creating a polycode creolized text of internet advertising are marked. A verbal supertext has been identified for a special study. The article proves that the strategically set attitude of the advertiser-addressee to feedback from the target recipient determines the use of the constructive technique of dialogization. The effectiveness of communicative interaction is supported by a referral apparatus developed by the authors of the advertisement, which provides thematic certainty of communication, the tone of which is set by a system of speech tools of expressiveness. It is established that the feedback foundation is formed based on a supertext paradigm of nominations united by the axiological constant «benefit». The means of dialogization are revealed, including appeals, forms of the informal/formal relationship. The functions of the presentation replicas of the collective and the individual advertiser-addressee, as well as the functions of the initial incentive replicas, are systematized. The article also describes the types of constructed question-and-answer dialogical units. Their goals are to smooth the communicative hierarchy and make it possible to clarify the requests of the target recipient. During the analysis, the authors noted vulgarisms that violate the conventions of the national linguistic culture.

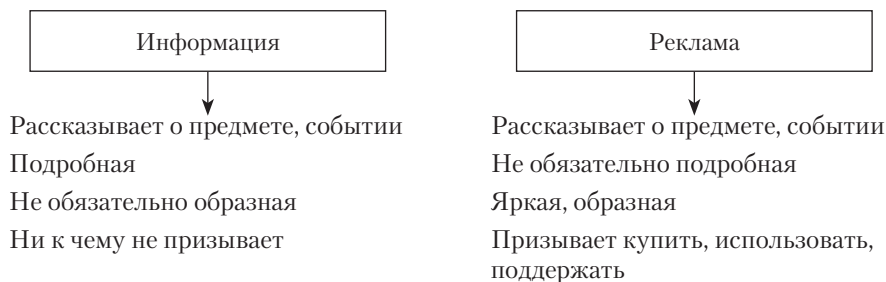
Key words: axiological constant; internet advertising; verbal text; supertext; technique of dialogization; addressee; target addressee; presentation replicas; incentive replicas; dialogical units

Предварительные замечания

Реклама традиционно трактуется как «оповещение людей всевозможными способами для создания широкой известности чему-либо или кому-либо, информация о потребительских свойствах товаров и преимуществах различных видов услуг с целью их реализации и создания активного спроса на них» [Кохтев, Иванов, с. 550]. Язык и стиль печатной, телевизионной, радиорекламы описан в трудах лингвистов. Основные источники обозначены в энциклопедических словарях [КРР, с. 550; СЭСРЯ, с. 641–642].

В XXI в. популярность приобрела особая «...форма рекламы в компьютерных сетях, несомненным достоинством которой является то, что по заказу сообщение

может находиться в сети неопределенно длительный срок <...> Посылаемое в компьютерную сеть сообщение <...> должно... содержать характеристику предлагаемого товара или условия сделки, а также учитывать особенности компьютерного шрифта, размеры экрана дисплея и т. п.» [Баженова, Протопопова, с. 637]. В текущее время реклама занимает особый сегмент в интернет-пространстве. В статье анализируются рекламные тексты, размещенные на сайте новостного агрегатора «Новости Mail» в период с 1 февраля до 31 марта 2025 г.¹ Интернет-реклама передается «в виде текстовых объявлений и баннеров, которые соответствуют интересам... пользователей» [Гилев, с. 109]. Наблюдается типичное для жанра сочетание базовых функций — информативной и воздействующей. В то же время в специальной литературе фиксируются различия «между обычной информацией и рекламой» [Стернин, с. 155]:

Важно, что функция воздействия трансформируется в функцию влияния на потенциального потребителя. Именно в целях влияния разрабатываются поликодовые креолизованные тексты, «фактура которых состоит из двух негомогенных частей — вербальной (языковой, речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [Сорокин, Тарасов, с. 180]. Невербальная часть конструируется с помощью рисунков, фотографий, колористических, акустических и графических средств. В интернете используются также видеоролики с включенным приемом театрализации.

Ядро креолизованного текста — текст вербальный, являющийся специальным объектом настоящего исследования.

Средства репродукции диалогического взаимодействия в вербальном свертксте интернет-рекламы

Возможности интернета позволяют рекламодателю преодолеть краткость — общую примету рекламных текстов. Специально разработанный отсылочный аппарат способствует уточнению и систематизации транслируемой информации.

¹Новости Mail (новостной агрегатор). ULR: <https://news.mail.ru/> (даты обращения: 01.02.2025–31.03.2025).

Типовые вербальные регулятивы, адресованные пользователю: Узнать; Узнайте больше; Перейти; Подробнее. Например: *Приведем столько клиентов, сколько требуется. Подробнее*². По ссылке открывается проект «Эффективное продвижение для туроператоров и организаторов путешествий». Специальные рубрики: «Кому и чем мы будем полезны», «Примеры результатов наших клиентов», «С какими направлениями мы работали», «Наши партнеры», «Наша команда», «Отзывы о нашей работе», «Ответы на частные вопросы». К о н т а к т ы: почтовый адрес организации, электронный адрес, телефон. Преодоление заданной жанром компрессии, опора на формируемые «предзнания и прекогницию» [Демьяненко] адресата — фундамент рациональности предлагаемого выбора.

Нельзя не согласиться с тем, что «воздействие рекламы зависит <...> от содержащейся в ней... аргументации» в пользу выбора предлагаемых товаров и услуг [Розенталь, Кохтев, с. 13]. В анализируемом сверткесте целесообразность выбора аргументируется выгодой — аксиологической константой коммерческой рекламы.

Ключевое слово *выгода* используется в языковом словарном значении: «Прибыль, доход, извлекаемый из чего-л.» [ТСКСРЯ, с. 103]. Прослеживается трактовка выгоды как абсолютной ценности. В то же время выгода традиционно ассоциируется с денежной прибылью, материальной выручкой, «барышами», добытыми не всегда праведным путем. Сам факт выгоды может обуславливать аксиологическую подозрительность. Неодобрительное отношение, как правило, вызывает эгоцентрическая устремленность ко всему выгодному.

В сверткесте реализуются однокоренные слова, транслирующие безусловное, с точки зрения рекламодателя, ценностное обретение:

Смартфон с выгодой в МТС;

Выгода 8 000 Р;

Двойная выгода по семейной ипотеке;

С выгодой для вас (слоган).

Ср.: *выгодные условия; выгодный комплект для вас и вашего дома.*

Скрытая установка на аксиологический выбор передается не требующими подтверждения утверждениями: *Очевидно выгодно; Быстро и выгодно.* Как лингвоцинизмы могут быть интерпретированы высказывания типа *Быть здоровым выгодно; Выгодная улыбка всего за полтора часа.*

Вербальные сигналы выгоды складываются в сверткестовую парадигму: *кэшбэк*³, *скидка, акция, распродажа, бесплатный, бонус, ставка 21 %; первый вклад 24 %; низкие цены, подарок, сюрприз...* Активно употребляются однокоренные

² В статье вербальный текст интернет-рекламы передается светлым курсивом. Соблюдается орфография и пунктуация источника. Для выделения новой строки при отсутствии точки в предшествующем высказывании ставится косая черта.

³ В первые месяцы 2025 г. в анализируемом сверткесте зафиксировано написание *кэшбэк*; в апрельской интернет-рекламе используется также кодифицированный вариант *кешбэк* [Академос].

образования. Проиллюстрируем реализацию наиболее частотных вербальных средств. Англицизм *кэш* вошел в русский язык в начале XXI в. и первоначально воспринимался как жаргонизм: КЭШ жарг. «Наличные деньги» [АЛ, с. 526]. В текущие дни слово-компонит *кешбэк* стало общеупотребительным. Значение: «Возврат части стоимости онлайн-покупки». Получение выгоды в тексте рекламы уточняется. Общая схема: За что именно, какая денежная доля, кто ее получает:

Подключение T-Premium / Кэшбэк 10 % за рестораны и спорт;

Кэшбэк до 50 % / Просто оформите ОСАГО;

Кэшбэк — это у нас семейное. 10 % за ЖКХ, аптеки и товары для дома.

В отдельных случаях актуализация заимствования сопровождается вульгаризацией:

Платите улыбкой и получайте кэшбэк 5 %. Платить улыбкой просто. Будьте среди первых...

Эмоционально-экспрессивная окрашенность сопровождается лексему *скидка*: *Порадуйте себя скидками* (слоган). Устойчивыми становятся словосочетание *получить скидку* и предложно-падежные сочетания *скидка на* (что именно), *скидка до* (указывается процент), *со скидкой*, *скидка для* (кого именно):

Получите скидку на товары для дома;

Скидка до 10 % на квартиры в день всех влюбленных;

Участвуйте в программе «КОМУС КЛУБ» и получайте скидки до 30 % на покупки;

Приобретайте Декор для дома со скидкой 50 %;

По вашему желанию выполним любые работы любой сложности со своим строительным материалом. Пенсионерам скидки до 30 %.

Манипулятивность проявляется в том, что начальная цена рекламируемых товаров и услуг не указывается. Более того, номинация *скидка* используется как «аксиологема-оборотень»:

У нас ТВ-приставка SberBox-2. Скидка / Любовь с первого взгляда 4790 Р;

Любовь — это скидки на все! Только до 19 февраля.

Наблюдается расширение сочетаемости прилагательного *бесплатный* (б.): *б. счет, б. услуги, б. бухгалтерия, б. кредитная карта*, а также *б. игра, б. участие в выставке* и др. Встречаются прямые обозначения инициатора и/или получателя финансовой льготы:

Присоединяйтесь в Делобанку! Бесплатные услуги для ИП и ООО;

Бесплатная карта «Халва» от Совкомбанка;

Получите расчетный счет и бесплатные платежи (оксюморон) физлицам!

Нередко используются косвенные указания на получателя услуги, не требующей денежных затрат. Например, *Пройдите бесплатный тест-драйв курса «Исполнительный директор»*. Наречие *бесплатно* реализуется при поддержке глагола; глагол может быть опущен: *Пройдите тест-драйв курса «Психолог-консультант» бесплатно*. Ср.: *ЭКО бесплатно по полису ОМС*.

Рекламные предложения выгоды в большинстве случаев используются как аксиологические уловки. Выгода — аксиологическое ядро вербальных текстов — лишь частично способствует целостности диалогического взаимодействия и может восприниматься как «скрытая манипуляция» [Рюмшина, с. 43], жертвой которой становится доверчивый адресат. Интенционально заданная установка на эмоциональное воздействие передается с помощью однокоренных слов *дарить, подарок, подарочный*:

Дарим 100 миллионов бонусов на бьюти-покупку;
Дарим 100 % кэшбэк бонусами за первую покупку;
Усиление конструкций стен углеволокном! Проект в подарок;
Лотерея «Мечталлион» 23 февраля. Дарите мечту / выигрывают 2 из 3 билетов.

Во всех случаях ценность подарка измеряется в деньгах. Последнее противоречит аксиологическому кодексу российской культуры.

Ключевое слово коммерческой рекламы *купить* сопровождается контекстными партнерами, семантика которых позволяет уточнить денежную выгоду:

Купите студию и получите гарантированный доход 115 000;
Купите готовую прачечную. Зарабатывайте от 150 т. р. в месяц;
Купи квартиру в Крыму у моря! Рассрочка 0 % от застройщика до 1 года.

В составе побудительных высказываний используется префиксальное образование. Слоган *Покупайте по-умному* сопровождается уверениями в предоставлении выгодных условий купли-продажи:

Мы снизили цены;
Выгодные цены для вас;
Покупайте продукты / Получайте фишки и др.

Вызванная социальными катаклизмами «переменчивость ценностных установок россиян» [Тощенко, с. 19] обуславливает возможность тиражирования выгоды как абсолютной ценности. Обозначенная в вербальном сверткесте гарантированность выгоды — аксиологический фундамент результативности диалогического взаимодействия.

Интенционально заданная функция воздействия на адресата поддерживается креативной составляющей текстов (см.: [Олешко, с. 38–94; Розенталь, Кохтев, с. 50–57; Романова, с. 107–116 и др.]). Обозначим типичные средства выразительности, обеспечивающие эмоционально-психологические реакции воспринимающего.

Новообразования: *ценопад, Мечталлион, кэшбум, стикермания, недиеета, подаркинг, мясорубно, хватамба, продажиотаж*. Приведенные единицы употребляются также в текстах телевизионной рекламы. Нестандартность рекламного предложения порождает удивление, вызванное реализацией лексемы, входящей в ряд новейших образований с первой частью *робот*:

Какой робот-мойщик окон купить? Как правильно выбрать? Узнайте бесплатно.

Оценочные атрибутивные сопроводители: *сумасшедшие скидки, льготные цены, безумно низкие цены, ударные цены; самый выгодный депозит для бизнеса; двойной кэшбэк, лучшие качественные антенны для новой качественной жизни; умная ТВ-приставка; идеальный автомобиль для современного человека; важные натуральные продукты* и др. Объективность оценки может подтверждаться развнутой реакцией клиента, воспользовавшегося рекламируемой услугой:

Муж засыпал комплиментами после занятий по растяжке / Новый вид фитнеса... Скидка 70 % на пробное занятие.

Тропы: *поймите выгоду, волна скидок, скидки прилетели; ваш уголок роскоши; прямые оплаты в Китай по белой схеме; Окупись с головой в мир незабываемых эмоций; Вкусная еда как у мамы; Веселье — с горкой / Приходите отдохнуть в аквапарк «Лимпопо»; От идеи до бизнеса — один Т-банк* и др.

В ряду креативных находок, способствующих установлению обратной связи, использование приемов паронимии и паронимической аттракции:

*Для сохранения зрения примите Зрениюм;
Смотрим, что на «Смотрим»;
Контур Толк. Закрываюте вакансии с Толком.*

Нестандартной является стилистика абсурда — трактовка невозможного как реального:

*1 + 1 = 3 / Купил две пары обуви? Третья пара в подарок;
Превращаем 50 в 30: Крем, который заметно молодит кожу.*

Запоминаемость рекламного предложения обеспечивается рифмой:

*LADA / Пусть мороз кусается / зато мечты сбываются;
Прием у врачей без нервов и очередей;
КУПЕР / Доставка — супер;
Кредит на любой аппетит.*

Креативные неудачи нередко отражают «лингвотоксичные явления в современном русском языке» [Сковородников, Копнина, с. 151] — вульгаризацию и деромантизацию культурно значимых концептов:

Копите на мечты! Ставка 25 % для вклада «Забота о будущем»;

«Деревня сыроваров» / Сливки, любовь, ничего лишнего;

Любовь бывает нежной – 20 % на любимый (на фотографии – упаковка мягкого творога);

Выше гор могут быть только ставки по вкладам (непозволительная трансформация прецедентного текста).

Подобные речевые креативные практики в значительной мере мотивируют экспериментально выявленное «негативное оценочное отношение» носителей русской лингвокультуры к рекламе [Белозерова, Слышкин, с. 153].

Отмеченные средства выразительности в целом формируют тональность диалогического взаимодействия рекламодателя и целевого адресата. Поскольку «минимальная структура диалога» включает «инициальный речевой шаг» и «реактивный речевой шаг» [Борисова, с. 24], составители рекламы, осознающие конструктивную роль обратной связи, разрабатывают технологии реплицирования.

Технологии реплицирования и конструирование диалогического единства

Диалог предполагает участие в коммуникативном взаимодействии адресанта и адресата, которые могут меняться ролями. В роли инициатора коммуникативного взаимодействия выступает рекламодатель, речевая партия которого ориентирована на коллективного целевого адресата. Составители рекламы на этапе ее подготовки отталкиваются от «концепции адресата», предполагающей учет его демографического паспорта и ценностных, в том числе профессиональных, предпочтений.

В соответствии с «презентационной стратегией» [Олянич] разрабатываются способы публичного представления адресанта: указание рейтинга организации и/или использование предложно-падежного сочетания от кого именно. Например:

Квартиры от застройщика в Атлас Аура / 4,2 рейтинг организации;

ЖК «ТЕМП» / Рассрочка до ключей / Заезжайте сразу: рейтинг организации 4,1.

Сложившаяся форма презентации — Мы-реплики, с помощью которых целевой адресат получает информацию о высоком профессионализме слаженной команды, иницирующей рекламное предложение. Широко используется презентация организации как изготовителя востребованных объектов потребления и разработчика услуг:

Паяные теплообменники от производителя ООО «Партнер» / Работаем с 2009 года. Изготовили более 10 000;

Линолеум.Ру — 10 лет мы производим и поставляем линолеум.

Ср. также:

Создаем мебель, о которой вы мечтали;

*Сделаем умным каждый день;
Производим натуральные молочные продукты.*

Представление о заслуженной профессиональной репутации поддерживают глаголы созидания, а также сообщения о стаже работы компании, уверения в понимании запросов потенциальных клиентов.

Особая группа *Мы*-реплик презентует организации, разрабатывающие специальные услуги для бизнеса. Слоган *Бизнесу жить* детализируется:

*Мы решаем задачи вашего бизнеса;
Создаем сайты для бизнеса. 12 лет опыта работы на рынке. Обеспечиваем целевые заявки и помогаем увеличивать заявки за счет маркетинга;
Делаем уникальный мерч для вашего бизнеса.*

Уверения в заслуженном рекламодателем авторитете передают *Мы*-реплики, включающие глагол *рассказать*:

*Расскажем, как оценить эффективность контента и доказать влияние на продажи;
Расскажем, как выбрать хороший холодильник без ущерба для кошелька;
Расскажем, как сэкономить на ведении бухучета, передав дела на аутсорс.*

Регулятивы типа *Узнать больше* информируют пользователя о наличии в приложении «развернутого нарратива» [Борисова, с. 292].

Дидактичность отмеченных высказываний сглаживается с помощью репродукции вставной реплики клиента, уверяющего целевого адресата в эффективности использованного рекламного предложения:

*Нейросеть оживляет фото. Рассказываю, как я оживила своего прадедушку;
Расскажу, к каким выводам я пришла, когда перешла к доставке от ЯНДЕКС ЛАВКИ.*

Аргумент от клиента повышает уровень авторитета и популярности рекламодателя.

Мы-реплики не только уточняют предметную тему диалога, но и создают представление о другоцентризме, надежности адресанта, направленности его деятельности на благо клиента и собственных сотрудников: *Мы ваш надежный партнер; АКАДЕМИЧЕСКИЙ / Создаем в интересах детей* (реплика строителей жилого квартала в Екатеринбурге). Показателен слоган УГМК: *Надо ли говорить о доверии?* Риторический вопрос основан на известной уральцам многогранной деятельности компании, направленной на развитие медицины (УГМК-Здоровье), спорта (УГМК-Арена), образования (Технический университет УГМК), строительства (УГМК-Застройщик).

Специально разрабатываются вопросительные инициальные реплики адресанта: *Что такое лид-скоринг и как внедрить его в свой бизнес? Что такое облигации и как на них заработать? Для чего нужны и как работают умные датчики? Коллагены и их влияние на организм. Что нужно знать?* Во всех случаях коллективный

адресант презентует свой профессионализм, интеллектуальную компетентность, готовность дать квалифицированный ответ на злободневный вопрос.

В анализируемом сверхтексте формируется сегмент инициальных Я-реплик, презентующих деятельность физического лица, ставшего предпринимателем:

Ремонт стиральных машин на дому. Недорого. Делаю на совесть;

Изготовление и сборка оборудования по чертежам заказчика / Напишите, я вам быстро отвечу;

Науку быстро сравнивать предложения и тарифы, чтобы не переплачивать.

Эффект неожиданности вызывает развернутая презентация искусственного интеллекта:

Здравствуйте! Я Ваш ИИ-помощник. Могу помочь преподавателю / Могу упростить информацию / Могу придумать вопросы ученикам / Могу интересно объяснить тему / Могу предложить цель занятия / ИИ – ассистент преподавателя (слоган).

Инициальные Мы-реплики и Я-реплики рекламодателей целенаправленно реконструируют запросы, ценностные предпочтения, материальные возможности целевого адресата, образ которого примитивизируется. С точки зрения рекламодателя, общество потребления ограничивает запросы людей, стимулируя исключительно материальные потребности:

Эти товары именно то, что вам нужно. Покупайте на Джум со скидкой до (указывается процент);

В приложении Т-Банка все ваши интересы: дом, авто, путешествия и шопинг.

Обратную связь поддерживают формы Вы-отношения:

Вы готовы к большему;

Создайте спрос на ваш продукт;

Пусть о вашем проекте узнают.

Широко используются интимизирующие коммуникативное взаимодействие, но не лишённые фамильярности формы Ты-отношения:

Продвигай свой бизнес;

Открой пекарню по франшизе всего за 450 000 рублей;

Зарегистрируй ТЗ (товарный знак) по старой цене;

Открой VR-островок в торговом центре! Доход от 200 тыс.;

Запусти свою рекламу;

Работа вахтой с высокой зарплатой в Москве и МО. Жми!

Ср. также:

Плати ипотеку после сдачи дома;

Успей сделать ремонт до повышения цены;

Узнай о выгодных условиях на покупку LADA в феврале.

Аксиологически значимой является субъектная *Ты / Мы*-переключка:

Пройди опрос, а мы подберем для тебя квартиру и расскажем о выгодных предложениях.

Формы *Ты*-отношения сглаживают коммуникативную иерархию.

Личностную ориентацию коммуникативного взаимодействия поддерживают вопросительные реплики, содержащие однословное обращение. Вопрос используется как акцентированное утверждение: *Руководитель? Вечно тонете в операционной деятельности?* Аналогичная реплика: *Руководитель? Почему сотрудники работают плохо? Как их мотивировать?* Обращение выступает как особый «таксономический предикат» (Н. Д. Арутюнова). Следующие за обращением вопросительные высказывания представляют собой стилизацию несобственно-прямой речи адресата, прогнозирующей рациональные ответы рекламодателя. За однословным обращением к целевому адресату может следовать рекламное предложение. Например: *Вокалисты? Это ваш шанс! Примите участие в конкурсе; Художник? Участвуй в выставке!*

Несобственно-прямая речь целевого адресата используется в процессе креативного конструирования двуреплик, первая из которых транслирует проблемный вопрос от представителей бизнеса (1); физического лица (лиц), столкнувшегося с необходимостью выбора в ситуации повседневности (2).

1. Двуреплики, включающие стилизованный вопрос представителя бизнеса:

*Как победить конкуренцию без борьбы? Обратитесь к нам и создайте сайт;
Хотите платить меньше налогов? Записывайтесь! На вебинаре раскроем пять
законных способов снизить налог;
Ищете новых клиентов? 4 причины запустить ПромоСтраницы;
Нужен посредник по доставке санкционных грузов? Звоните.*

Вопросно-ответные единства формируют устойчивое представление об открывшейся возможности выбора надежного участника скоординированной предпринимательской деятельности. Ср. также инициальные реплики, прямо призывающие к партнерству:

*Присоединяйтесь к Делобанку / Бесплатные услуги для ИП;
Сделайте проект с профессионалами от АВИТО УСЛУГ.*

Подобные двуреплики занимают значительную часть сетевого пространства.

2. Двуреплики, включающие стилизованные вопросы обывателей, могут содержать краткие, а также развернутые ответные реакции:

*Что подарить маме, жене и подруге? Вот классные идеи / Узнать больше!;
Еще не был в «МУЖИКИ ПРО»? Запишем ребенка на первую стрижку в «МУЖИКИ
ПРО» за 599 Р;*

Кем стать в IT? Узнайте на СРАВНИ;

Нужны права? С нами 98 % сдают с 1 раза. Старт за 6990 Р / 4,4 рейтинг организации. Свой автодром. Рассрочка. Маршруты ГИБДД. Теория ОНЛАЙН.

Коммуникативная «тактика имитации разговорного диалога» [Иссерс, с. 778] выступает как наиболее полное воплощение стратегии формирования обратной связи между рекламодателем и адресатом. Отметим, что в вербальном сверхтексте интернет-рекламы знаки выделения отдельных реплик не используются.

Выделенные технологии реплицирования, включающие конструирование диалогических единств, устраняют преимущественно односторонний характер интернет-коммуникации, смягчают императивность установок рекламодателя, обеспечивают интенционально заданную доверительную тональность коммуникативного взаимодействия рекламодателя и целевого адресата.

Заключение

Реализация конструктивного приема диалогизации обеспечена разработанным составителями вербального сверхтекста интернет-рекламы отсылочным аппаратом, позволяющим пользователю, обратившись к развернутым материалам, уточнить предметную тему диалога с рекламодателем, осмыслить аргументацию рекламного предложения.

Фундаментом стратегически заданной рекламодателем обратной связи с адресатом является разветвленная сверхтекстовая парадигма номинаций, объединенных аксиологической константой «выгода». Установка на эмоциональное воздействие реализуется с помощью речевых средств выразительности.

Использованная технология реплицирования способствует уточнению позиции коллективного адресанта-реklamодателя и адресанта как физического лица, рекламирующего товары и услуги. Характеристика рекламодателя, включающая профессиональную компетенцию, опыт работы, надежность, устремленность к совместной с адресатом успешной деятельности, содержится в презентационных репликах. Императивность инициальных реплик, транслирующих рекламное предложение, смягчается с помощью специализированных средств диалогизации, в ряду которых выделяются обращения, а также формы *Ты/Вы*-отношения.

Особое место в пространстве сверхтекста занимают диалогические единства — вопросно-ответные двуреплики. Стилизованная инициальная вопросная реплика закреплена за потенциальным потребителем, формулирующим злободневную проблему; ответная реплика содержит предложения рекламодателя, позволяющие оперативно решить актуальную проблему. Проанализированные диалогические единства позволяют сформулировать вывод о том, что большая часть рекламных предложений адресована представителям бизнеса; коммерческие предложения ориентированы также на удовлетворение повседневных запросов обывателей.

Актуальной является разработка теоретических основ ортологической и лингвоаксиологической критики вербальных текстов интернет-рекламы.

Академос : орфогр. акад. ресурс / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН : сайт. URL: <https://orfo.ruslang.ru/> (дата обращения: 28.04.2025).

АЛ — Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г. Н. Складневской. М., 2006.

Баженова Е. А., Протопопова О. В. Язык и стиль рекламы // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М., 2003. С. 634–642.

Белозерова Е. В., Слышкин Г. Г. Концепт «реклама» в сознании носителей русского языка (на материале психоллингвистических экспериментов) // Рекламный дискурс и рекламный текст : моногр. Волгоград, 2010. С. 151–167.

Борисова И. Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика. Екатеринбург, 2001.

Гилев Н. А. Контекстная реклама — инструмент повышения эффективности маркетинговых коммуникаций в интернете // Креативная экономика. 2010. № 8. С. 107–113.

Демьянков В. З. Предвидеть и предсказать: дискурс о предзнании и прекогниции // Когнитивные исследования языка. 2020. № 2(41). С. 65–72.

Иссерс О. С. Коллоквиализация рекламного текста на упаковке пищевых продуктов как стратегия копирайтинга // Уч. зап. Новгород. гос. ун-та. 2024. № 4(55). С. 774–784.

Кохтев Н. Н., Иванов Л. Ю. Реклама // Культура русской речи / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева. М., 2003. С. 549–550.

КРР — Культура русской речи : энциклопедический словарь-справочник / под ред. А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева. М., 2003.

Олешко В. Ф. Журналистика как творчество. М., 2005.

Олянич А. В. Презентационная теория дискурса. М., 2007.

Розенталь Д. Э., Кохтев Н. Н. Язык рекламных текстов. М., 1981.

Романова Т. П. Современная слоганистика. Самара, 2013.

Рюмишина Л. И. Манипулятивные приемы в рекламе. М., 2004.

Сковородников А. П., Копнина Г. А. Экология русского языка. Красноярск, 2024.

Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М., 1990. С. 180–186.

Стернин И. А. Риторика. Воронеж, 2002.

СЭСРЯ — Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М., 2003.

Тощенко Ж. Т. Фантомы российского общества. М., 2015.

ТСКСРЯ — Толковый словарь ключевых слов русского языка / под общим руководством Г. Н. Складневской. СПб., 2014.

Статья поступила в редакцию 06.05.2025 г.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ГУМАНИТАРНОЙ СФЕРЫ

Научная статья

УДК 070.11:004.77 + 81'37:004 + 316.6 + 659.44 + 070.3(574)

DOI 10.15826/izv1.2025.31.3.042

ЦИФРОВЫЕ ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ НА РЫНКЕ ПЕЧАТНЫХ СМИ: ОПЫТ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Анна Львовна Коданина

Нижегородский государственный университет

им. Н. И. Лобачевского,

Нижний Новгород, Россия,

kodanina@gmail.com,

<https://orcid.org/0000-0002-8552-1758>

А н н о т а ц и я. В статье проанализирован опыт цифровой трансформации печатных изданий, выпускаемых в Республике Казахстан. Среди важных трендов, характерных для казахстанского опыта практического освоения диджитал-технологий, выделены мультиплатформенность и мультиформатность. Исследованы цифровые площадки двух ведущих казахстанских газет — «Литер» и «Казахстанская правда», их контент-стратегии и особенности коммуникации с читательской аудиторией. Сделан вывод о недостаточно эффективном взаимодействии печатной прессы с цифровой аудиторией, что явилось следствием как слабого внимания к формированию и укреплению обратной связи, так и непродуманной контент-стратегии изданий на данных цифровых площадках.

К л ю ч е в ы е с л о в а: аудитория; цифровизация; мультиплатформенность; мультиформатность; социальные медиа; периодическая печать; обратная связь

DIGITAL TRANSFORMATION PROCESSES IN THE PRINT MEDIA MARKET: THE EXPERIENCE OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Anna L. Kodanina

*Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russia,
kodanina@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0002-8552-1758>*

Abstract. The article analyzes the experience of digital transformation of the printed press published in the Republic of Kazakhstan. Among the important trends characteristic of the Kazakhstani experience of practical development of digital technologies, multiplatform and multiformat stand out. The researcher focuses on the digital platforms of two leading Kazakhstani newspapers – “Liter” and “Kazakhstanskaya Pravda”, their content strategies and features of communication with the readership. The study concludes that the interaction of the printed press with the digital audience is insufficiently effective, which was a consequence of both weak attention to the formation and strengthening of feedback, and an ill-conceived content strategy of publications on the studied digital platforms.

Key words: audience; digitalization; multiplatform; multiformat; social media; periodicals; feedback

Введение

Процессы качественной трансформации медиарынка, выражающиеся в цифровом обеспечении СМИ, качественном и количественном росте форматов и тематических моделей, форм взаимодействия с читательской аудиторией, характерны для многих постсоветских государств, входящих ныне в СНГ.

В частности, в Республике Казахстан цифровая трансформация рынка печатной прессы имеет ряд особенностей, обусловленных спецификой социально-экономического и политического развития. В связи с этим исследование процессов цифровизации традиционных СМИ Казахстана представляет не только теоретический, но и практический интерес, связанный с перспективами развития медиарынка в странах, входящих в Содружество Независимых Государств.

Специфика и проблематика цифровых трансформационных процессов на рынке печатной прессы рассматриваются в работах как казахстанских, так и российских исследователей (см.: [Ашенова, 2016; Барлыбаева; Богуславская; Вартанова; Жолдыбай; Ибраева; Нигматуллина]).

В частности, Е. Л. Вартанова и А. С. Пую отмечают, что процессы медиапотребления в Сети имеют много общего со взаимодействием аудитории с традиционными каналами массовой коммуникации, в основе которого лежит запрос на развлечения, информирование и общение. 19 % времени, проводимого

потребителями в интернете, приходится на долю социальных сетей, 18 % — на долю видео и 16 % «забирают» мессенджеры [Вартанова, Пуу, с. 145].

А. А. Градюшко полагает, что не современный потребитель медиаконтента ищет контакта с медиа, а именно производители контента борются за внимание аудитории на всех доступных платформах [Градюшко, с. 119]. В свою очередь, цифровые платформы все чаще доминируют на медиарынке, управляя вниманием аудитории с помощью алгоритмов, тем самым редакции не в состоянии самостоятельно контролировать дистрибуцию новостей, в результате их роль сводится лишь к адаптации ленты новостей к алгоритмической логике.

Характеризуя состояние цифрового медиарынка Республики Казахстан, Г. Ж. Ибраева отмечает падение спроса на традиционные СМИ, сокращение их популярности как источника новостей, одновременно с этим происходит рост влияния сетевых медиаканалов, на долю которых приходится свыше 80 % казахстанской аудитории [Ибраева, с. 50]. Предпочтения аудитории при этом касаются не только информирования, но и рекреации, коммуникации и пр.

Другой казахстанский исследователь, С. В. Ашенова, утверждает, что цифровизация не столько затрагивает форму подачи информации, сколько внедряется в сам процесс производства контента, базирующийся на использовании инновационных технологий, включая искусственный интеллект и дополненную реальность [Ашенова, 2022, с. 117].

Вместе с тем специфика цифровой трансформации печатной прессы Республики Казахстан исследована недостаточно. Предметом научного анализа данной статьи стал практический опыт цифровизации газет «Литер» и «Казахстанская правда», который исследуется посредством структурно-функционального метода, системного подхода, методов сравнения и наблюдения, дедукции и индукции.

Характеризуя особенности цифровой трансформации печатных СМИ Республики Казахстан, прежде всего следует отметить существенное влияние на процессы дигитализации государственной информационной политики, а также консолидированного западного и восточного опыта, что обусловлено географическим положением республики и инвестиционной политикой государства. В результате на территории Казахстана создано уникальное медиапространство, учитывающее специфику как западного, так и восточного медиарынков.

Опираясь на исследование информационного рынка Республики Казахстан, проведенное общественным фондом «Центр социальных и политических исследований “Стратегия”», отметим, что подавляющее большинство опрошенных (81,6 %) не читают газеты. Из тех, кто читает газеты, лишь 15 % обращаются к собственно печатным версиям, остальные предпочитают просматривать прессу в режиме онлайн [Уровень востребованности...].

Результаты опроса показали, что наиболее популярными газетами среди респондентов оказались местные СМИ — их читает более половины всей аудитории печатных СМИ (65 %). Большинство респондентов предпочитают общественно-политические издания. Среди негативных факторов, мешающих развитию традиционной прессы, респонденты отметили практику принуждения

к подписке, отсутствие оперативности, неинтересное содержание, деградацию инфраструктуры по продаже печатных СМИ.

Опираясь на это и другие исследования, в республике в 2018–2022 гг. была реализована программа «Цифровой Казахстан», основными задачами которой провозглашались: устранение правовых барьеров для цифровизации; технологическая модернизация; развитие цифровой инфраструктуры и инфраструктуры для обеспечения информационной безопасности.

Закон «О массмедиа», принятый в Казахстане 19 июня 2024 г., закрепляет правовые основы цифровой трансформации рынка средств массовой информации. В частности, закон легитимизирует понятие «массмедиа», которое включает в себя как традиционные СМИ, так и интернет-ресурсы (в том числе блоги, паблики и пр.). Таким образом, закон регулирует работу не только казахстанских журналистов, но и блогеров, а также прочих участников медиарынка. Введение понятия «особый статус журналиста» расширяет права журналистов при поиске, получении и распространении информации¹.

Таким образом, закон «О массмедиа» возложил юридическую ответственность за содержание интернет-ресурсов на владельцев, тем самым обусловив их переход в правовое поле, результатом чего должно стать повышение качества распространяемой информационной продукции.

Хочется отметить и активное использование в республике общественных коммуникационных площадок, служащих важной предпосылкой для активного освоения международного опыта цифровизации и поиска собственного пути информационного развития. При содействии Министерства информации и общественного развития Казахстана проводятся такие мероприятия, как Astana Digital Forum, в рамках которого проходит Astana Media Week с участием экспертов из России, Казахстана, Швейцарии, Австрии и других стран. Отметим, что участником медиафорума является Международный центр журналистики MediaNet — первый в Центральной Азии фактчекинговый ресурс. Таким образом, открыто обсуждая потребности рынка и борясь с недостоверной информацией, институты гражданского общества способствуют качественному и количественному распространению цифровых технологий, используемых в том числе для трансформации традиционных СМИ.

Результаты исследования и обсуждения

По данным республиканского Министерства информации и общественного развития, в 2023 г. в Казахстане имелось более 5,6 тыс. СМИ, из которых свыше 3,8 тыс. составили периодические печатные издания и лишь около 500 — аудиовизуальные СМИ, число информационных агентств и сетевых изданий превысило

¹ Закон РК «О массмедиа» № 93-VIII от 19.06.2024 // Эділет : информ.-правовая система норматив. правовых актов Республики Казахстан. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2400000093> (дата обращения: 12.02.2025).

1,2 тыс. наименований². Любопытно, что по итогам 2024 г. из общего числа вновь зарегистрированных СМИ (506) на долю информационных агентств и сетевых изданий приходится уже более 70 % (379 наименований), а на периодические печатные издания — лишь 22 % (114 наименования). Вместе с тем свое место в сетевом пространстве стремятся занять и печатные СМИ, заинтересованные в расширении и омоложении аудитории.

Отметим, что присутствие казахстанских печатных СМИ в интернете обусловлено как развитием цифровой инфраструктуры, так и спецификой медиапотребления, следствием чего становится стремление к мультиплатформенности. Так, подавляющее большинство газет и журналов в республике имеют свои сайты — официальные представительства в сети Интернет. В числе представленных в сетевом пространстве газет — «Казахстанская правда», «Аргументы и факты. Казахстан», «Время», «Литер». Однако подходы к администрированию сайтов остаются в ряде случаев весьма архаичными и сводятся к дублированию информации, размещенной на страницах печатных источников.

Что касается социальных сетей, то их аудитория рассчитывает не просто на информирование, но и на двустороннюю коммуникацию, развлечения и рекреацию — печатные СМИ Республики Казахстан не всегда учитывают эти потребности в полном объеме. Так, газета «Алтын Босаға» использует социальные медиа очень избирательно, демонстрируя стремление к односторонней коммуникации и публикуя преимущественно информацию о государственных праздниках.

Рассмотрим опыт цифровизации казахстанских СМИ на примере печатных изданий «Казахстанская правда» (выходит с 1920 г.) и «Литер» (существует с 2004 г.). Эти издания, многократно становившиеся лауреатами государственных и национальных премий («Уркер», Премия Союза журналистов Казахстана, «Алтын Жукер» и др.), активно включились в процесс цифровизации — оба они входят в республиканский рейтинг топ-30 СМИ по цитируемости в интернете.

Информационная политика этих изданий имеет немало схожих черт, среди которых освещение общественно значимых событий в стране и за рубежом, публикация аналитических материалов о политике и экономике. Подчеркнем, что «Казахстанская правда» также является официальным источником для публикации законодательных актов Республики Казахстан и выпускается еженедельно. Другое издание — «Литер» — выходит в свет 4 раза в неделю.

Характеризуя интернет-присутствие обоих изданий, отметим, что каждое из них имеет свой сайт в сети Интернет. В частности, сайт газеты «Литер» — liter.kz³ появился в 2017 г. как электронная площадка, транслировавшая содержание печатного источника. Читателей, однако, привлекала возможность комментирования статейного материала, что позволяло лично участвовать в жизни общества и предоставлять редакции обратную связь.

² Статистика СМИ. Мин-во информации и обществ. развития Республики Казахстан. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/qogam/activities/145?lang=ru> (дата обращения: 08.02.2025).

³ Сайт газеты «Литер». URL: <http://liter.kz/> (дата обращения: 05.03.2025).

Сегодня сайт газеты «Литер» представляет собой современный портал, содержащий помимо новостной ленты тематические разделы, такие как «Спорт», «LifeStyle», «Регионы», «Культура» и др. На сайте можно ознакомиться и с текущим номером газеты в формате pdf. Обращает на себя внимание раздел «Мультимедиа», который публикует видеосюжеты на самую разную тематику, включая имиджевые ролики о казахстанской природе, случаи из частной жизни граждан (например, сюжет о том, как сотрудники МЧС РК спасли конечность травмированного ребенка). Сайт газеты предоставляет ряд сервисных функций: оформление подписки на газету, получение push-уведомлений.

Также «Литер» наращивает свое присутствие на различных информационных площадках, включая социальные медиа, мессенджеры и видеохостинги. Однако присутствие газеты на цифровых платформах выборочно и неоднородно. Так, сообщество «Литер» в социальной сети «ВКонтакте»⁴ было зарегистрировано в 2002 г. и к декабрю 2024 г. включало около 2 тыс. участников. Однако сегодня аккаунт не активен — последний пост опубликован в декабре 2021 г, когда в Республике Казахстан развернулся масштабный политический кризис. После 16 декабря 2021 г. новостная лента публика больше не обновлялась, и сегодня страница газеты в социальной сети «ВКонтакте» уже не может рассматриваться в качестве актуального информационного источника.

Обратившись к телеграм-каналу «Литер»⁵, увидим, что к концу 2024 г. канал объединял свыше 4,5 тыс. подписчиков и позиционировал себя как площадку для размещения «самых свежих и актуальных новостей Казахстана и мира». Ежедневно канал размещает от 6 до 10 новостных постов из самых разных тематических областей: экономика, политика, социальная жизнь, криминал, новости массовой культуры и пр. Новостная политика канала характеризуется обилием информации таблоидного характера, касающейся как происшествий, так и скандалов в среде публичных персон. Полагаем, что такое внимание к контенту подобного содержания продиктовано стремлением к максимальному охвату аудитории самых разных социальных групп, включая зарубежных читателей.

Обращает на себя внимание стремление газеты к расширению форматов новостного продукта, использованию визуального контента как одного из основных в линейке предлагаемых аудитории. Практически каждый пост канала снабжен качественной фотоиллюстрацией. Ежедневно канал публикует от 2 до 5 видеосюжетов собственного производства, а также осуществляет репосты уже существующего контента, произведенного как государственными, так и частными телекомпаниями.

Среди активно используемых форматов — инфографика. Например, материал, датированный 6 сентября 2024 г. и посвященный ликвидации последствий осенних паводков, содержит фактические данные (суммы выплат и компенсаций), иллюстрирующие должную заботу правительства республики о населении,

⁴ Новости Казахстана Liter.kz. URL: https://vk.com/liter_kz (дата обращения: 07.03.2025).

⁵ Liter.kz — Новости Казахстана. URL: <https://t.me/s/liternews> (дата обращения: 05.11.2024).

пострадавшем от паводка. Полагаем, что подобные публикации имеют ярко выраженную имиджевую окраску и могут быть оценены как комплиментарные в отношении власти.

Среди постоянно публикуемых материалов велика доля так называемого просветительского контента, представляющего собой обзор полезных новостей и советов. К их числу можно отнести материалы «Отбасы банк обновляет программу женской ипотеки “Умай”: что изменилось и что нужно знать» (от 17.09.2024), «Как атомные станции влияют на окружающую среду» (от 12.09.2024), «Как уберечься от мошенничества в мессенджерах» (от 11.09.2024), «Жилищные программы для казахстанской молодежи» (от 11.09.2024). Характерно, что такие материалы одновременно с просветительской задачей также решают и имиджевые, рекламные задачи, перенаправляя посетителя на сайт газеты «Литер», где размещены подробные статьи на заявленную тему.

Среди рекламного контента, размещенного на ленте телеграм-канала газеты «Литер», можно отметить регулярно публикуемые анонсы свежего номера газеты (его также можно скачать на ресурсе) и новостных выпусков телекомпании «Астана» (Astana Times).

Характеризуя взаимодействие с целевыми аудиторными группами, хочется отметить такие его формы, как приглашение читателей поделиться новостями, тем самым содержание номера обогащается «народными новостями». Практикуется и такая форма вовлечения аудитории, как публикация соцопросов, в которых предлагается поучаствовать читателям. Темы соцопросов отличаются разнообразием: например, сколько в месяц тратят казахстанцы на продукты питания, за кого «болеют» на «Играх кочевников» и пр.

При этом отметим, что, несмотря на явные усилия по привлечению и вовлечению аудитории, ее активность крайне низка. Из более чем 4 тыс. подписчиков реакции на публикуемые посты ставят в среднем 5–7 человек. При этом многие посты вообще не содержат оценки аудитории. Предложение прокомментировать материалы также игнорируется аудиторией. Так, за неделю, с 9 по 15 сентября, не было размещено ни одного комментария под опубликованными постами (всего свыше 40). Таким образом, очевидно, что задача вовлечения аудитории может быть названа в числе первоочередных.

Интересен также опыт цифровизации газеты «Казахстанская правда», издающейся на русском языке с 1920 г. Отметим, что эта газета выступает в роли официальной площадки для опубликования республиканских законодательных актов. Будучи источником социально-экономической, политической и юридической информации, издание стремится к освоению современных цифровых платформ, расширению аудитории и наращиванию технологического потенциала.

Так, «Казахстанская правда» сегодня имеет свои аккаунты во всех популярных социальных медиа, включая «ВКонтакте» и «Одноклассники», а также видеохостинг YouTube и мессенджер Телеграм. Оценивая технологический арсенал издания, отметим активное использование не только текстового, но и аудиовизуального контента, разнообразие форматов и тематический простор, характерный

для так называемой массовой журналистики. Например, короткие видеоролики (рилсы) снимаются с использованием видеоматериала со скрытых камер, частных смартфонов и могут иллюстрировать происшествия, катастрофы и скандальные ситуации.

Обратившись к аккаунту «Казахстанской правды» в социальной сети «Одноклассники»⁶, увидим, что его совокупная аудитория составляет почти 8 тыс. человек. Ежедневная новостная лента состоит в среднем из пяти новостей, освещающих как социально-экономическую повестку, так и вопросы ЖКХ, новости из мира спорта и культуры. Например, 26 марта 2025 г. в паблике было опубликовано пять сообщений, рассказывающих о полученном статусе «Город ремесленников», которого удостоился Туркестан, о мастере по изготовлению казахских национальных инструментов, о выставке самодельных кукол, о модельере, создающем одежду из валяной шерсти, о вошедшем в Книгу рекордов Казахстана шествии женщин в национальных казахских головных уборах.

Каждое сообщение при раскрытии переадресует читателя на сайт газеты «Казахстанская правда», обеспечивая тем самым дополнительный читательский трафик из «Одноклассников». Постов, созданных специально для социальных медиа, в ленте не публикуется, что позволяет сделать вывод о сугубо вспомогательной роли рассматриваемой интернет-площадки.

Обращает на себя внимание также то, что контент-политика сообщества расширяет рамки информационной политики печатного источника, ориентированного на общественно-политические новости, носящие официальный характер. Делая выбор в пользу интересующего массового читателя контента, сообщество газеты тем самым расширяет информационную повестку, стремясь привлечь дополнительную читательскую аудиторию. Отметим, что экономических и политических новостей в аккаунте в «Одноклассниках» размещается очень мало, что подтверждает стремление газеты диверсифицировать новостные потоки, учитывая специфику как информационной площадки, так и предпочтения целевых аудиторных групп, взаимодействующих с платформой.

При этом приходится констатировать, что вовлеченность аудитории социальной сети, имеющей подписку на аккаунт, крайне низка. Ни одна из пяти опубликованных 26 марта 2025 г. новостей не вызвала стремления читателей поставить отметку «нравится» («класс»), разместить комментарий, сделать репост (поделиться с друзьями). Вместе с тем и сами администраторы аккаунта не предпринимают попыток наладить взаимодействие с аудиторией, например, посредством размещения конкурсов, опросов, прочих вовлекающих постов. Используя аккаунт исключительно как дополнительный канал для увеличения трафика на сайт издания, редакция значительно снижает его коммуникационный потенциал, нивелируя возможности для установления и укрепления обратной связи, повышения заинтересованности и вовлеченности аудитории.

⁶ Казахстанская правда СМИ : сайт. URL: <https://ok.ru/profile/573543687815> (дата обращения: 26.03.2025).

Официальный сайт газеты «Казахстанская правда»⁷ был создан в 2010 г. При этом в 2023 г. было зарегистрировано сетевое СМИ «Казахстанская правда», которое и размещается сегодня по адресу www.kazpravda.kz. Таким образом, информационный сетевой ресурс в данный момент имеет статус оригинального интернет-СМИ со своей собственной контент-политикой, отличающейся от информационной политики одноименного печатного органа.

Сетевое СМИ «Казахстанская правда» отличается широкой тематической палитрой. Наряду с рубриками «Президент», «Правительство», «Парламент» здесь есть такие разделы, как «Экономика», «Банки и финансы», «Экология», «Мнения», «Происшествия», «Культура и общество», «Технологии», «Lifestyle», «В мире», «Таза Казахстан» (так называется проводимая в республике экологическая акция). Новостная лента ресурса обновляется каждый час в выходные дни и несколько раз в час в будни, выдерживая ритм работы информационного агентства.

Помимо новостей на сайте сетевого СМИ «Казахстанская правда» представлены журналистские материалы разных жанров: интервью, репортажи, аналитические статьи и обзоры. Отметим, что для зарегистрированных подписчиков сайт предоставляет доступ к свежему номеру «Казахстанской правды» в pdf-формате. При этом сайт сетевого СМИ демонстрирует стремление к монетизации размещаемого информационного продукта. Так, архив газеты доступен только для читателей, оплативших подписку, оформить которую можно на самом информационном ресурсе, используя соответствующий сервис.

Обращает на себя внимание высокое качество статейных и фотографических материалов, размещенных на сайте. Стремясь визуализировать контент, на сайте широко используют не только фоторепортажи, но и видеоролики, посвященные, к примеру, многообразию кочевой культуры, освещению антитеррористических учений, «Игр кочевников» и пр. При этом раздел с видеороликами регулярно обновляется — приблизительно раз в несколько дней, тогда как новые фоторепортажи появляются нерегулярно, с перерывом в несколько месяцев, что говорит о приоритетном значении видеоматериалов, пользующихся интересом аудитории.

Таким образом, видим, что сайт сетевого СМИ имеет черты оригинального информационного источника, при этом интегрированного с печатным изданием. Очевидно, что, размещая мультиформатный и тематически разнообразный контент, издание демонстрирует стремление к насыщению информационных запросов разных читательских групп.

При этом аудитория фактически лишена возможности для демонстрации обратной связи — на сайте не предусмотрены опции для взаимодействия с читателем посредством отметки «нравится» или «не нравится», нет возможности комментировать и делиться опубликованными материалами. Таким образом, оценить вовлеченность читательской аудитории не представляется возможным.

⁷ Казахстанская правда : сайт. URL: <https://kazpravda.kz/> (дата обращения: 12.02.2025).

Выводы

Подводя итог вышесказанному, отметим, что освоение цифрового пространства печатными СМИ Республики Казахстан происходит посредством использования дополнительных платформ и новых форматов предоставления материалов, демонстрируя стремление к мультиформатности и мультиплатформенности — основным трендам цифровой трансформации печатных СМИ. Примечательно, что в этом процессе активную протекционистскую позицию занимают органы государственной власти, которые создают необходимые технологические и правовые условия для цифровизации печатных СМИ.

На примере рассмотренных печатных СМИ можно сделать вывод об очевидном стремлении казахстанских газет расширить каналы дистрибуции собственного информационного продукта. Используя для этих целей социальные медиа, видеохостинги, мессенджеры, печатная пресса стремится к максимальному учету потребительских предпочтений целевых аудиторных групп, адаптируя презентацию контента в удобные для восприятия форматы. Газеты, выпускаемые в Казахстане, активно применяют визуальные формы предоставления контента, включающие не только фотографический ряд, но и инфографику, и видеоролики. Демонстрируя гибкость при выборе способов художественной выразительности информационного продукта, печатные СМИ учитывают предпочтения целевой аудитории, что служит важным условием лояльности и заинтересованности читателей.

Вместе с тем приходится констатировать низкую вовлеченность целевых аудиторных групп из-за слабого развития каналов коммуникации с читателем. Как было отмечено ранее, возможностей для предоставления обратной связи крайне мало как на официальных сайтах газет, так и на прочих цифровых площадках. Обращает на себя внимание и отсутствие вовлекающих аудиторию сообщений, что особенно заметно на примере социальных медиа. В результате низкая лояльность и заинтересованность аудитории становится очевидной и может быть названа следствием как слабо развитой потребности читателя в коммуникации с печатным СМИ, так и недостаточно продуманной контент-стратегии со стороны самого средства массовой информации. Очевидно, что для успешного освоения цифровых технологий необходимы корректировка и доработка данного подхода.

Ашенова С. В. Журналистика во взаимодействии с политикой : моногр. Алматы, 2016.

Ашенова С. В. Актуальные медиатренды цифровой эпохи // Коммуникации в условиях цифровой трансформации : сб. материалов VI Междунар. науч.-практ. конф. СПб., 2022. С. 116–118.

Барлыбаева С. Х. Трансформация медиaprостранства в Казахстане // Цифровая журналистика: технологии, смыслы и особенности творческой деятельности : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2024. С. 243–245.

Богуславская В. В. Медиатекст и хештеги: цифровая трансформация СМИ // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 5. С. 51–56.

Вартанова Е. Л. К новой архитектуре медиа: вызовы эпохи цифровизации // Донецкие чтения 2023: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : материалы VIII Междунар. науч. конф. Донецк, 2023. С. 307–309.

Вартанова Е. Л., Пую А. С. Исследования цифровых медиа: от информационной безопасности общества — к защите человека // Медиа в современном мире : 63-и Петерб. чтения : сб. материалов Междунар. науч. форума : в 2 т. СПб., 2024. С. 145–146.

Градюшко А. А. Производство контента в цифровой журналистике: новые подходы к работе с аудиторией // Журналістыка–2023: стан, праблемы і перспектывы : матэрыялы 25-й Міжнар. навук.-практ. канф. Мінск, 2023. С. 118–120.

Жолдыбай К. Цифровизация и СМИ // Мысль : респ. общ.-полит. журн. 2021. 16 июня. URL: <https://mysl.kazgazeta.kz/news/15628> (дата обращения: 25.06.2024).

Ибраева Г. Ж. Цифровизация как тренд современной журналистики Казахстана // Журналістыка–2021: стан, праблемы і перспектывы. Мінск, 2021. С. 49–54. URL: https://www.researchgate.net/publication/356102939_Ibraeva_GZ_CIFROVIZACIA_KAK_TREND_SOVREMENNOJ_ZURNALISTIKI_KAZAHSTANA_tezisy_BGU_2021 (дата обращения: 08.06.2024).

Коданина А. Л., Савельева М. А. Развитие региональной прессы в digital-формате (на примере СМИ ЗАТО Саров Нижегородской области) // Региональная школа журналистики: векторы исследования. Н. Новгород, 2022. С. 152–156.

Нигматуллина К. Р. Место социальных сетей в развитии региональной журналистики в России // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10 : Журналистика. 2021. № 1. С. 30–50.

Уровень востребованности потребителями отечественной информационной продукции в 2020 году / Обществ. фонд «Центр социальных и политических исследований “Стратегия”». Алматы, 2021.

Статья поступила в редакцию 21.04.2025 г.

Научная статья

УДК 821.161.1-4 Зайцев Б. К. + 821.161.1-1 Пушкин А. С. + 808.1 + 7.036.2 + 347.782 +
+ 347.787 + 347.784

DOI 10.15826/izv1.2025.31.3.043

ПОЭТИКА ЭКФРАСИСА В «ПУШКИНСКОМ ТЕКСТЕ» Б. К. ЗАЙЦЕВА

Екатерина Алексеевна Чертенко¹
Александр Александрович Медведев²

^{1,2} Тюменский государственный университет,
Тюмень, Россия

¹ e.a.chertenko@utmn.ru,

<https://orcid.org/0009-0007-7797-2560>

² amedv1@yandex.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-7450-5373>

Аннотация. В статье рассмотрена поэтика экфрасиса в «пушкинском тексте» Б. К. Зайцева (восемь эссе о Пушкине 1925–1962 гг.). Проанализированы экфрастические коды и их функции в эссе Зайцева о Пушкине: архитектурный (архитектура итальянского Ренессанса, французский неоклассицизм, французская готика); скульптурный (памятник работы А. М. Опекушина); живописный экфрасис (иконопись А. Рублева, «Ватиканские станцы» Рафаэля); музыкальный экфрасис (Бах, Моцарт). Опекушинский памятник становится для Зайцева знаковым образом торжеств 1880 г. и живой связью с ними в XX в.; это вечный образ над временем, над трагическими водоротами русской истории, ее свидетель и онтологический со-участник живой жизни. Зайцев онтологизирует скульптурный экфрасис, стирая границы между жизнью и искусством и онтологически «воскресая» Пушкина. Для зайцевского понимания Пушкина в целом характерно рафаэлевское «прочтение» поэта как ренессансного и гармонического творца, который синтезировал в своем творчестве античность и христианство. Экфрастические коды в «пушкинском тексте» Зайцева визуализируют и раскрывают

© Чертенко Е. А., Медведев А. А., 2025

«облик» Пушкина и стоящую за ним культурную и духовную традицию: традицию Достоевского в понимании Пушкина («всемирная отзывчивость»), которую Зайцев продолжает; понимание самого Зайцева (Пушкин как гармонический ренессансный гений, свободно соединяющий в себе разные культуры); диалог писателя с современной ему религиозно-философской мыслью русской эмиграции (Н. А. Бердяев, Г. П. Федотов). Результатом экфрастических стратегий Зайцева в «пушкинском тексте» становится онтологизация образа Пушкина, которая делает его ближе современному читателю.

Ключевые слова: «пушкинский текст»; Б. К. Зайцев; экфрасис; русская эмиграция; А. М. Опекушин; Рафаэль; онтология

THE POETICS OF EKPHRASIS IN THE 'PUSHKINIAN TEXT' BY B. K. ZAYTSEV

Ekaterina A. Chertenko¹
Alexander A. Medvedev²

^{1,2} *Tyumen State University,
Tyumen, Russia*

¹ e.a.chertenko@utmn.ru,

<https://orcid.org/0009-0007-7797-2560>

² amedv1@yandex.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-7450-5373>

Abstract. The article deals with the poetics of ekphrasis in B. K. Zaytsev's 'Pushkinian text' (eight essays on Pushkin, 1925–1962). The ekphrastic codes and their functions in Zaytsev's essay on Pushkin are analyzed: architectural (architecture of the Italian Renaissance, French neoclassicism, French Gothic); sculptural (monument by A. M. Opekushin); pictorial ekphrasis (iconography by A. Rublev, "Vatican Stanzas" by Raphael); musical ekphrasis (Bach, Mozart). The monument by the sculptor Opekushin becomes for Zaytsev a landmark image of the Celebrations of 1880 and a living link with them in the twentieth century. This monument is an eternal image above time, above the tragic whirlpools of Russian history, its witness and ontological accomplice of living life. Zaytsev ontologizes sculptural ekphrasis, blurring the boundaries between life and art and ontologically "resurrecting" Pushkin. Zaytsev's understanding of Pushkin as a whole is characterized by Raphael's "reading" of the poet as a Renaissance and harmonious creator who synthesized antiquity and Christianity in his work. The ekphrastic codes in Zaytsev's 'Pushkinian text' visualize and reveal Pushkin's "image" and the cultural and spiritual tradition behind it: Dostoevsky's tradition in Pushkin's understanding ("universal responsiveness"), which Zaytsev continues; Zaytsev's own understanding (Pushkin as a harmonious Renaissance genius freely combining different cultures); the writer's dialogue with the contemporary religious and philosophical thought of Russian emigration (N. A. Berdyaev, G. P. Fedotov). The result of Zaytsev's ekphrastic strategies in the 'Pushkinian text' is the ontologization of Pushkin's image, which makes him closer to the modern reader.

К e y w o r d s: 'Pushkinian text'; B. K. Zaytsev; ekphrasis; Russian emigration; A. M. Opekushin; Raphael; ontology

Введение

В современном литературоведении является актуальной проблема соотношения вербального и визуального, слова и образа. Изучение поэтики экфрасиса способствует открытию новых интерпретаций художественного текста и произведения искусства в междисциплинарном аспекте. Научный интерес к проблеме экфрасиса и особенностям экфрастического описания возрос в последние десятилетия. Однако сам термин «экфрасис» до сих пор имеет размытые границы. Исследователи рассматривают экфрасис в контексте понятия интермедиальности, которое было введено О. Ханзен-Леве, понимающим под ней средства художественной выразительности различных видов искусств, которые, взаимодействуя и изменяясь, создают объемный, многомерный, синтетический художественный образ: «За концепцией интермедиальности стоит общекультурное стремление к обмену, смешению, гибридизации, свойственное любым тенденциям интертекстуальности, интердисциплинарности, интеркультуральности» [Ханзен-Леве, с. 22]. На наш взгляд, экфрасис может быть представлен как сочетание текста и произведения искусства, в котором текст превалирует над произведением визуального искусства вплоть до вытеснения его и подмены с помощью описания.

Экфрастический подход к творчеству одного из ключевых писателей русской эмиграции Б. К. Зайцева (1881–1972) позволит по-новому и глубже раскрыть мировосприятие и поэтику писателя.

Проблема экфрасиса в творчестве Зайцева остается малоизученной. К. А. Жулькова рассматривает прием экфрасиса в романе «Золотой узор», в котором живописные полотна, скульптурные изображения, памятники архитектуры органически вписываются в художественно-философскую структуру текста, становятся важными составляющими мифосимволической образности, аллюзивными дополнениями к системе номинации героев, значимыми семантическими единицами [Жулькова, 2019а].

В другой своей работе, посвященной тому же роману, Жулькова выявляет в нем дионисийский, ренессансный и христианский экфрасисы: «Картины “Вакханка, поющая амура” Ф. А. Бруни и “Мона Лиза” Леонардо да Винчи, икона Николая Чудотворца, архитектурные памятники Рима и Москвы — значимые семантические единицы в поэтической трансформации античных и христианских смысловых парадигм произведения» [Жулькова, 2019б].

Н. И. Пак рассмотрел в итальянских очерках Зайцева («Венеция», «Флоренция», «Рим») экфрастические описания произведений изобразительного искусства, архитектуры, декоративно-прикладного искусства, ландшафтного и интерьерного дизайна, выявив следующие типы экфрасиса (свернутый, нулевой, психологический). Исследователь утверждает, что экфрасис играет важную роль в создании целостного образа города и что особенности экфрасиса обусловлены импрессионизмом писателя [Пак].

Результаты исследования

Пушкин был одним из «вечных спутников» Зайцева. К Пушкину, его жизни и творчеству, Зайцев обращался на протяжении всей жизни. Объектом нашего анализа являются восемь эссе писателя, которые он создавал на протяжении почти 40 лет (1925–1962) и которые образуют единый «пушкинский текст» в его творчестве: «Пушкин в нашей душе» (Дни (Берлин). 1925. 8 февр., № 686), «Пушкин» (День русской культуры (Париж). 1926. 8 июня. С. 3), «День русской культуры: вступительное слово на празднестве 12 июня в Трокадеро» (Возрождение. 1932. 16 июня, № 2567), «Явление Пушкина» (Иллюстрированная Россия. 1937. 6 февр., № 7. С. 31), «Памятник Пушкину» (Возрождение. 1937. 6 февр., № 4064), «Победа Пушкина» (Пушкин. 1837–1937 : одноднев. газета (Париж). 1937. Июнь), «Пушкин (Перечитывая его)» (Русская мысль. 1949. 1 июня, № 141. С. 3), «Три кометы» (Русская мысль. 1962. 19 мая).

Поводом для написания этих эссе были проводимые в Париже с 1925 г. юбилейные пушкинские вечера¹, приуроченные к датам рождения и смерти поэта, которые продолжали дореволюционную традицию торжеств по поводу открытия в Москве 6 июня 1880 г. памятника Пушкина работы А. М. Опекушина, когда в зале Дворянского собрания с речами о поэте выступили И. С. Тургенев, Ф. М. Достоевский, И. С. Аксаков и др. В эссе «Пушкин в нашей душе» (1925) Зайцев вспоминал об этом историческом для России событии и о знаменитых речах писателей, которые «канонизировали» поэта как народного: «В 1880 году Достоевский и Тургенев в знаменитых речах на открытии пушкинского памятника вывели поэта из уединенной полутьмы в большой “народ”. Тут Пушкин входит в легендарное, неоспоримое. Поздно и смешно его корить и “колебать”: уж лучше будем изучать, учить по нему детей и молодых писателей» [Зайцев, 2000, т. 9, с. 35]².

В данной статье мы рассмотрим экфрастические коды в этих эссе, которые позволят раскрыть, говоря словами писателя, «облик» Пушкина — его культурную и духовную традицию.

В первом эссе «Пушкин в нашей душе» (1925) Зайцев полемизирует с современным ему пониманием Пушкина, которое отрицает его «язычество и ренессанс», и солидаризируется с позицией Н. А. Бердяева, назвавшего Пушкина «единственным ренессансным человеком русской литературы»³: «Насколько

¹ Начиная с 1925 г. в русском зарубежье отмечался День русской культуры, приуроченный ко дню рождения Пушкина. В этот праздник проводились торжественные заседания, литературно-музыкальные вечера, издавались специальные выпуски газет и журналов.

² Здесь и далее цитаты текстов Зайцева приводятся по этому изданию с указанием в круглых скобках номера тома и страницы цитирования.

³ В книге «Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века» (1946) Бердяев противопоставил Пушкина как «единственного русского писателя ренессансного типа» русской литературе XIX в. Если Пушкин творил культуру от «радостного творческого избытка», «утверждал творчество человека, свободу творчества», был «певцом свободы, вольности», то великие русские писатели XIX в. (Н. Гоголь, Л. Толстой), с их моральным и религиозным пафосом, творили от «жажды спасения народа, человечества и всего мира, от печалования

корни христианства и в *Элладе*, настолько наша русская *Эллада*, Пушкин, вечно жив и вечно плодотворен и для человека христианского. Полнейший образ красоты, искусства всегда говорит “да”, всегда за Божье дело, если у него и нет напора боевого. Оно радуется, веселит сердце чистым и возвышенным веселением» (т. 9, с. 37). Пушкин выступает у Зайцева «образом совершенного художника» («...легкость, острота слова, царственная поступь, полнота и самовластность, сила, тонкость, самоизначальность. Все бьет первозданным...») (там же, с. 38). В связи с ренессансным и эллинистическим пониманием Пушкина Зайцев вводит в текст архитектурный экфрасис: «Он есть *облик*. <...> Противоядие всякой растрепанности и неряшливости, преувеличенню, болтовне нервической. Смерть провинциализму, доморощенности. Пушкин обязывает, и в его присутствии, как во Флоренции перед Palazzo Vecchio⁴ или на некоторых улочках Парижа (близ Люксембурга, Пантеона⁵, Нотр-Дам⁶)» (там же).

В эссе «Пушкин» (1926. 8 июня) Зайцев экфрастически вводит в текст описание опекушинского памятника Пушкина⁷, который становится для Зайцева знаковым образом торжеств 1880 г. При этом Зайцев нигде не упоминает слово «памятник», стирая через олицетворения границу между живым Пушкиным и его скульптурой: «С этого дня встал на Тверском, лицом к Страстному, новый человек — причина тех волнений и восторгов. В нем нет восторга. Он безмолвен под дождем и снегом, в утренней заре, в дыму луны! Он прост, велик. Он — Пушкин» [Зайцев, 2018, с. 238–239]. Зайцев акцентирует в памятнике простоту и величие. Именно простота и величие были главными критериями отбора проектов памят-

и страдания о неправде и рабстве человека»; для них основной темой было «не творчество совершенной культуры, а творчество лучшей жизни» [Бердяев, с. 35–36]. О гуманизме Пушкина в русской эмиграции писал и Г. П. Федотов в статье «О гуманизме Пушкина» (1949), понимая гуманизм в ренессансном смысле — культуру человека как творческой личности: «Не человек, как страдающее существо, нуждающееся в спасении, каким он дан в христианстве и в старом социализме, не человек, “преследующий свое счастье”, каким его видит буржуа, а человек, создающий ценности — вот человек гуманизма» [Федотов, с. 376]. Гуманизм Пушкина Федотов видит в его четырех ключевых ценностях (слава, свобода, искусство (творчество) и любовь), но называет его христианским: «Милость к падшим, т. е. сострадание, у Пушкина всегда соединялась с сораданием, как соединялись они еще у апостола Павла, но очень часто разлучались в поздней христианской традиции. <...> Страдания не омрачают для него основной благости и красоты мира, но он не закрывает на них глаз и подходит к ним со вздохом дружеского участия» [Там же, с. 378].

⁴ Палаццо Веккьо (итал. *Palazzo Vecchio* — Старый дворец) — здание в историческом центре Флоренции, на площади Синьории, построенное в 1299–1314 гг. по проекту Арнольфо ди Камбио; представляет собой средневековый романский форт с элементами готики и Ренессанса.

⁵ Пантеон (фр. *Panthéon*) — образец французского неоклассицизма в Латинском квартале Парижа. Первоначально церковь Святой Женевиевы, построенная по проекту архитектора Жак-Жермена Суффло в 1758–1790 гг. С 1791 г. — усыпальница выдающихся людей Франции.

⁶ Собор Парижской Богоматери, Нотр-Дам-де-Пари (фр. *Notre-Dame de Paris*) — кафедральный готический собор в центре Парижа, возводился с 1163 по 1345 г.

⁷ Памятник Пушкин был сооружен на народные средства, которые собирались с 1860 г. Состоялось три конкурса проектов памятника, на последнем конкурсе, в 1875 г. модель Опекушина была признана лучшей. См. подробнее: [Торжество..., с. 378].

ника в 1872 г., согласно которым форма должна была соединять в себе «характер величия с возможною простотою...» [Давыдова]. Я. К. Грот в своей речи 5 июня 1880 г. отмечал, что скульптору удалось создать «соединявшей в себе с простотою, непринужденностью и спокойствием позы — тип, наиболее подходящий к характеру наружности поэта» [Грот, с. 202].

Памятник Пушкину как нечто вечное поднимается над временем, над трагическими водоротами русской истории: «Идут года. Ушли Тургенев, Достоевский, барышни обратились в старушек. Он стоит, все смотрит и все видит. Меняются костюмы, люди, флаги. Кортежи коронации, герольды и войска, и красные знамена, митинги и свист снарядов, перебежки по бульвару, зарево пожара... <...> У подножия его играют дети, мальчик иногда качается на цепи. На скамьях барышни и молодые люди. Спокойна горестно-задумчивая вечность» [Зайцев, 2018, с. 239]. Образ детей, играющих у памятника, представляет собой интертекстуальную отсылку к философскому стихотворению Пушкина «Брожу ли я вдоль улиц шумных» (1829):

И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вечною сиять [Пушкин, с. 130].

Зайцев обращает внимание на детали опекушинского образа Пушкина — шляпу и склоненную голову поэта: «Пушкин — с пушкинской шляпой — чуть опущенную головою, взглядом на Москву — все тот же» [Зайцев, 2018, с. 239]. Действительно, скульптор изобразил поэта прогуливающимся по Тверскому бульвару и не только достиг сходства с прижизненными изображениями, что было отмечено современниками, но и передал «...удивительное состояние задумчивости, погруженности поэта во внутренний мир. Мастер уделил большое внимание деталям памятника, таким как плащ, шляпа и рука» [Опекушин].

Во вступительном слове на Дне русской культуры 12 июня 1932 г. в парижском Дворце Трасадёго Зайцев ставит Пушкина в один ряд с гармоническими гениями (Бах, Рублев, Рафаэль), в которых он видит «голубой свет Духа Святого»: «...всякое истинное творчество утвердительно, успокоительно, несет в себе порядок и строй. Шум есть хаос, а музыка Баха — гармония. И гармония — икона Андрея Рублева, Ватиканские станцы Рафаэля, создания Александра Пушкина. На всем этом благодать, как и на скромнейшем, но чистосердечном добром деле. Цвет культуры голубоватый, как голубым видится небо. Как голубоватым представляется нам воздух Рая» (т. 7, с. 354). Голубой цвет здесь — экфразистическая отсылка к иконописи преп. Андрея Рублева (знаменитый «голубец»)⁸, к картинам и фрескам Рафаэля.

⁸ П. Флоренский в статье «Троице-Сергиева лавра и Россия» (1919) раскрыл символику знаменитого рублевского «голубца», которым окрашены гиматий среднего ангела и хитоны двух других ангелов, как «общение неиссякаемой бесконечной любви», которая «своею голубизною, музыкой своей красоты» «выше всех земных определений и разделений — есть само небо, есть сама безусловная реальность, есть то истинно лучшее, что выше всего сущего»: «Андрей Рублев

Рафаэлевское «прочтение» Пушкина характерно для Зайцева и в дальнейшем. Так, в эссе к 100-летию гибели поэта «Явление Пушкина» (1937) он соотносит гармонию поэзии Пушкина с гармонией Рафаэля, в частности, в его «Ватиканских станцах»: «Почему вышло так, что Россия показала, на заре нового своего бытия, среди “топи и блат” видение совершенной гармонии, возникнувшей над “бесстыдным бешенством желаний”? Рафаэль с Ватиканскими станцами над огнем страстей? — ко всему приникающий, со всего “берущий”, претворяя в стройность? Такой стройности, как и такого “лишь — художнического” в чувстве бытия наша литература не знала, ни раньше его, ни позже» [Зайцев, 2018, с. 239].

В эссе «Пушкин (Перечитывая его)» (1949) Зайцев называет Пушкина-Ариона, «таинственного певца», родным «Моцарту, и Рафаэлю, и Орфею»: «но голос у него русский, слово русское, по-новому найденное, по-новому и в великой гармонии зазвучавшее — над страной, еще безгласной» [Там же, с. 242]; «художник моцарто-рафаэлевской меры, почти непостижимой для русского ренессанса гармонии (как и ренессансного отношения к жизни)» [Там же, с. 243].

«Ватиканские станцы» [Рафаэль, 1508–1517] Зайцев описал уже в своей книге «Италия» (1923). В главе «Рим» (1919) он дал экфрасис фресок «Диспута» [Рафаэль, 1508–1509], «Парнас» [Рафаэль, 1510–1511] и «Афинская школа» [Рафаэль, 1509–1510], называя последнюю «фантастическим, легко-гигантским храмом», в котором апостолы Петр и Павел объявляют истину Собору языческих мудрецов [Зайцев, 2022, с. 157]. В этих фресках писатель видит рафаэлевский покой и «дух великой гармонии»: «Во всех трех фресках Бог открыто или скрыто наполняет все собою — будет ли то Бог Отец “Disputa”, или языческий Аполлон, или само Веяние Господа, как в “Афинской школе”. Это Бог света и мира. Ему некого и не за что карать, не на кого гневаться, ибо и так все Ему послушно; все полно к Нему благоговения и радости, Он проходит в легком Ветерке мудрости, поэзии и музыки. Все Он уравнивает, всему дает стройность и прозрачность. Мир Ему мил, Он и не думает о дьявольском. Кажется, Рафаэлю был чужд дантовский Ад, средневековые ужасы, химеры готики. Его корни — христианство и античность, особенно античность, платонизм; но и любовь к земной прелести, просветленная христианством⁹» [Там же].

воплотил столь же непостижимое, сколь и кристально-твердое и непоколебимо-верное видение мира. Но чтобы увидеть этот мир, чтобы вобрать в свою душу и в свою кисть это прохладное, живительное веяние духа, нужно было иметь художнику пред собою небесный первообраз» [Троица..., с. 53]. Ю. А. Олсуфьев в 1926 г. также отмечал «необычайный голубой цвет четырех оттенков гиматия, несравненный по интенсивности, насыщенности голубец» как «суммирующая формула» «для всей лазури, разлитой в мире». В чередовании красок Олсуфьев видит музыкальность, певучесть «Троицы», в которой краски сливаются со звуками [Там же, с. 55].

⁹ Современный исследователь также отмечает эллинизированное христианство «Ватиканских станцев», синтез культуры и веры («Афин» и «Иерусалима»): они пронизаны «духом гуманизма, идеалами свободы и земного счастья человека. Сочетание реализма и идеализации, синтез гуманистических идей и традиций Античности с постулатами христианства — это альфа и омега его искусства» [Махов, с. 22].

Последняя характеристика Рафаэля также позволяет Зайцеву соотнести с ним Пушкина, которому чужда тема страдания¹⁰: «Нельзя отделаться и от ощущения, что, несмотря на блестящие опыты в драматической поэзии, Пушкину *изнутри* чужда тема страдания, ставшая чуть ли не основной в порожденной им русской литературе и взывавшая к религиозному разрешению» [Зайцев, 2018, с. 243].

В эссе «Явление Пушкина» (1937) сопоставление Пушкина с Рафаэлем позволяет писателю осмыслить Пушкина как явление «всечеловеческое»: «Его значение больше местно-русского. <...> сам “звук” Пушкина имеет некоторый всемирный тон, как и у Рафаэля, и Моцарта. <...> Пушкин на русской почве носитель всечеловечески-ариелевского¹¹. Он очень русский, но залетный гений. Он так кометой и просверкнул в России. Рано пришел, рано ушел» [Там же, с. 239]. Далее Зайцев приводит мысли великих писателей о Пушкине, высказанные ими на торжествах 1880 г. Так, Тургенев, в своей «Речи о Пушкине» утверждал, что Пушкин не был всемирным гением, который явится в будущем: «Но можем ли мы по праву назвать Пушкина национальным поэтом, в смысле всемирного (эти два выражения часто совпадают), как мы называем Шекспира, Гете, Гомера? <...> явится новый, еще неведомый избранник, который превзойдет своего учителя — и заслужит вполне название национально-всемирного поэта, которое мы не решаемся дать Пушкину, хоть и не дерзаем его отнять у него» [Русские писатели..., с. 320, 324].

Достоевский же, напротив, считал, что Пушкин был гением «всемирности и всечеловечности», «всемирной отзывчивости»: «Таким образом, к третьему периоду можно отнести тот разряд его произведений, в которых преимущественно засияли идеи всемирные, отразились поэтические образы других народов и воплотились их гении. <...> И эту-то способность, главнейшую способность нашей национальности, он именно разделяет с народом нашим, и тем, главнейшее, он и народный поэт» [Там же, с. 348, 350].

В 1937 г. Зайцев пишет эссе «Памятник Пушкину», которое представляет собой расширенный вариант эссе 1926 г. «Пушкин». Зайцев называет появление «Пушкина на Тверском бульваре» целым культурным событием, рассказ о котором он лично слышал от московской дамы, присутствовавшей на открытии памятника в 1880 г. Как и в тексте 1926 г., опекушинский памятник — «безмолвный свидетель жизни Москвы и России», видевший «...торжества коронации последнего русского императора. С японской войной вошел в наш век, а с ним и в нашу жизнь, людей Москвы моего поколения» (т. 9, с. 147).

Памятник Пушкину — родной, московский гений местности (*genius loci*), свидетель и онтологический со-участник живой жизни Москвы (птицы, дети, разносчики, влюбленные, простые люди...): «Вдалеке же над всем неизменно стоял Александр Сергеевич Пушкин, на голову которого садились голуби. Дети играли у подножия

¹⁰ В этом понимании Зайцев сближается с Бердяевым и Федотовым, см. прим. 3.

¹¹ Ариэль — в иудаизме и христианстве ангел, дух («дух воздуха», «ангел вод Земли» и «владыка огня»). Это имя носит дух воздуха в трагедии Шекспира «Буря» и нежный, светлый дух в «Фаусте» Гете.

памятника, бегали, покачивались на цепях между тумбами. Разносчики предлагали летучие цветные шары на веревочках. На скамейках вокруг — барышни, молодые люди: у «Пушкина» встречались влюбленные. Много и простонародья толклось вокруг. Дворник с кухаркой, держась за руку и прогуливаясь, по складам разбирали надпись: «Я па-мя-тник себе воз-двиг нуруко-твор-ный...» <...> Пушкин врал в жизнь Москвы, становился гражданской ее святыней» (там же, с. 147–148).

Пушкин возвышается над историей России, над революцией, войнами и разрушениями: «Он стоял и молчал, все выслушивал, все потоки. <...> Пушкин простоял на своем пьедестале все эти годы. Бородатые Марксы и Энгельсы, в одиночку и парами, возникали из гипса на разных перекрестках Москвы — гипс быстро таял под дождями и трескался от мороза. Их не то чтобы убирали... они сами как-то таяли, сметались с лица Москвы. Рядом с ними сносили и храмы. <...> Кровь, свирепость, безумие видел со своего пьедестала. <...> Пушкин стоял неизменно над Страстным бульваром, спокойный, задумчивый, когда громили святыню России. Что же, выстоял!» (там же, с. 148–149).

В эссе «Победа Пушкина» (1937, июнь) Зайцев акцентирует «всеотзывчивость» поэта: «Пушкин есть знамя свободы, культуры духовной, любви к родине в высшем ее виде — не как презрения и отрицания чужого, но как гармонического сочетания разных цветов радуги, из которых свой, русский, ближе всех сердцу» (там же, с. 150)

Во вступительном слове «Три кометы» (1962) на Пушкинском вечере 6 мая Зайцев вновь сближает Пушкина с Рафаэлем и Моцартом, выделяя краткочетность их жизни: «Общая и бесспорная всех троих черта: залетность. И почти одинаковая длина жизни — краткой!» (там же, с. 381). Пушкин открыл XIX в. русской литературы, сопоставимый с золотым веком Греции и Итальянским Возрождением: «Как Моцарт, Рафаэль, тоже как бы с неба свалился, слил в себе Запад и его культуру с извечно русским, с некоей Ариной Родионовной символической и создал целую новую литературу, открыл собой блистательный XIX век нашей словесности — этот век сравнит позже Поль Валери с золотым веком Греции и Итальянским Возрождением, и все летя, летя» (там же, с. 381–382).

С религиозной точки зрения Зайцев противопоставляет Рафаэля и Пушкина как полуязычников, полухристиан католику Моцарту: «(Пушкин в юности написал “Гавриилиаду”, но предсмертная его исповедь потрясла самого священника.) Рафаэль как бы замыкал собой Возрождение, Пушкин открывал великий век. И удивительно: век христианнейшей литературы открыл поэт как будто аполлиническо-языческого склада. Но вот был в нем яд, отравлявший его язычество. Язычество не знало покаяния, а Пушкин знал» (там же, с. 382–383).

Выводы

Пушкин был одним из «вечных спутников» Зайцева, который своим «пушкинским текстом» (восемь эссе 1925–1962 гг.) продолжил в эмиграции дореволюционную традицию пушкинских юбилеев, начатых торжествами в связи с открытием памятника Пушкину в Москве в 1880 г.

В «пушкинском тексте» Зайцева ключевую функцию имеют экфрастические коды: архитектурный (архитектура итальянского Ренессанса, французский неоклассицизм, французская готика); скульптурный (памятник работы А. М. Опекушина); живописный экфрасис (иконопись А. Рублева, «Ватиканские станцы» Рафаэля); музыкальный экфрасис (Бах, Моцарт).

Опекушинский памятник (его простота, величие, ключевые детали — шляпа, опущенная голова...) становится для Зайцева знаковым образом торжеств 1880 г. и живой связью с ними в XX в. Памятник Пушкину для Зайцева — вечный образ над временем, над трагическими водоротами русской истории, ее свидетель и онтологический со-участник живой жизни. Зайцев онтологизирует скульптурный экфрасис через снятие слова «памятник», природные образы, олицетворения и интертекстуальные отсылки к стихам Пушкина («Брожу ли я вдоль улиц шумных», 1829), стирающие границы между жизнью и искусством и онтологически «воскресающие» Пушкина.

Для зайцевского понимания Пушкина в целом характерно рафаэлевское «прочтение» его как ренессансного и гармонического творца, который синтезировал в своем творчестве античность и христианство.

Указанные экфрастические коды в «пушкинском тексте» Зайцева визуализируют и раскрывают *облик* Пушкина и стоящую за ним культурную и духовную традицию: во-первых, традицию Достоевского в понимании Пушкина («всемирная отзывчивость»), которую Зайцев продолжает; во-вторых, понимание самого Зайцева (Пушкин как гармонический ренессансный гений, свободно соединяющий в себе разные культуры); в-третьих, диалог писателя с современной ему религиозно-философской мыслью русской эмиграции (Пушкин как «ренессансный человек», по Бердяеву; христианский гуманизм Пушкина, согласно Федотову). Результатом экфрастических стратегий Зайцева в «пушкинском тексте» становится онтологизация образа Пушкина, которая делает его ближе к современному читателю («здесь» и «сейчас»).

Бердяев Н. А. Русская идея. Миросозерцание Достоевского. М., 2016.

Грот Я. К. Исторический очерк сооружения памятника Пушкину (Читано академиком Я. К. Гротом в публичном заседании Высочайше учрежденного Комитета по сооружению памятника Пушкину, 5 июня, в зале Московской Городской Думы) // Булгаков Ф. И. Венок на памятник Пушкину : Пушкинские дни в Москве, Петербурге и провинции : Адресы, телеграммы, приветствия, речи, чтения и стихи по поводу открытия памятника Пушкину. Отзывы печати о значении Пушкинского торжества. Пушкинская выставка в Москве. Новые данные о Пушкине. СПб., 1880.

Давыдова О. А. Увековеченный в бронзе. Пушкиниана скульптора Александра Опекушина. М., 2016.

Жулькова К. А. «Все эти революции и казни отойдут, искусство же останется»: живописный и архитектурный экфрасис в романе Б. К. Зайцева «Золотой узор» // Человек : Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. М., 2019а. № 3(38). С. 91–115.

Жулькова К. А. Вакханка или христианка: экфрасис в языческой и христианской аксиологии романа Б. К. Зайцева «Золотой узор» // Литературное зарубежье как культурный феномен : сб. науч. тр. / отв. ред. Т. Г. Петрова М., 2019б. С. 60–76.

Зайцев Б. К. Собрание сочинений : в 11 т. М., 1999–2001. Т. 7 : Святая русь. М., 2000 ; Т. 9 (доп.). Дни : Мемуарные очерки. Статьи. Заметки. Рецензии. М., 2000.

Зайцев Б. К. Отблески Вечного : неизвестные рассказы, эссе, воспоминания, интервью / сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. А. М. Любомудрова. СПб., 2018.

Зайцев Б. К. Италия : [очерки; статьи; рассказ] / предисл. и коммент. А. Голубцовой. М., 2022.

Махов А. Б. Рафаэль. М., 2011. (Жизнь замечательных людей : сер. биогр. ; вып. 1324).

Опекушин А. А. С. Пушкин. Модель. 1875. Бронза. 101 × 37,5 × 30,5 // Третьяковская галерея : сайт. URL: <https://my.tretyakov.ru/app/masterpiece/9889> (дата обращения: 22.05.2025).

Пак Н. И. Особенности экфрасиса в книге Б. К. Зайцева «Италия» // Нижегородский текст русской словесности: художественное постижение национальной ментальности : моногр. / отв. ред. В. Т. Захарова. Н. Новгород, 2021. С. 139–144.

Пушкин А. С. Полное собрание сочинений : в 10 т. 4-е изд. Л., 1977. Т. 3.

Рафаэль Санти. Афинская школа. 1509–1510. Scuola d'Atene. Фреска. 500 × 770 см. Апостольский дворец, Ватикан. URL: https://it.wikipedia.org/wiki/Scuola_di_Atene (дата обращения: 22.05.2025).

Рафаэль Санти. Диспута. 1508–1509. Disputa del Santissimo Sacramento. Фреска. 500 × 770 см. Апостольский дворец, Ватикан. URL: [https://it.wikipedia.org/wiki/Disputa_del_Sacramento#/media/File:Disputa_del_Sacramento_\(Rafael\).jpg](https://it.wikipedia.org/wiki/Disputa_del_Sacramento#/media/File:Disputa_del_Sacramento_(Rafael).jpg) (дата обращения: 22.05.2025).

Рафаэль Санти. Парнас. 1510–1511. Parnaso. 670 см. Апостольский дворец, Ватикан. URL: [https://it.wikipedia.org/wiki/Parnaso_\(Raffaello\)](https://it.wikipedia.org/wiki/Parnaso_(Raffaello)) (дата обращения: 22.05.2025).

Рафаэль Санти. Станцы Рафаэля. 1508–1517. Stanze di Raffaello. Фрески. Апостольский дворец, Ватикан. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D0%BD%D1%86%D1%8B_%D0%A0%D0%B0%D1%84%D0%B0%D1%8D%D0%BB%D1%8F (дата обращения: 22.05.2025).

Русские писатели XIX века о Пушкине / ред. и предисл. А. С. Долинина. Л., 1938.

Торжество открытия памятника А. С. Пушкину в Москве 6 июня 1880 г. [С биогр. А. С. Пушкина]. М., 1880.

Троица Андрея Рублева = Trinity by Andrei Rublev : антология / [сост. и авт. предисл. Г. И. Вздорнов]. М., 1981.

Федотов Г. П. О гуманизме Пушкина // Пушкин в русской философской критике: конец XIX — первая половина XX в. М., 1990. С. 375–379.

Ханзен-Лёве О. А. Интермедальность в русской культуре: От символизма к авангарду / пер. с нем. Б. М. Скуратова, Е. Ю. Смотрицкого. М., 2016.

Статья поступила в редакцию 26.05.2025 г.

Научная статья

УДК 821.161.1.098“1992/...” + 821.161.1-31 Пелевин В. + 82-344 + 2-167.6 + 7.038.6

DOI 10.15826/izv1.2025.31.3.044

ДЕКОНСТРУКЦИЯ МОТИВА ОБОРОТНИЧЕСТВА В РОМАНЕ В. ПЕЛЕВИНА «СВЯЩЕННАЯ КНИГА ОБОРОТНЯ»

Мань Синкунь

*Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия,
mxk9122963466@gmail.com,
<https://orcid.org/0009-0009-7585-8179>*

А н н о т а ц и я. В статье рассматривается деконструкция мотива оборотничества в романе В. Пелевина «Священная книга оборотня» (2004). Проанализированы три аспекта: 1) деконструкция реальности в совмещении с «фантамами» сознания; 2) построение интертекстуального пространства; 3) значение постмодернистской деконструкции культуры. Выводы, сделанные на основе анализа: в произведении есть и вульгарный язык, и глубокие идеи, сочетающие фантазию и реальность, восточную философию и западный мистицизм, сохраняющие русскую литературную традицию и демонстрирующие сатирический стиль постмодернизма.

К л ю ч е в ы е с л о в а: «Священная книга оборотня»; В. Пелевин; оборотничество; деконструкция; постмодернизм; интертекстуальное пространство

DECONSTRUCTING THE MOTIF OF WEREWOLFISM IN THE NOVEL BY V. PELEVIN *THE SACRED BOOK OF THE WEREWOLF*

Man Xingkun

*Ural Federal University,
Ekaterinburg, Russia,
mxk9122963466@gmail.com,
<https://orcid.org/0009-0009-7585-8179>*

Abstract. This article deals with the deconstruction of the motif of werewolfism in Pelevin's novel "Sacred Book of the Werewolf". The article analyzes three aspects: 1) Deconstruction of reality in combination with "phantoms" of consciousness; 2) Construction of intertextual space; 3) Significance of postmodernist deconstruction of culture. Conclusions drawn from the analysis — the work contains both vulgar language and profound ideas, combining fantasy and reality, Eastern philosophy and Western

mysticism, preserving the Russian literary tradition, and demonstrating the satirical style of postmodernism.

К e y w o r d s: «Sacred Book of the Werewolf»; V. Pelevin; werewolfism; deconstruction; postmodernism; intertextual space

Роман В. Пелевина: исследовательский ракурс

Виктор Пелевин (род. 1962) соединяет постмодернистскую трансформацию традиций литературной классики с деконструкцией реального мира, свойственной современной массовой культуре. Целью становится разрушение границ между окружающим миром и художественной фантазией, создание новых мифологем современной литературы, вбирающих в себя предшествующую систему архетипических представлений. Деконструкция мифологем, присущих определенной сложившейся идеологии и регламентирующих эстетическую природу творчества, становится знаковой характеристикой постмодернизма. Произведения В. Пелевина полны неожиданных поворотов, философичны и дискурсивны, в них часто встречаются элементы восточных (в частности, китайских) мифологем, что свидетельствует о широком культурном горизонте автора и нетривиальном соединении различных пластов (темпоральных и генетических) художественных практик. Пелевин является одним из первопроходцев, показавших новые возможности осмысления миропорядка через обращение к литературной игре, приучивших читателя к удовольствию от многозначности и недосказанности, включению в процессе чтения фантазии и знаний.

По сравнению с ранними произведениями автора темы и приемы Пелевина в «Священной книге оборотня» стали более зрелыми, существенное место в романе отведено идее иномира, в котором странным образом в событийной канве городской жизни пересекаются китайские и славянские мифологические основания о миротворении, оборотни из мифологии приходят в настоящее время и пространство. Развитие сюжета соотносится с утопическими и антиутопическими воззрениями и перспективами.

В данной работе объектом исследования являются мифологические корни образной системы «Священной книги оборотня» и их постмодернистская деконструкция через обращение к иронии, сарказму, пародии и т. п. При этом сохраняется желание автора романа увидеть и проверить подлинность человечности героев и высоту их чувств, обращаясь к приему модернистской игры с мифологией. В связи с этим в статье используется ряд китайских и славянских мифологических источников, исследуется их место в художественной логике романа, выявляются черты постмодернизма, особое внимание уделяется художественной функции феномена оборотничества.

Деконструкция реальности и «фантомы» сознания

Лиза Новикова в своем интервью с В. Пелевиным, подчеркивая парадоксальность его позиции, так передала взгляды писателя: «Реальность — это любая

галлюцинация, в которую вы верите на сто процентов. А видимость — это любая реальность, в которой вы опознали галлюцинацию» [Новикова, с. 14]. Писатель стремится развернуть сюжетную линию в переплетении реального и нереального, он изображает образы главных героев в нескольких временных зонах — прошлом, настоящем и будущем, и ощущение прыжков между временем и пространством придает роману иллюзорный эффект, как и условность социальной обстановки, ее неоднозначность и разнообразие. В своем сюрреалистическом повествовании Пелевин выражает глубокую потребность в новом, уникальном восприятии современной реальности. Художественный мир романа Пелевина одновременно фантастичен и пронизан узнаваемыми чертами, так что читатель обречен на бесконечные открытия нового в хорошо ему знакомой реальности.

В «Священной книге оборотня» Пелевин встраивает оборотней из классических восточных и общеславянских мифологий в современное общество, что позволяет усилить фантазмагоричность сюжета и оправдывает размытость границ между виртуальным и реальным. Благодаря привлечению образов оборотней различного мифологического генезиса Пелевин вводит в роман интригующие повороты, неожиданно вклинивает события глубокого прошлого из мифологической картины мира в контекст современных событий и проблем.

Образ главной героини романа восходит к китайской мифологии лисы-оборотня, а имя, звучащее как «А Хули», дерзко обыгрывается Пелевиным, учитывая его русскоязычную семантику. Имя соответствующим образом «работает», вызывая иллюзии у «гостей», «гости» попадают в виртуальный мир и получают свою долю удовольствий в зависимости от собственных представлений. Героиня, находясь в реальном мире, имеет возможность зримо видеть картины, воображаемые гостями, трезво наблюдая за их глупым и нелепым поведением. Когда клиенты вернутся в реальность, они не будут помнить, как попали в виртуальный мир, словно ничего не произошло. Попутное замечание в романе соединяет эти миры в единое целое: «Тем не менее, пока клиент находится в мире иллюзий, далеко отходить от него не следует, поскольку приходится выполнять функции сиделки» [Пелевин, 2004, с. 18]¹. Оборотни, как сюрреалистические элементы, перемещаются в романе, их присутствие бросает вызов читательскому восприятию реальности, размывая границу между виртуальным и реальным, что отражает ситуацию их переплетения в современном обществе. Развитие технологий и востребованность все новых «симулякров» для сохранения человеком своей значимости приводят к укреплению возможностей виртуальности диктовать условия для существования реальности. Роман порождает размышления об этом явлении современности. Китайские исторические и мифологические фигуры Хули-цзин, Желтый император, Чжао Фейянь, введенные в ткань романа, делают ощущаемым процесс подчинения человека «фантомам» сознания. Определение М. Эпштейна этого романа как виртуальной величины, ускользающей,

¹ Далее при цитировании этого произведения В. Пелевина в круглых скобках указывается страница в данном издании.

мерцающей, построенной на взаимопереходах смыслов [Эпштейн, с. 166–188], представляется оптимальным, и постмодернистский подход играет главенствующую роль в построении виртуальной реальности, обуславливающей изменение сознания героев.

Пелевин интригует читателя идеей путешествия главных героев между двумя мирами и демонстрацией контраста между ними. Наделяя героев ощущением этого контраста, писатель заставляет их и читателей размышлять о собственной социальной и общечеловеческой идентичности, подталкивает к самоутверждению в аксиологическом ракурсе.

Словесная игра и итертекстуальность в поэтике романа В. Пелевина

Постмодернистская литература, обращаясь к приему словесной игры, бросает вызов традиционным языковым нормам и литературному стилю. Лексические метаморфозы могут включать в себя различные варианты: искажение, комбинирование или демонтаж существующей лексики, а также создание новых словесных форм. На протяжении всего романа Пелевин сочетает словесную игру с его сюжетом, заставляя читателя с изумлением вглядываться в обновление привычных понятий.

Обратим внимание на авторский выбор имен для главных героев романа. Имя главной героини — А Хули. Автор использует такое имя по двум причинам: во-первых, героиня — китайская лиса по природе, русское слово «хули» является фонетическим воспроизведением китайского слова «狐狸» (лиса); во-вторых, «А Хули» близко по произношению известному обценному выражению русского языка, что не только подчеркивает непристойность занятий лисы-оборотня, но и отражает авторскую характеристику героини (А Хули — проститутка).

Имя главного героя Александр Серый. Выбор автором имени должен предупредить читателя о характере главного героя: Александр — от греч. ἀλέξω — защищать, отражать, помогать и ἀνδρῶς — муж, мужчина, человек. Таким образом, имя героя, означающее «защитник людей» или «оберегающий мужей», вбирает в себя смысл «мужчина-защитник» [Суперанская, с. 28]. Это совпадает с осознанием героя себя как защитника страны и с представлением людей о его профессии — генерала ФСБ. Фамилия героя «Серый» в русском фольклоре означает «волк» (привычно сочетание «серый волк»), в словарях слово «волк» и сочетание «серый волк» имеют схожее значение [Соколов, с. 94]. Образ волка в русских волшебных сказках наделен функцией помощника героя («Иван-царевич и Серый волк»).

Серый цвет образуется при сочетании черного и белого. Эти цвета связаны с китайской философской идеей тайцзи (инь и ян) [Чжу Шаньхуа, с. 120–123], и здесь можно увидеть аллюзию на характер героя и вектор развития сюжета романа. Философия тайцзи — это единство противоречий. Образ Александра Серого представляет собой сочетание двух противоречивых ипостасей — человека и волка, которые объединяются идеей защиты страны. Баланс тайцзи динамичен, что перекликается с метаморфозами Александра Серого в романе. Инь может

превращаться в ян, а ян может переходить в инь, что соответствует превращениям главного героя из волка в пса в романе, где волк, как земное животное, представляет ян, а пес², как животное иного мира, представляет инь.

Помимо имен героя и героини, мифологические аллюзии появляются в ряде сцен романа. После того как А Хули совершает обряд и попадает в иной мир, автор использует выражение «пятицветная радуга». Радуга в естественной среде семицветная, тем самым автор стремится отделить волшебство от реальности, намекая на «пятиконечную звезду», описание которой будет дано позже. Лисе-оборотню из китайской мифологии известна пятиконечная звезда, ассоциируемая с пятью элементами даосизма (золото, дерево, вода, огонь и земля), которым соответствуют пять цветов: белый, зеленый, черный, красный и желтый [Ван Вэньцзюань, с. 81–87]. Автор использует пентаграмму (культурное значение пентаграммы как символа защиты и безопасности передавалось и развивалось на протяжении всей истории [Coimbra, p. 122–129]), и этот выбор обеспечил успех обряда, проведенного А Хули.

Постмодернистская литература нарушает традиционные нормы языка путем деформации лексики, чтобы подчеркнуть деформацию мира. В то время как литературная традиция стремится сохранять точность и нормативность языка, постмодернистская литература экспериментирует с языком, разрушая и переосмысливая семантику.

Творческая манера писателя постмодерна построена на обращении к интертекстуальному пространству. Согласно Ю. Кристевой, каждый текст имеет исходный источник, который является подражанием, коллажем и цитированием других текстов, и этот процесс является не дословным копированием, но интернализацией и поглощением. Интертекстуальность размывает границы текста, поэтому текст лишается целостности и завершенности [Керимов, с. 374]. Уточняя понятие, приведем высказывание Корнева в связи с творчеством Пелевина: «Интертекстуальность, как открыл нам Бахтин, — это сущность не столько постмодернизма, сколько литературы вообще. В постмодернизме она просто приобретает сознательную и более выпяченную форму» [Корнев]. Взаимопроникновение текстов создает благодатную почву для диверсификации художественных форм, литературные элементы могут располагаться и комбинироваться по своему усмотрению, формируя новое многомерное культурное пространство. Этот процесс разрушает дихотомию «текст — реальность» — основу восприятия традиционной литературы и делает отношения между литературой и реальностью более сложными и непредсказуемыми. Теория интертекстуальности становится важным инструментом для интерпретации и анализа постмодернистских литературных произведений, что отмечается исследователем из Китая: «互文性是后现代主义的一个标志, 如今后现

² Использование в романе слова «пес» вместо слова «собака» напоминает об античном мифе, в котором Цербер, трехголовый пес, охраняет выход из царства Аида — подземного царства мертвых [БРЭ, с. 309].

代主义和互文性几乎是一对同义词»³ [Чжао Вейжун, с. 30]. Пелевин конструирует сложные образы оборотней, как напоминающих о традиции, так и кардинально отличных, обращается к обыгрыванию цитат, пародии и выстраивает интертекстуальное пространство романа, используя прием «смерть автора» [Барт, с. 384–392].

В литературоведении жизненный опыт и творческий стиль автора тесно связывались с художественным стилем и идеей произведения, биография и опыт автора рассматривались как неотъемлемая часть произведения, а «стиль как личность» стал общепризнанным принципом изучения текста. Идея Ролана Барта о «смерти автора» ведет к затушевыванию авторской субъективности, перекликается с идеей структурализма об уходе автора и исчезновении познающего субъекта. Мишель Фуко утверждал, что понятие авторства далеко не так однозначно, как принято считать. Это скорее функциональный принцип, чем метафизическая сущность или безусловная константа. Текст может быть проанализирован как самостоятельный объект, и автор не всегда выражает или представляет себя [Сокулер, с. 174–182].

Чтобы вырваться из власти авторского дискурса, Пелевин начинает роман с «комментария эксперта», который сообщает нам о находке произведения: «Текстовый файл, озаглавленный “А Хули”, якобы находился на хард-диске портативного компьютера, обнаруженного при “драматических обстоятельствах” в одном из московских парков» (с. 5). Автор придумывает загадочный сценарий создания текста и приводит «доказательства» его подлинности в форме официального документа: «Протокол подлинный, все печати и подписи на нем присутствуют... Из протокола следует, что интерес сотрудников милиции был вызван странными явлениями природы в Битцевском парке Южного административного округа города Москвы. Граждане наблюдали над деревьями голубоватое свечение, шаровые молнии и множество пятицветных радуг. Некоторые из радуг были шарообразными (по показаниям свидетелей происшествия, цвета в них как бы просвечивали друг сквозь друга)» (там же). Автор скрыт за документом, у него нет в тексте ни малейшей личной идентичности. А Хули полностью отделена от автора в пространстве и времени, и между ними нет никакого контакта в прошлом и настоящем: «Рядом с трамплином обнаружены полурасплавленная рама от велосипеда “Canondale Jekyll 1000” и остатки колес. Трава в радиусе десяти метров вокруг трамплина выжжена, причем выгоревшее пятно имеет форму правильной пятиконечной звезды, за границами которой трава не пострадала. Рядом с велосипедной рамой найдены предметы женской одежды: джинсы, пара кроссовок, трусики типа “неделька” со словом “Воскресенье” и майка с вышитой на груди надписью “skuf”» (там же).

Кроме того, слова на одежде, оставленной А Хули, также не лишены авторской изобретательности и иронии. Отпечаток слова «воскресение»

³ Интертекстуальность — отличительная черта постмодернизма, и сегодня постмодернизм и интертекстуальность — почти синонимичная пара (здесь и далее перевод с китайского наш. — М. С.).

на трусиках-«недельке» А Хули одновременно информируют о переходе героини в иной мир и об игровом профанировании христианского понятия. Сочетание букв в слове «skuf» — анаграмма английского «fuck» — перекликается с сексуальной характеристикой А Хули и выражает вынесение автором приговора реальному миру.

Размещение «жесткого диска» как символа рождения текста в одном пространстве и времени с «джинсами, кроссовками, трусами, футболками», разбросанными А Хули, подчеркивает одновременное присутствие главного героя в Москве вне текста. Пелевин нивелирует образ автора до того, как читатель получает доступ к содержанию произведения, и передает повествование А Хули. Эта нарративная стратегия привязывает смысл произведения к его структуре, намеренно разрывая связь между произведением и автором. В результате суждения читателя о произведении больше не зависят от личного жизненного опыта писателя и его писательских особенностей, а интерпретируются исключительно изнутри произведения.

Пелевин выбирает образ А Цзы из «Императорской энциклопедии эпохи Тайпин» (978) в качестве предшественника А Хули. Это самое раннее письменное упоминание в мифологии Китая о духе-лисе — А Цзы, соблазняющей мужчин красивой и грациозной внешностью⁴. Многочисленные эпизоды в романе с А Хули совпадают с описанием А Цзы, которая часто посещает пещеры, древние могилы и человеческие жилища. Так, лиса в облике А Цзы соблазняет человека по имени Линь Сяо, и его находят в пустой могиле: «果见孝于空冢中»⁵ [Ли Фан], что перекликается со сценой, в которой А Хули хочет спрятать Александра в древней гробнице и рассказывает ему о своей собственной жизни в гробнице: «До приезда в Россию я несколько сотен лет прожила в ханьской могиле недалеко от места, где стоял когда-то город Лоян. В могилке было две просторных камеры, в которых сохранились красивые халаты и рубахи, гусли-юй и флейта, масса всякой посуды — в общем, все нужное для хозяйства и скромной жизни» (с. 133). Превращение А Хули также похоже на метаморфозу лисицы, которая появилась в мифологии Китая еще во времена династий Вэй и Цзинь, о чем говорится в памятнике письменности IV в. «Записки о поисках духов»: «千岁之狐，起为美女»⁶ [Гань Бао, с. 50]. В книге «Императорская энциклопедия эпохи Тайпин» тоже говорится, что «狐五十岁，能变化为妇人，百岁为美女，为神巫，能知千里外事。善蛊魅，使人迷惑失智。千岁即与天通，为天狐»⁷ [Ли Фан]. Разница в том, что китайская лиса после метаморфозы с трудом избавляется от своей звериной сущности и получает человеческий разум. Но она пренебрегает моралью и правилами ради

⁴ «狐者，先古之淫妇也，其名曰阿紫化而为狐» [Ли Фан]. — Лиса — это древняя прелюбодейка, имя которой А Цзы — превращенная в лису.

⁵ Нашел Линь Сяо в пустой могиле.

⁶ Тысячелетняя лиса, которая может превращаться в прекрасную девушку.

⁷ Лисе пятьдесят лет, и она может превращаться в женщину. В возрасте ста лет она превращается в прекрасную женщину и божественного колдуна; она может знать все и умеет околдовывать людей, заставляя их терять рассудок. В возрасте тысячи лет лиса может общаться с небесами и стать небесной лисой.

удовлетворения своих страстей, тогда как А Хули умеет контролировать слепые порывы собственного эго, гасить огонь своих желаний и руководствоваться правилами морали и совестью, чтобы достичь своих целей более благородным путем. А Хули близка к тому, чтобы стать полноценным человеком со свойственными людям чувствами и сомнениями.

Этот аллегорический образ животного имеет глубокие исторические и культурные корни как в русской, так и в китайской словесности. Лиса давно обзавелась собственной культурной иконографией, став символом хитрой и обаятельной женщины. В «Священной книге оборотня» В. Пелевин ниспровергает традиционное восприятие, бесконечно увеличивая человечность лисы. Помимо того что образ А Хули является отсылкой к китайскому духу лисицы А Цзы, Пелевин придает своей героине дополнительные детали. По словам А Хули, она вроде бы создана из камня. Это утверждение приобретает иронический оттенок недосказанности: «Мы, лисы, не рождались, подобно людям. Мы приходим от небесного камня и состоим в отдаленном родстве с самим Сунь-у-Куном⁸, героем “Путешествия на Запад” (впрочем, не стану утверждать, что все так и есть — никаких личных воспоминаний об этой баснословной поре у меня не осталось» (с. 9). Лисы и обезьяны — два совершенно разных вида животных, и в то же время в китайской культуре это два существа, способных претерпевать метаморфозы и состоящих в родстве друг с другом. Писатель создает новый дискурс, заимствуя язык и текст своих предшественников, осуществляя диверсию и переосмысление классики.

Александр Серый — генерал-лейтенант ФСБ и волк-оборотень — во время второй встречи с А Хули теряет контроль над собой и из красавца в форме превращается в злобного волка⁹. Но благодаря поцелую А Хули он из волка превращается в пса. Хотя Александр-пес меньше волка, он более могущественен. Здесь автор отсылает к мифологическим образам пса Гарма¹⁰ и волка Фенрира¹¹. Образ Гарма также восходит к древненорвежскому культу стражей и бдительности. В древних скандинавских обществах люди верили, что эти существа охраняют места обитания или входы, поддерживая порядок и защищая от злого умысла. Образ волка Фенрира имеет важное символическое значение в скандинавской культуре. Он является символом дикости, силы и разрушения, олицетворяющим неуправляемые силы природы. Образ Александра у Пелевина — это фактически пародия на великанов норвежской мифологии. Если Гарм и Фенрир непобедимы

⁸ Сунь Укун — герой-трикстер, царь обезьян, известный по китайскому роману У Чэньэна «Путешествие на Запад» (1570-е гг.).

⁹ Пелевин буквально трактует метафору «оборотень в погонах», которую впервые употребил Борис Грызлов (министр внутренних дел России) в связи с судебным разбирательством 2003 г.

¹⁰ Гарм — в скандинавской мифологии огромный чудовищный пес (или волк) с четырьмя глазами. Он привязан к скале в пещере Гнипа, но во время Рагнарёка получает свободу, вступает в борьбу с Тюрм и погибает вместе с ним [Энциклопедический словарь, с. 141].

¹¹ Фенрир (др.-исл. *Fenrir*, *Fenrisulfr*) — в скандинавской мифологии гигантский волк, одно из трех хтонических чудовищ, порожденных в лесу Ярнвид великаншей Ангрбодой от Локи [Мифы народов мира, с. 561].

и сильны, то Александр слаб и растерян, подавлен своим уродством и не может отважиться на любовь к А Хули.

Герой в образе оборотня обнаруживается в ряде других произведений Пелевина. В начале романа «литературные эксперты» указывают на это через комментарии: «Этот текст не заслуживает, конечно, серьезного литературоведческого или критического анализа. Тем не менее отметим, что в нем просматривается настолько густая сеть заимствований, подражаний, перепевов и аллюзий (не говоря уже о дурном языке и редкостном инфантилизме автора), что вопроса о его аутентичности или подлинности перед серьезным специалистом по литературе не стоит, и интересен он исключительно как симптом глубокого духовного упадка, переживаемого нашим обществом» (с. 6). Указывая на писательские приемы цитирования, пародии и сращивания, автор подчеркивает, что «плохая» форма текста — лишь повязка на глаза для сокрытия глубинного смысла. Языковая структура произведения и характеристики персонажей, словно «нарезка» из разных произведений, которые одновременно схожи и трансцендентны по отношению к исходному тексту:

1. Второе превращение Александра — в уродливого пса упоминается в «Generation “П”»: «А ее смерть стала хромым псом с пятью лапами, который должен вечно спать в одной далекой стране на севере» [Пелевин, 2008а, с. 150].

2. В романе «Священная книга оборотня» Пелевин подробно рассказывает об оборотничестве лисы, но не объясняет, как Александр обрел способность превращаться в волка. Однако в другом романе Пелевина, «Проблема верволка в средней полосе» [Пелевин, 1993], упоминается, что Саша изначально был человеком. Во время поездки в лес он встретил группу людей, устроивших пикник. С их помощью Саша обрел способность превращаться в оборотня.

3. История игрового оборотничества героя описана в рассказе «Принц Госплана» [Пелевин, 2008б]. Саша Лапин (говорящая фамилия), который работает в ГОССНАБе, пристрастился к игре «Принц Персии».

Пелевин создает образы, которые неоднократно переходят из одного произведения в другое, этот прием призван обозначить логическую связь между замыслами. Воскрешение старого образа в новом произведении — это повторная встреча с персонажем в новом контексте, который сам интегрируется в новый сюжет. Таким образом многочисленные произведения Пелевина создают целостную интертекстуальную систему, в которой они существуют независимо друг от друга, но в то же время связаны едиными героями и памятью об их истории.

Появление в романе лисы, волка и пса в качестве персонажей символизирует метаморфозу образа фольклорного героя. А Хули, несмотря на свою звериную сущность, тяготеет к человеческому пониманию морали. Александр же, напротив, будучи по природе человеком, постепенно «демонизируется», что проявляется в своеобразном антигероическом движении событийной линии. Данный герой точно охарактеризован в работе Чжэн Юнвана: «反英雄是20—21世纪俄罗斯反乌托邦小说中的人物类型之一。他们具有闪躲伟大和拒绝崇高与英雄相反的特质。英雄通常要战胜黑暗的力量，给大众带去光明，但反英雄不具备英雄所具有的英雄主义精

神, 而且可能也不具备生活和精神上的完美品格。反英雄形象在对源文本中的人物进行急速转换后产生的新形象。这种转化既有当前文本对源文本人物的矮化, 也有对其人物人物的拔高»¹² [Чжэн Юнван, с. 289]. В «Священной книге оборотня» Пелевин выражает свою потребность в гармоническом обществе, используя доказательства «от противного» — антигероический характер Александра. Но это не означает, что автор придерживается негативного мнения о нем: быть антигероем — не то же самое, что быть антагонистом. В конце концов с помощью А Хули обретая любовь, Александр осознает истинный смысл жизни, что, несомненно, отражает ожидания автора в отношении современного мира.

В «Священной книге оборотня» социальное и мифологическое переплетаются, создавая уникальное повествовательное пространство. Истоки архетипа А Хули находятся в восточной мифологии, а архетипа Александра — в мифологии норвежцев. Своим появлением А Хули обращает нас к феномену оборотничества в древневосточной мифологии. В русских сказках и баснях нередки случаи одновременного появления лисы и волка, но чаще всего они находятся в состоянии вражды, и хитрость лисы делает волка беспомощным. Однако в романе писатель нарушает эту сказочную традицию, изображая их отношения как отношения любви и искупления. В то же время Пелевин показывает разные культурные корни этих двух персонажей, искусно соединяя восточные и западные мифологии, обновляя их в необычном столкновении, что интригует читателей и дает им новый опыт чтения.

Существенное замечание Е. А. Баженовой, что «теория интертекстуальности позволяет объяснить имманентное свойство текста — способность к приращению смысла, генерированию новых смыслов через взаимодействие с другими смысловыми системами» [Баженова, с. 108], совпадает с выводом о романе Пелевина и дает новые возможности для воссоздания кризисного состояния постсоветского общества.

Выводы

Пелевин использует постмодернистскую технику письма, чтобы новаторски переосмыслить фольклорный образ оборотня в восточных и западных мифологиях, придав ему совершенно новый смысл. Автор ловко помещает образы оборотней двух культур в один временной и пространственный контекст и через отношения А Хули и Александра намекает на историческую непримиримость культурных систем Востока и Запада. Однако писатель предлагает и решение: только любовь может устранить эти различия и помочь достичь культурной интеграции и симбиоза.

¹² Антигерой — один из типов персонажей русских антиутопических романов XX–XXI веков. Ему присущи качества, противоположные качествам героя, такие как уклонение от величия и неприятие возвышенного. Герои обычно побеждают силы тьмы и несут свет в массы, но антигерои не обладают героизмом и не могут быть совершенны ни в жизни, ни в духе. Образ антигероя — результат стремительной трансформации персонажа в исходном тексте.

«Священная книга оборотня» совмещает элементы мифологии, истоками которой являются Древний Китай и общеславянская древность, с реалиями современной России. Системный анализ произведения не только раскрывает глубину творческих поисков Пелевина, но и способствует пониманию как постмодернизма в целом, так и современной русской литературной мысли, обратившейся к интертекстуальности.

Баженова Е. А. Интертекстуальность // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М., 2003. С. 108.

Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика : пер. с фр. / сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М., 1989.

БРЭ — Большая российская энциклопедия. 2017. Т. 34.

Ван Вэньцзюань. Пять элементов и пять цветов // Теория искусства. 2005. С. 81–87. [王文娟. 五行与五色, 美术学. 2005, 第 81–87 页] (на кит. яз.).

Гань Бао. Записки о поисках духов. Пекин, 2007. [干宝 搜神记, 北京: 中华书局, 2007] (на кит. яз.). URL: <https://guoxue.httpcn.com/html/book/MEAZXVTB/PWMEKOKORN.shtml> (дата обращения: 01.10.2024).

Керимов Т. Х. Постмодернизм // Современный философский словарь. М., 1996. С. 374.

Корнев С. Столкновение пустот: может ли постмодернизм быть русским и классическим? Об одной аванюре Виктора Пелевина // Новое лит. обозрение. 1997. № 28. С. 244–259. URL: <http://pelevin.nov.ru/stati/o-krn2/1.html> (дата обращения: 01.10.2024).

Ли Фан. Императорская энциклопедия эпохи Тайпин. Ухань, 2023. [李昉 太平广记, 武汉: 崇文书局, 2023] (на кит. яз.). URL: <https://guoxue.httpcn.com/html/book/MEAZXVTB/PWMEKOKORN.shtml> (дата обращения: 01.10.2024).

Мифы народов мира : энцикл. : в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. М., 1988. Т. 2 : К – Я.

Новикова Е. В. «Вдали от комплексных идей живешь, как Рэмбо, — day by day»: Виктор Пелевин о себе и своей новой книге // Коммерсантъ. 2003. 9 сент.

Пелевин В. О. Проблема верволка в средней полосе. М., 1993.

Пелевин В. О. Священная книга оборотня. М., 2004.

Пелевин В. О. Generation «П». М., 2008a.

Пелевин В. О. Принц Госплана. М., 2008b.

Соколов В. Е. Пятиязычный словарь названий животных: латинский, русский, английский, немецкий, французский. М., 1984.

Сокулер З. А. Методология гуманитарного познания и концепция «власти-знания» Мишеля Фуко // Философия науки и техники. 1998. С. 174–182.

Суперанская А. В. Современный словарь личных имен: Сравнение. Происхождение. Написание. М., 2005.

Чжао Вейжун. Влияние западной теории интертекстуальности на Китай. Сычуань, 2012. [赵渭绒. 西方互文性理论对中国的影响, 四川: 四川出版集团, 2012] (на кит. яз.).

Чжу Шаньхуа. Происхождение, смысл и форма культуры тайцзи // Форум по образованию и преподаванию. 2016. С. 120–123. [朱尚华. 太极文化的源流、内涵及其形态, 教育教学论坛. 2022. 第 120–123 页] (на кит. яз.).

Чжэн Юнван. Зажигание пещерного янтаря — исследование русской антиутопической литературы. Пекин, 2020. [郑永旺. 点亮洞穴的微光—俄罗斯反乌托邦文学研究, 北京: 社会科学文献出版社, 2020] (на кит. яз.).

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 8 (15) : Гальберг — Германий. СПб., 1892.

Эштейн М. Истоки и смысл русского постмодернизма // Звезда. 1996. № 8. С. 166–188.

Coimbra F. The symbolism of the pentagram in West european rock art: a semiotic approach // XXIV Valcamonica Symposium 2011. 2014. P. 122–129.

Статья поступила в редакцию 31.03.2025 г.

Научная статья

УДК 101.1:316.653 + 124.5 + 008 + 94(470)“1930/1940” + 94(470)“1941/1945”

DOI 10.15826/izv1.2025.31.3.045

РОЛЬ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СОВЕТСКОГО НАРОДА В 1930–1940-е гг.

Роман Михайлович Николаев

Уральский федеральный университет,

Екатеринбург, Россия,

r_nik81@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0003-0147-8295>

А н н о т а ц и я. В статье дан анализ проблемы трансформации традиционных ценностей отечественной культуры в контексте критических условий военного столкновения. Показано формирование культурной идентичности общества на основе традиционных ценностей культуры. Рассмотрена проблема мифологизации власти с помощью традиционных символов культуры, представлена противоречивость их восприятия молодежью того времени.

К л ю ч е в ы е с л о в а: традиционные ценности; советская культурная идентичность; Великая Отечественная война; традиция и новация; персонифицированный символ

THE ROLE OF TRADITIONAL VALUES IN THE FORMATION OF THE CULTURAL IDENTITY OF THE SOVIET PEOPLE IN THE 1930s–1940s

Roman M. Nikolaev

Ural Federal University,

Ekaterinburg, Russia,

r_nik81@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0003-0147-8295>

Abstract. The article analyzes the problem of the transformation of traditional values of national culture in the context of critical conditions of military conflict, and substantiates the formation of cultural identity of society based on traditional cultural values, considers the problem of mythologization of power with the help of traditional cultural symbols, and the inconsistency of their perception by the youth of that time.

Key words: traditional values; Soviet cultural identity; the Great Patriotic War; tradition and innovation; a personalized symbol

Изучение культуры прошлого важно не только как фиксация и осмысление набора исторических фактов, но прежде всего как ответ на вопрос настоящего и основание для будущего. Поэтому важно осознание того, каким потенциалом обладает отечественная культура и как он может быть востребован и творчески развит современностью. Исходя из этой позиции, общественный и научный интерес к историческому наследию и русской культуре представляется вполне объяснимым. Он продиктован, с одной стороны, желанием восстановить трагически разорванную в XX в. нить исторической памяти о тысячелетней культурной истории Руси — России, с другой — потребностью найти культурно-онтологические основания для устойчивого развития страны, шагнувшей в новое историческое время третьего тысячелетия.

Актуальность исследования традиционных ценностей отечественной культуры, репрезентированных в XX в., состоит в том, что именно в этот период вследствие радикальной социально-культурной модернизации они переживают свое «зановорождение», становясь вновь востребованными в формировании культурной идентичности советского общества в канун и в период потрясений Великой Отечественной войны.

Обращаясь к понятию «культурная идентичность», сразу стоит обратить внимание, что «идентификация» и «идентичность» — понятия нетождественные. Можно согласиться с М. В. Заковоротной, которая считает, что: «...идентичность включает в себя различные аспекты, а идентификация — описание таких аспектов. Идентичность — результат, ставшее, отстаивание и защита себя, идентификация — приспособление, процесс постоянного выбора, принятие норм, традиций, установок. Потому на каждом уровне описания процесс идентификации предшествует осмыслению идентичности» [Заковоротная, с. 38].

Процесс самоидентификации общества на основе собственных культурных традиций становится особенно значимым в экстремальных условиях военного столкновения. Страны одерживали победы в войнах во многом благодаря тому, что военнослужащие «интенсивно отождествляли себя с собратьями по оружию», пишет американский философ С. Хантингтон [Хантингтон, с. 50]. Пренебрежение данным культурно-антропологическим фактором ведет к невозможности формирования единого сознания в группе людей, что может привести к поражению.

По мнению исследователя, «...идентичность — это самосознание индивида или группы. Она представляет собой продукт самоидентификации, понимания того, что вы или я обладаем особыми качествами, отличающими меня от вас и вас от них» [Там же]. Данная установка присуща индивиду, участвующему в социальных отношениях, так как «пока люди взаимодействуют со своим окружением, у них нет иного выбора, кроме как определять себя через отношения к другим и отождествлять обнаруженные сходства и различия» [Там же]. Люди стремятся объединиться с теми, с кем они схожи и с кем делят нечто общее, «будь то расовая принадлежность, религия, традиции, мифы, происхождение или история» [Там же].

В связи с проблемой культурной идентичности интерес представляют и работы Э. Эриксона, посвященные данному вопросу. В научной практике имя этого исследователя традиционно связывают с распространением термина «идентичность». Рассуждая об историко-культурной идентичности, ученый отмечает, что человек — это не «археологический курган, где пласт идет за пластом, по мере взросления он делает свое прошлое частью всего будущего, а любую прошлую среду, с которой он взаимодействовал, — частью своего настоящего окружения» [Эриксон, с. 215].

Таким образом, обладать идентичностью — это значит быть неизменным в независимости от ситуации; ощущать связь собственной индивидуальной непрерывности и признания этой непрерывности другими людьми; воспринимать прошлое, настоящее и будущее как единое целое; строить свой жизненный путь, сопротивляясь вызовам настоящего на основе прошлого, сохраненного в культурной памяти человека.

В процессе становления культурной идентичности необходимо понимание структуры традиционных ценностей культуры, а также диалога этих ценностей с культурными новациями рассматриваемой эпохи. В рамках осмысления понятия «традиционные ценности культуры» необходимо остановиться на самих понятиях «культура» и «традиция». Под термином «культура» мы будем понимать совокупность языка, политических, религиозных и общественных ценностей, а также социально-культурные институты и поведенческие нормы, в которых закреплены приоритеты конкретного общества.

Что касается феномена традиции, то он может быть осмыслен не как абсолютно застывший слой механически воспроизводимых образцов поведения, суждений, знаково-символических форм, а как живой, имеющий свою динамику процесс бесконечных интерпретаций подобных образцов, не отменяющий их в принципе, но постоянно воссоздающийся в новых проявлениях и выражениях,

адаптированных к современной социокультурной жизни. Исходя из сказанного, традиция уже не представляется некоей архаикой, так как «...каждая культура определяет свою парадигму того, что следует помнить (т. е. хранить), а что подлежит забвению. Последнее вычеркивается из памяти коллектива и как бы перестает существовать. Но сменяется время, система культурных кодов, и меняется парадигма памяти-забвения. То, что объявлялось истинно-существующим, может оказаться “как бы, не существующим” и подлежащим забвению, а несуществовавшее — сделаться существующим и значимым» [Лотман, с. 200]. Так и элементы традиционной ценностной системы русского общества оказываются заново востребованы в предвоенные и военные годы благодаря их сохранности в культурной памяти народа.

Идентифицируя себя в контексте традиционных ценностей, человек выделяет культурное прошлое, причем далеко не все прошлое, а лишь некоторые его изображаемые сюжеты и персоналии. Таким образом, мы можем понимать традицию как феномен, обладающий универсальной формой и являющийся механизмом упорядочивания содержания культуры, что позволяет «рассматривать те смыслы культуры, которые содержатся в прошедшем апробацию опыте, но воспроизводятся в новых условиях не в качестве анахронизма, но в качестве элемента живой системы» [Костина, 2008, с. 39].

По мнению Г. Риккерта, традиционная культурная ценность определяет выбор исторически существенного, в каждом индивидуальном объекте выбирается только то, что имеет значение для культурного развития и в чем заключается историческая индивидуальность: «Лишь на основе обнаруживающихся в культуре ценностей становится возможным образовать понятие доступной изображению исторической индивидуальности» [Риккерт, с. 91]. И в этом качестве ценности являются важнейшим регулятором жизни общества. Традиционные ценности культуры носят характер «практического идеала, образца, в соответствии с которым субъект формирует себя и, сообразуясь с которым, действует в мире объективно возможного и существует всегда как система взаимосвязанных ценностей» [Захарченко].

А. В. Костина, исследуя «социогуманитарный» подход в изучении традиционной культуры, представляет традиционные ценности более эмпирично и конкретно — как «включающие “нормы-ценности-смыслы-символы” (представления о природе, космосе, месте человека в мире, религиозно-мифологические понятия об отношениях человека с некими высшими и низшими силами, представления об идеалах мудрости, силы, героизма, красоты, добра и зла, о формах “правильного” и “неправильного” поведения и устройства жизни, о служении людям, отечеству (буквально — стране, земле отцов) и др.» [Костина, 2009]. Данный аксиологический ряд воплощается, по ее мнению, в культурных текстах разной знаковой природы.

Рассматривая историю культуры нашей страны в XX в., следует отметить, что уже в довоенный период можно увидеть начавшийся процесс изменения отношения к своему прошлому. Здесь следует отметить «реабилитацию» ряда

символов традиционной культуры. Становится очевидным, что системе власти представляется невыгодным полное стирание прошлого в культурной памяти общества, так как это может привести к поражению в будущей «войне идеологий», какой и окажется Великая Отечественная война. Нация — это «сообщество с памятью» (С. Хантингтон), которое обречено на разрушение вследствие потери своей культурной памяти: без национальной истории, освящающей в воспоминаниях людей славные события прошлого, войны и победы, неудачи и поражения, т. е. без прошлого, не может быть и будущего, без национальных образов героев (наставников, передающих духовный опыт) и антигероев нет нации.

Уже начиная с периода Гражданской войны, историческое прошлое вычеркивалось из сознания советского человека, так как, по мнению идеологов партии большевиков, старая дореволюционная Россия с ее культурой была не чем иным, как «тюрьмой народов», которая должна быть сброшена с «парохода современности»:

Выстроили пушки по опушке,
глухи к белогвардейской ласке.
А почему
не атакован Пушкин?
А прочие
генералы классики?
Старье охраняем искусства именем.
Или
зуб революций ступился о короны?
Скорее! [Маяковский, с. 44].

Отказ от собственного прошлого, представление о культурном наследии как совокупности «темных веков» всей отечественной истории до 1917 г. были характерны для 1920-х и первой половины 1930-х гг. Однако уже в середине 1930-х гг. в советской культурной политике начинаются изменения, обусловленные внешнеполитической ситуацией: обстановка в мире становилась все более беспокойной. «Считалось, что мировой экономический кризис приведет к новой мировой войне. Особенно беспокоило распространение фашистских режимов, которые активно апеллировали к образам прошлого, доказывая особую роль арийцев, римлян, древних японцев в истории и “неисторичность” других народов. Нужно было дать им эффективный “историографический ответ”» [«В Иване Грозном диктатор видел частицу себя»].

Безусловно, отличительной чертой эпохи соцреализма являлась поставленная во главу угла идеология, но здесь следует отметить, «что идейный дискурс не является приметой исключительно метода соцреализма, он был наследован от традиций русской литературы и критики XIX века (В. Г. Белинский, Н. А. Добролюбов, Н. Г. Чернышевский, Г. В. Плеханов). Этому вопросу придавалось значение в рамках других культур и художественных направлений» [Булавка, с. 86]. Таким образом, почву и предпосылки для серьезного изменения в культурной политике нашей страны мы можем наблюдать еще до войны.

В использовании традиции в довоенное время особую значимость приобрели персонифицированные символы историко-культурного развития государства. Советский взгляд на персоналии прошлого, репрезентованный в кинематографе, живописи, историческом романе, «характеризуется высоким пиететом к “историческим личностям”, что было определено характером власти в эпоху, впоследствии обозначенную как “период культа личности”» [Добренко, с. 33].

В довоенный период на экраны страны вышли фильмы с доминирующей патриотической тематикой: «Петр Первый» (1937), «Александр Невский» (1938), «Минин и Пожарский» (1939), «Суворов» (1940), «Богдан Хмельницкий» (1941). Появились фильмы, не только посвященные военной тематике, но и затрагивающие проблемы осмысления предыдущего развития отечественной культуры, например, фильм «Первопечатник Иван Федоров» (1941). Вернувшись в советскую культуру через кино, исторические лица — прежде всего цари, князья, военачальники — выглядят сплошь «собирателями и защитниками русского государства, людьми небывалой отваги, государственной мудрости и политической дальновидности» [Раззаков, с. 104–105]. В данных образах нетрудно проследить черты, которыми советская пропаганда в предвоенное время наделяла «вождя народов».

Именно с появления Петра I в ленте В. М. Петрова начинается обращение к историческим именам в советской экранной культуре. Д. Л. Бранденбергер отмечает: «Хотя “Петра Первого” иногда называют не более чем апологией сталинского диктатора, на самом деле фильм преследовал значительно более широкие цели. В нем Петр изображен решительным, упрямым и беспощадным, однако эти качества полностью оправдываются преданностью и самоотверженностью в деле государственного строительства. Этот вывод способствовал развитию как нарождающегося этатистского курса, так и культа личности Сталина» [Бранденбергер, с. 108].

Однако существовали и утилитарно-прозаические причины популярности Петра в качестве пропагандистского персонифицированного символа того времени. «Будучи героем из далекого прошлого, — пишет Д. Бранденбергер, — Петр зачастую казался более “эпическим” и “легендарным”, чем современные знаменитости, отобранные из массы героев-стахановцев и командиров Красной армии. Кроме того, историческая дистанция оберегала Петра от разоблачения во время чисток как троцкиста или японского шпиона, — от того, что наносило непоправимый ущерб более традиционным видам советской агитации на основе прославления героев» [Там же, с. 72].

Хотелось бы особо выделить фильм 1938 г. «Александр Невский» С. М. Эйзенштейна. Картина актуализировала противостояние двух режимов, начавшееся в середине 1930-х гг. По всей видимости, не случайно был выбран и главный герой — победитель немецких рыцарей, образ, формирующий традиционную ценностную установку в контексте тогдашней политической ситуации. Данный фильм быстро находит обратную связь со своими реципиентами: после выхода фильма на экраны «...такого взлета патриотизма, какой советские люди испытали

после просмотра “Александра Невского”, в стране давно не было. В прессе было опубликовано около ста положительных статей о фильме» [Раззаков, с. 108].

Выход данных картин был ответом Германии и собственно кинематографу Третьего рейха с его антисоветскими и антирусскими фильмами середины 1930-х гг., в которых большое внимание уделялось собственной национальной мифологии. Немецкая культурная политика и кинопромышленность как ее важнейший инструмент были инициаторами создания произведений, которые «должны были способствовать возникновению у зрителей впечатления, что будто бы возвратились великие люди прошлого» [Васильченко, с. 36].

С началом Великой Отечественной войны, когда происходит уже прямое столкновение, эта тенденция культурной политики приобретает значительно более широкий характер. Здесь уже враг обозначен явно, и можно наблюдать, как в «войне культур» наша традиция выступает против традиции врага.

Таким образом, в произведениях советской культуры предвоенного и военного времени важна была также и идентификация врага, ведь негативный образ часто служил конструированию общей идентичности на основе отношения общества к своему противнику. Актуальность патриотических тенденций в советской культурной политике, которой, чтобы идентифицировать свою общность, были необходимы враги, Хантингтон объясняет так: «Потребность индивидов в самоуважении ведет к убеждению, что группа, к которой они принадлежат, лучше всех прочих групп» [Хантингтон, с. 56]. Английский историк Р. Кершоу пишет: «Веровавшее в Иисуса Христа войско, вторгшееся в Россию, мало чем отличалось от тевтонов XIII века, образы которых столь убедительно воссоздал Эйзенштейн в своем фильме “Александр Невский”. Фильм этот мгновенно нашел отклик в сердцах советских людей, оказавшихся перед лицом смертельной угрозы» [Кершоу, с. 327].

Советская пропаганда в первые же дни войны меняет характер и акцентирует внимание не на абстрактном образе врага — «германском империализме», а на образе, имеющем национальную составляющую, т. е. на «немцах» — «захватчиках», «разбойниках», «насильниках», «грабителях», «извергах», которые уничтожают нашу национальную идентичность. «Потерять навсегда надежду на славу и счастье Родины, забыть навсегда священные идеи человечности и справедливости — все-все прекрасное, высокое, очищающее жизнь, ради чего мы живем... Видеть, как Пушкин полетит в костер под циничскую ругань белобрысой фашистской сволочи и пьяный гитлеровский офицер будет мочиться на гранитный камень, с которого сорван и разбит бронзовый Петр, указавший России просторы беспредельного мира?» — пишет Алексей Толстой в своем фронтовом очерке «Только Победа и жизнь» [От Советского информбюро, с. 65]. Выражалась уверенность, «что достигнуть этой цели удастся при обращении к истории многовекового противоборства русских и немцев» [Синицын, с. 176].

Здесь следует оговорить тот факт, что далеко не все высшее руководство страны одобряло использование традиционных ценностей как необходимой составляющей культуры, роль которой состояла в воодушевлении людей

на борьбу с врагом. Некоторые представители власти считали, что «звериному национализму немецко-фашистских разбойников достаточно противопоставить развернутое знамя революционного пролетарского интернационализма» [Синицын, с. 15]. В их понимании акцент в пропагандистской риторике в столь критических условиях войны должен быть сделан на собственных персонифицированных символах. И они надеялись, что «вождь и руководитель обратится к великим именам Маркса, Энгельса и Ленина, к именам деятелей революции» [Там же, с. 16].

Несмотря на введение в советскую культуру элементов многовековых традиций, ортодоксальные представители партии не могли понять, «почему надо было выкапывать из истории Дмитрия Донского, Александра Невского и Суворова» [Там же]. Видя такую позицию, советское руководство в начале войны пыталось ограничить использование дореволюционных символов. Отбиралось лишь «то немного лучшее», что было раньше, но в целом ретроспективный взгляд на историческое прошлое оставался неизменным: «В своих речах руководители партии иногда натянуто пытались сравнить фашизм с режимом дореволюционной России, напоминали, что “старая царская Россия была тюрьмой народов”» [Там же]. Здесь стоит отметить тот известный факт, что у многих представителей власти тогда еще оставалась вера в то, что по ту сторону фронта сработает классовый интернациональный фактор и немецкие рабочие и крестьяне повернут свое оружие против нацистов. Как известно, это было глубоким заблуждением.

Ведущаяся война все более становилась войной национальных культур, где национальная черта особенно подчеркивалась в пропаганде, отодвигая на второй план классовую: «Классово-идеологические иллюзии рассеивались с каждым шагом врага в глубь советской территории. Война приобретала характер смертельной схватки за выживание, причем не только существовавшей системы и государства, но и населявших огромные пространства СССР народов. <...> И образ врага-фашиста также все сильнее принимал национальную окраску, превращаясь в массовом сознании в образ врага-немца» [Сенявская, с. 261].

Вторым после кино характерным примером широкого включения элементов традиции именно в массовую культуру является изобразительное искусство, и прежде всего появившаяся в первые дни войны плакатная графика, где в рамках социалистического реализма ярко прослеживались элементы возвращения к персонализированным патриотическим символам русской культуры.

Так, советский плакат военного периода часто использовал образы и события дореволюционной истории как символическую основу в целях реконструкции самоидентификации человека. Как мы уже отмечали, для советской пропаганды это явилось неким откровением: до конца 1930-х гг. история СССР начиналась с 1917 г., предыдущие времена были сплошным смутным периодом, в котором не существовало ни одного государственного деятеля, заслуживающего уважения. Здесь необходимо отметить свойственную именно плакату особенность — в одном произведении могли присутствовать сразу несколько образов, причем образов различных эпох.

Можно выделить два основных направления в изображении персонифицированных символов на плакатах периода 1941–1942 гг.:

- Изображение древнерусских героев на заднем плане и советских солдат, идущих в атаку, причем первые показаны как скорее нематериальные объекты, образы, стоящие перед глазами современных воинов и вдохновляющие их. Сюда же относятся изображения поверженных врагов разных эпох, как прошлых, так и современной, подтверждающие славные страницы истории русского оружия. Примером могут являться плакаты В. С. Иванова «Нет такой силы, которая бы поработила нас» (1941) и «Кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет» (1941), Кукрыниксов «Наполеон потерпел поражение. Тоже будет и с зазнавшимся Гитлером!» (1942), «Так было... Так будет» (1941).

- Совместное изображение на заднем плане древнерусских героев, героев императорской России или Отечественной войны 1812 г., героев революции и Гражданской войны, а на переднем плане — солдат Красной армии современной эпохи. Здесь стоит отметить синтез персонифицированной ценностной составляющей дореволюционной традиции и ценностей молодой советской культуры (новации), которые становятся равнозначными по отношению к старым традициям в рамках воздействия на самоидентификацию современных солдат. К примеру, так воздействовал плакат Кукрыниксов «Бьемся мы здорово, колом отчаянно, внуки Суворова, дети Чапаева» (1941).

Нельзя не заметить, что пропагандистский плакат военной эпохи совмещает исторические образы разных времен. По известным причинам в период господства социалистического реализма такое было невозможно ни в кинематографе, ни в исторической живописи. Разные временные образы отображают единую вневременную универсальную ценность, которая является необходимой для внушения реципиенту конкретной деятельностной установки. Так, в каждом плакате В. С. Иванова, как правило, помимо самого изображения присутствует текст фразы, принадлежащей кому-либо из героев прошлого, и неизменная цитата Сталина: «Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ предков». Несмотря на то, что выделяется (как бы «первична») фраза героя прошлого, слова Сталина довольно красноречиво дают понять, что современная власть не устраняется из картины диалога прошлого и современности, напротив, она, в свою очередь, как бы задает курс, направляет развитие данного диалога. При этом, как отмечает Д. Бербер, «в артефактах советской пропаганды именно в начале войны обращение к персонифицированным традиционным символам является одним из основных сюжетов» [Barber, Harrison, p. 69].

С началом войны тема Родины, связи с предками в ее традиционном понимании, далеком от идеологической составляющей, зазвучала все более отчетливо и в отечественной литературе. В литературном языке заметны интонационные изменения, не характерные для предыдущих двух десятилетий развития советской культуры. Еще до войны в советской художественной литературе появились романы С. Н. Сергеева-Ценского, А. С. Новикова-Прибоя, посвященные подвигам дореволюционного военно-морского флота, а также произведения

о государственных деятелях прошлого — «Петр Первый» А. Н. Толстого, «Дмитрий Донской» С. П. Бородина. Эта же тенденция сохранилась и во время войны, когда были написаны романы С. Н. Голубева «Багратион», Л. И. Раковского «Генералиссимус Суворов», был переработан роман-эпопея А. Н. Степанова «Порт-Артур». Необходимо указать и на то, что в довоенный период из системы образования не были исключены и многие произведения классической литературы: в школах изучались стихи Тютчева, Фета, Майкова, Лермонтова, Пушкина.

Стоит заметить, что традиционные персонифицированные символы русской истории не просто формально задавались, спускались в общество; они находили отклик среди людей того времени как реальные ориентиры самоидентификации. Приведем воспоминание Героя Советского Союза А. А. Аматуни об А. В. Суворове: «...и почти наизусть я знал жизнь этого самородка — величайшего полководца, его победоносные военные походы, афоризмы и т. д. В моем воображении он был каким-то особым, я бы даже сказал не человеком, а сверхчеловеком. Позже, когда я смотрел фильм о Суворове в прекрасном исполнении замечательного артиста Черкасова, мне казалось, что я его уже видел в собственном сознании» (цит. по: [Драбкин, 2011, с. 193]). Другой офицер, подполковник С. Баишев, признался, что долго размышлял над романом А. Н. Толстого «Петр Первый», который явился для него своего рода откровением: «Я изучал историю, прочитал много исторических книг, но настоящее представление об эпохе, исторических деталях, подлинное, ясное ощущение истории я получил только теперь» [Что я читал во время войны, с. 4].

Отметим, что образы прошлого были сохранены в культурной памяти народа, а отношения к событиям и символам истории носило также и географическую коннотацию. Так, в своих воспоминаниях о награждении орденом Александра Невского М. И. Сукнев отмечает неофициальное значение этой награды: «Тогда этот орден считался в Ленинградской области и в Прибалтике не ниже, чем звание Героя Советского Союза!» [Сукнев, с. 208].

Таким образом, обращение к традиционным ценностям представляется необходимым в условиях, когда становится понятно, что молодая советская культура (при всех достижениях последней) не обладает устойчивым духовным потенциалом для успешного противостояния чужой культуре в момент их столкновения. Культура не может развиваться без удовлетворения такой неотъемлемой антропологической черты человека, как потребность в передаче опыта, обучении у тех героев прошлого, которые на протяжении истории культуры в качестве личностей-символов пополняли ее ценностную систему.

Феномен поколения, на долю которого выпали военные испытания, заключается в неоднородности общественного сознания людей этой эпохи. Оно было сформировано в предвоенный период, когда «в массовом сознании и в социальной практике причудливо сплетались искренняя вера в социалистические идеи и психология страха, трудовой энтузиазм миллионов и массовые репрессии, вполне реальный советский патриотизм и худшие черты тоталитарного мировосприятия» [Сенявская, с. 173]. К тому же люди более старшего возраста были

привержены традиционному образу жизни, а младшего — социалистическим ценностным установкам.

Исходя из вышесказанного, стоит обратить особое внимание на процесс построения культурной идентичности у людей более молодого возраста, так называемых «ровесников Октября». Неверным было бы мнение, что обращение к традиции воспринималось и понималось исключительно положительно советскими людьми любого возраста. Перед войной, как уже отмечалось, происходит процесс складывания собственной советской идентичности, со своей зарождающейся традицией, героями эпохи и знаково-символической системой. Носитель культуры конструирует не только традицию, с которой он идентифицирует себя, но и «негативную традицию» (термин Е. Шацкого), от которой он отталкивается, ценности которой оцениваются отрицательно. При этом, как правило, негативное отношение к прошлому характерно для молодежи. Приведем лишь краткий пример противоречивого отношения к такому атрибутивному действию, как введение погон в Красной армии в 1943 г.

Этот традиционный элемент мундира напоминал о прошлых страницах истории русской армии, подчеркивал статус офицера, служил более четкому отображению военной иерархии: «Погоны придали облику военнослужащих более подтянутый и профессиональный вид, завершенность и красоту, возродив старые традиции в русской армии и флоте» [Дыгало, с. 253]. Отношение к погонам отметил в своем дневнике и военный корреспондент Л. К. Бронштейн: «Сегодня первый день ношения погон. Москвичи ходят и засматривают, офицеры горды» [Бронштейн, с. 98].

Между тем введение погон часто воспринималось отрицательно военнослужащими более молодого поколения, т. е. носителями ценностей новой социалистической культуры. Из воспоминаний Е. С. Пешкова: «И мне рассказывали, что, когда довели до нашего обоза, а у нас был такой ездовой Поталов — ездовой на боевой бричке. Участник Гражданской войны, буденновец. Здоровый такой донской казак, ух какой крепкий. Чем он у нас отличался, что всегда без погон. Сколько его не заставляли, он всегда отвечал так: “Хоть расстреляйте, но погоны я никогда не надену! Я рубил эти погоны в Гражданскую, а теперь мне их надевать?!”» [Драбкин, 2018, с. 233–234]. О подобном отношении к новым воинским атрибутам упоминает в своих воспоминаниях участник войны С. Г. Дробязко 1925 года рождения: «Вообще, к погонам и офицерам у меня было неопределенное отношение. Воспитанный школьной литературой на примерах из Гражданской войны, когда Красная армия боролась с белым офицером — “золотопогонниками”, — я трудно воспринимал последние перемены» [Дробязко, с. 144–145].

Таким образом, процесс обращения к традиционным ценностям не был переносом статичной и неизменной традиции на новую почву и не воспринимался одинаково всеми возрастными категориями населения. В поисках основания для новой культурной идентичности привлечение традиционных ценностей имело избирательный характер, аксиологический ряд подвергался переработке согласно потребностям новых вызовов исторического времени.

Произошедшая трансформация советской культурной идентичности с включением в ее аксиологический ряд традиционных элементов отечественной культуры способствовала предотвращению разобщения общества в тяжелейший военный период и имела важное значение в достижении победы над врагом. Отечественные традиционные ценности явились концептуальной основой становления новой культурной идентичности советского народа, которая в синтезе с социалистической ценностной системой и являла собой патриотическую установку на победу как на фронте, так и в тылу.

Бранденбергер Д. Л. Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956). Дополн. изд. СПб., 2009.

Бронштейн Л. К. Военный дневник корреспондента «Правды». Встречи. События. Судьбы. 1942–1945. М., 2007.

Булавка Л. А. Социалистический реализм: превратности метода. Философский дискурс. М., 2007.

Васильченко А. В. Прожектор доктора Геббельса. Кинематограф Третьего рейха. М., 2010.

«В Иване Грозном диктатор видел частицу себя». Сталин лично переписывал историю России. Зачем он это делал? URL: <https://lenta.ru/articles/2023/10/28/history/> (дата обращения: 10.03.2025).

Добренко Е. Соцреализм в поисках «исторического прошлого» // Вопр. лит. 1997. № 1. С. 33.

Драбкин А. Я дрался на танке. М., 2011.

Драбкин А. Кавалеристы. М., 2018.

Дробязко С. Г. Путь солдата. С боями от Кубани до Днепра. 1942–1944. М., 2008. С. 144–145.

Дыгало В. А. Откуда и что на флоте пошло. М., 1993.

Заковоротная М. В. Идентичность человека. М., 2004.

Захарченко М. В. Культурно-историческая традиция. URL: <http://www.portal-slovo.ru/pedagogy/37922.php> (дата обращения: 15.03.2025).

Кершоу Р. 1941 год глазами немцев. Березовые кресты вместо Железных. М., 2011.

Костина А. В. Национальная культура. Этническая культура. Массовая культура. «Баланс интересов» в современном обществе. М., 2008.

Костина А. В. Традиционная культура: к проблеме определения понятия // Знание. Понимание. Умение : информ. гуманитар. портал. 2009. № 4. URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/4/Kostina/> (дата обращения: 12.03.2025).

Лотман Ю. М. Избранные статьи. Таллинн, 1992. Т. 1.

Маяковский В. В. «Радоваться рано!» // Маяковский В. В. «Во весь голос» : стихотворения и поэмы. М., 2021. С. 44.

От Советского информбюро : Публицистика и очерки военных лет. 1941–1945. М., 1982. Т. 1.

Раззаков Ф. И. Гибель советского кино. Интриги и споры. 1918–1972. М., 2008. Т. 1.

Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М., 1998.

Сенявская Е. Л. Психология войны в XX веке — исторический опыт России. М., 1999.

Синицын Ф. Л. За русский народ! Национальный вопрос в Великой Отечественной войне. М., 2010.

Сукнев М. И. Записки командира штрафбата. Воспоминания комбата. 1941–1945. М., 2010.

Хантингтон С. Кто мы? М., 2008.

Что я читал во время войны // Лит. газ. 1944. 7 нояб. С. 4.

Эриксон Э. Молодой Люгер. М., 1996.

Barber J., Harrison M. The Soviet Home Front, 1941–1945: A Social and Economic History of the USSR in World War II. L., 1991.

Статья поступила в редакцию 04.04.2025 г.

Научная статья

УДК 008 + 001:73/76 + 130.2:7 + 37.01 + 378.18

DOI 10.15826/izv1.2025.31.3.046

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОНЯТИЯ «ХУДОЖЕСТВЕННОЕ НАСЛЕДИЕ» В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ

Анжела Викторовна Норманская

*Крымский университет культуры, искусств и туризма,
Симферополь, Россия,
anzelanormansky@gmail.com,
<https://orcid.org/0009-0005-5082-976X>*

А н н о т а ц и я. В статье рассматривается специфика интерпретации понятия «художественное наследие» в студенческой среде. Эмпирическим материалом послужили результаты анкетирования студентов крымских вузов по теме исследования, основной целью которого явилось привлечение студенческой аудитории к обсуждению значимости освоения художественного наследия на современном этапе. Сделан вывод о том, что у современных студентов сформировано положительное и четкое определение понятия художественного наследия в целом; уточнены популярные формы его освоения, а также обозначены особенности восприятия студентами интерпретации классических текстов.

К л ю ч е в ы е с л о в а: художественное наследие; студенческая среда; художественный образ; интерпретация классики

INTERPRETATION OF THE CONCEPT OF «ARTISTIC HERITAGE» AMONG STUDENTS

Anzhela V. Normanskaya

*Crimean University of Culture, Arts and Tourism,
Simferopol, Russia,
anzelanormansky@gmail.com,
<https://orcid.org/0009-0005-5082-976X>*

Abstract. This article examines the specifics of the interpretation of the concept of “artistic heritage” among students. The empirical material was the results of a survey of Crimean university students on the research topic, the purpose of which was to involve the student audience in discussing the understanding and importance of mastering the artistic heritage at the present stage. The study refers to an analysis of the author’s survey conducted among young people. As a result, we concluded that today the student

community has formed a positive and precise definition of the concept of artistic heritage as a whole, including clarifying popular forms of its development, as well as identifying the peculiarities of students' perception of the interpretation of classical texts.

Key words: artistic heritage; student environment; artistic image; interpretation of classics

Во взаимодействии культуры прошлого с современностью во многом именно художественное наследие является тем нарративом, который не позволит, особенно молодому поколению, предать забвению национальное достояние. В наследии отражаются значимые культурные смыслы эпохи, ее артефакты. Презентация данных смыслов происходила на протяжении веков в разных формах — от устного слова до виртуальной реальности. Необходимо понимать, что одной из приоритетных социокультурных задач сегодня является формирование у молодежи адекватного и конструктивного восприятия данных форм. В связи с этим актуальной остается проблема понимания самого художественного наследия, в частности того, для чего оно предназначено и какова его представленность в современных условиях.

В «Кратком словаре терминов изобразительного искусства» понятие «художественное наследие» трактуется следующим образом: «Произведения искусства прошлых эпох, изучение и критическое освоение которых служит исходным пунктом для дальнейшего творческого развития искусства современности» [Краткий словарь..., с. 103].

По нашему мнению, границы данного термина шире — это исторически сложившаяся система видов искусства, духовное достояние и социально-гуманитарное знание в концептуальном каркасе культурной и нравственной преемственности.

Следует отметить, что в настоящее время произошел своего рода культурологический поворот, предопределивший необходимость гармонизации потребностей общества в инновациях и традициях: «Культурологический поворот XXI века предопределен возрастанием потребности в междисциплинарном мышлении, необходимом для понимания усложненной полилоговой матрицы современной культуры с ее системой ценностно-смысловых связей, нелинейностью и неустойчивостью ее ткани, находящейся в процессе становления, не исключающей, а скорее стимулирующей общую направленность социокультурных процессов на гармонизацию потребностей общества в инновациях, с одной стороны, и в преемственности традиций и кумулятивности опыта, как имманентных свойств культуры описываемого типа — с другой» [Культурология в условиях вызовов XXI века, с. 12].

В связи с вышесказанным необходимо рассмотреть, каким образом традиции и инновации встраиваются в современную культуру студентов (в том числе это касается и интерпретации): формально (например, для получения положительной оценки) или глубоко и осознанно, с перспективой их дальнейшего использования.

Отметим, что формирование художественного наследия определяет функционирование социальной и культурной памяти. Согласно знаменитому высказыванию М. М. Бахтина, произведение «...должно войти в большое время — тогда оно перерастает то, чем было в свою эпоху. Непременным условием является благоприятный смысловой культурный контекст» [Бахтин, с. 350]. Ученый очень точно передал не только взаимосвязь литературного произведения и времени, но и в целом взаимосвязь всего художественного наследия с современностью. Именно на протяжении столетий, в «большом времени», мы наблюдаем, как произведения искусства раскрываются для последующих поколений в новом формате и способствуют формированию мировоззренческой рамки.

Рассмотрим, каким образом происходит процесс освоения наследия. В основе произведения находятся какой-либо художественный образ и событие, посредством которых предмет, пространство, текст осмысливаются потребителем как нечто ценное. Речь идет об определенной трансляции и трансляторах ценностей. В качестве этих трансляторов выступают семья, государство, образовательные учреждения, учреждения культуры, СМИ, интернет-сообщества и т. д. Любое содержание произведения в широком смысле этого слова связано системой художественных образов. А. Я. Флиер рассматривает системы художественных образов как «...эталонные нормы культуры. Такие нормы, отображенные в культурных образах каждой эпохи, способствуют воспитанию личностей, модальных для своего времени, адекватных господствующей идеологии и воспринимающих истину через эту идеологическую призму, а также социально самореализующихся в рамках модели, принятой в ту или иную эпоху» [Флиер, с. 2].

Вместе с тем возникает проблема определения системы и критериев отбора: как тексты культуры причисляются к наследию — по популярности и рейтингам или по определенному заказу и т. д. Формируется также определенная мода на наследие. Благодаря новым технологиям и средствам художественной выразительности эпатажные креативные постановки, виртуальные экскурсии, видеоигры, перформансы и т. д. дают возможность иного прочтения классических тем, сюжетов и образов.

В связи с этим необходимо аргументировать, почему возможны интерпретации художественного наследия. В контексте размышлений о взаимоотношении времени и древнего текста Д. С. Лихачев писал следующее: «Когда время произведения течет “открыто” и связано с историческим временем, в произведении легко могут совмещаться несколько временных рядов и последовательность событий может перестанавливаться. Ведь перестановки совершаются в этом случае на фоне исторического времени. Читатель или слушатель легко может поэтому ориентироваться в реальной последовательности событий, восстанавливать эту последовательность» [Лихачев, с. 246]. Сегодня мы можем опосредованно погрузиться в историю произведения благодаря определенным соглашениям между культурным кодом эпохи и содержанием текста.

Наследие также может рассматриваться как культурный слой. Но вместе с развитием самой культуры происходит развитие и наследия, его образа, который

меняется вместе с культурой. М. М. Бахтин утверждал: «Культуру эпохи, как бы далеко эта эпоха ни отстояла от нас во времени, нельзя замыкать в себе как нечто готовое, вполне завершённое и безвозвратно ушедшее, умершее» [Бахтин, с. 352]. Это своего рода метафора о культуре прошлого дает возможность понимания безграничности восприятия классического текста, в том числе множественности интерпретаций, в которых возникает новый смысл, взаимосвязанный с традицией.

Рассматривая интерпретацию художественного наследия в студенческой среде, особенно важно обратить внимание на адекватную трансляцию оригинала: отражение традиционных норм и ценностей, а также формирование конструктивных смыслов в целях культурного воспроизводства и развития. Студенческая молодежь — это представители молодого поколения, основной деятельностью которых является обучение в учебных заведениях и подготовка «к выполнению в обществе социальных функций, характеризующихся общностью быта, ценностных ориентаций и образа жизни» [Зборовский, с. 110]. Студенческая среда — это не только место учебы, локации вуза, но и свободное времяпрепровождение, интернет-коммуникации, досуг, хобби. Поэтому так важно, по нашему мнению, исследовать студенческую жизнь в целом.

Одно из приоритетных направлений в исследовании культуры студенческой среды — анализ отношения студентов к классическому наследию. Конкретной составляющей художественного наследия является художественное произведение, т. е. текст, обладающий эстетической и духовной ценностью. С одной стороны, здесь возникает проблема восприятия классических произведений как таковых, т. е. первоисточника. И прежде всего это связано не столько с актуальностью темы, сколько с ее культурной трансляцией (например, сложности в восприятии особенностей лексики определенной эпохи, бытового уклада, манер, этикета). В то же время упрощенные интерпретации классических произведений зачастую вызывают искажение первоначального содержания и допускают вольные трактовки культурного смысла в целом.

С другой стороны, необходимо обсудить главный вопрос: что для самого студента дает знакомство с текстом наследия, и каким образом он может с ним ознакомиться? Так, показательным является тот факт, что большой объем информации студенты получают из интернета. По мнению Н. Б. Кирилловой, «в отличие от традиционных медиа интернет помогает активному самостоятельному выстраиванию индивидуального информационно-коммуникационного поля, что делает его не просто средством хранения и передачи информации, а универсальной платформой социально-культурной деятельности и творческой активности личности» [Кириллова с. 529].

В ходе исследования нами было проведено анкетирование на тему «Отношение к художественному наследию в студенческой среде», в котором приняли участие 280 респондентов, являвшихся студентами пяти крымских вузов, из них 75 % составляли женщины и 25 % — мужчины; до 18 лет было 10,7 %, 18–25 лет — 83,6 %, 25–35 лет — 1,8 %, 36 лет и старше — 3,9 %. Основной целью опроса было привлечь студентов к обсуждению темы интерпретации художественного наследия. Вместе

с тем было уточнено, какие структурные элементы, локации, образы, культурные феномены молодые люди рассматривают в контексте заданной темы.

Не менее актуальной проблемой является презентация художественного наследия. Например, современные интерпретации классики зачастую максимально отличаются от оригинала либо искажают его содержание в угоду публике. Поскольку для студенческой молодежи в повседневной жизни одним из приоритетных занятий является общение и получение информации в социальных сетях, видеоигры, было также предложено высказать мнение, как можно использовать эти виды коммуникации для освоения художественного наследия.

В опросном листе представлено 19 вопросов: 12 вопросов закрытого типа, в том числе 4 вопроса со своим вариантом ответа; 1 открытый вопрос; 6 вопросов предполагали оценивание по пятибалльной шкале.

Большинство респондентов (93,3 %) справедливо считают, что художественное наследие — это культурные произведения и традиции, которые передаются из поколения в поколение и формируют нашу идентичность; 2,8 % указали, что это объекты, которые были созданы великими мастерами; 2,1 % отнесли к художественному наследию только современные произведения искусства, созданные в последние два десятилетия; 1,8 % определили наследие как коллекцию произведений, которые не имеют значимости и являются лишь частью старых архивов (рис. 1).

Рис. 1. Интерпретация понятия «художественное наследие»

В основном к художественному наследию студенты отнесли все указанные структурные элементы (литература, ИЗО, кинематограф, театр, наскальная

живопись, спорт, архитектура, музыка). В то же время в качестве собственных вариантов были предложены видеоигры, перформанс, хореография, традиции.

Одним из показательных моментов были ответы на вопрос о локациях и формах ознакомления с наследием (рис. 2). Ожидается, что большая часть респондентов предпочла интерактивные выставки (39,3 %) и уличные фестивали (29,2 %), так как данные локации включают игровое начало, интерактивное действие, элемент погружения в культуру и историю. Интернет-платформы выбрали 17,9 %, менее популярными формами оказались лекции — их назвали 13,6 %.

Рис. 2. Предпочитаемые формы и локации ознакомления с наследием

Среди важных элементов художественного наследия студенты отметили визуальные образы — 64,4 %, артефакты и памятники — 25,5 %, а мифы и древние тексты получили меньше всего голосов (8,6 % и 1,5 % соответственно).

К интерпретации в театре и кино студенческая аудитория отнеслась позитивно. Положительно оценили классические сюжеты в новом изложении 32,8 %, скорее положительно — 29,2 % респондентов, сюда же можно отнести нейтральные мнения о ремейках, снятых с уважением к оригиналу, — 28,1 %. В то же время отрицательное и скорее отрицательное отношение выразили 2,2 % и 7,7 % респондентов соответственно.

Часть вопросов была посвящена современному культурному феномену — видеоиграм. Мнения студентов о влиянии видеоигр на их оценку художественного наследия распределились следующим образом: *значительно влияют* — мнение 15,7 % респондентов; *частично* — 32,9 %; *незначительно* — 12,1 %; *напротив, отвлекают* — 8,9 %; *не играю в видеоигры* — 30,4 %.

По мнению студентов, видеоигры могут помочь в популяризации художественного наследия (32,9 %). Интересен тот факт, что 30,4 % молодых респондентов вообще не играют в видеоигры. Среди «играющих» 15,7 % указали, что игры значительно влияют на оценку художественного наследия; 12,1 % ответили, что мало влияют; видеоигры могут быть интересными, но иногда отвлекают от настоящего искусства — мнение 8,9 %. Тем не менее респонденты предложили задействовать видеоигры в популяризации наследия: включать больше элементов произведений искусства и культуры в сюжет игры (44,6 %); создавать игры на основе известных произведений (28,8 %); публиковать справочные материалы о культуре в играх (18,7 %); не допускать сцен насилия и искажения фактов истории (7,9 %).

Часть студентов обратила внимание на то, что платформы позволяют художникам взаимодействовать с аудиторией — 32,5 %; некоторые студенты считают, что социальные сети могут исказить восприятие искусства — 7,5 %, а доступность информации в соцсетях может привести к недостатку понимания культурных контекстов — 9,6 %.

Из предложенных источников информации о художественном наследии большинство студентов (45,5 %) выбрали интернет; 27,2 % — музеи и выставки, 22,5 % — книги и журналы и только 4,8 % — школьные уроки (рис. 3).

Рис. 3. Источники информации о культурном наследии

Использование пятибалльной шкалы позволило дополнить и уточнить предыдущие ответы. Оценки распределились следующим образом (рис. 4):

— представленность мифологических образов в искусстве большинство (34,4 %) оценили в 3 балла, 30,4 % — в 4 балла, 16,1 % — в 5 баллов, 15,3 % — в 2 балла, 3,8 % — в 1 балл;

— степень значимости мифологических образов для понимания художественного наследия 1,2 % респондентов оценили в 1 балл (совсем не помогает), 6,3 % — в 2 балла, 29,5 % — в 3 балла, 33,5 % — в 4 балла, 29,5 % — в 5 баллов (очень помогает);

— современные интерпретации классических произведений в кино и театре у 3,5 % респондентов получили 1 балл, у 8,7 % — 2 балла, у 36,9 % — 3 балла, у 33,3 % — 4 балла, у 17,6 % — 5 баллов;

— способствование видеоигр популяризации художественных произведений и наследия в целом 27,2 % оценили в 1 балл (не способствуют), 8,6 % — в 2 балла, 27,2 % — в 3 балла, 33,5 % — в 5 баллов (безусловно, да);

— значимость памятников культурного наследия как места отдыха или проведения мероприятий 2,6 % оценили в 1 балл (совсем нет), 5,1 % — в 2 балла, 23,4 % — в 3 балла, 33,5 % — в 4 балла, 35,4 % — в 5 баллов (очень важны);

— адаптированность музеев и галерей для привлечения молодежи у 5,6 % респондентов получила 1 балл (совсем нет), у 18,8 % — 2 балла, у 38 % — 3 балла, у 22 % — 4 балла, у 15,6 % — 5 баллов (полностью да).

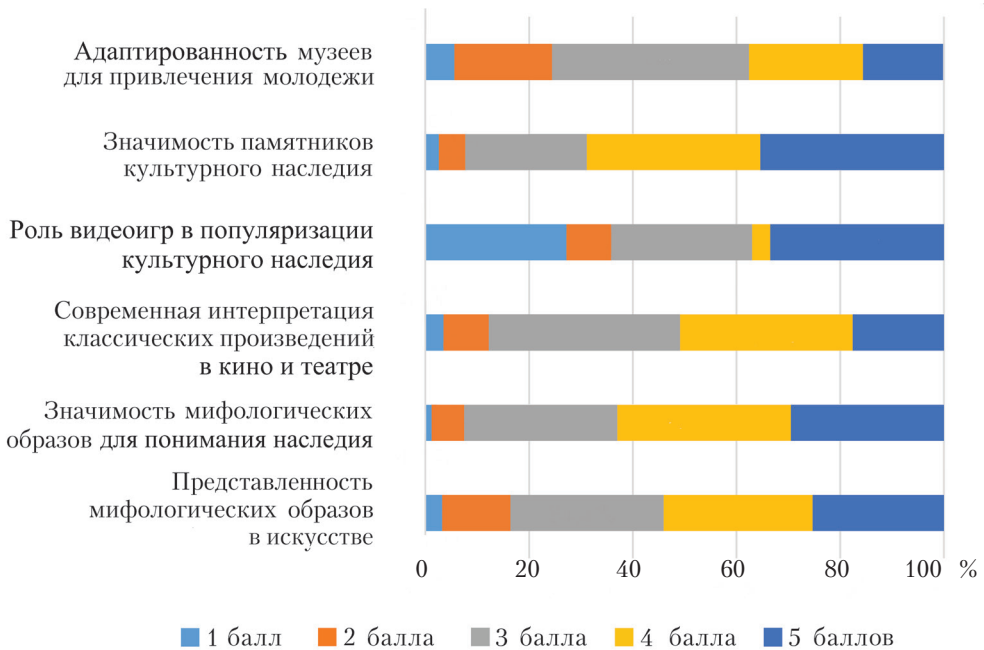

Рис. 4. Оценивание локаций и форм ознакомления с наследием по пятибалльной шкале

Особый интерес вызывают те методы и формы популяризации художественного наследия, которые были предложены самими студентами в рамках открытого вопроса. Приведем некоторые из них:

- развитие уличного искусства: превращение общественных пространств в галереи;
- проведение иммерсионных представлений;
- внедрение в школьные программы квестов по культуре и искусству;
- изготовление и презентация познавательных видеоклипов на тему искусства;
- «культурное волонтерство»: организация и проведение различных мероприятий самой молодежью;
- формирование программ по погружению посетителей в исторический и культурный контекст произведений;
- создание проектов по «погружению» в виртуальную реальность на месте реальных исторических событий;
- создание фан-групп и проведение фестивалей по мотивам сюжетов мифов или посвященных какими-либо событиям в истории культуры;
- визуализация классических произведений в формате видеоигр;
- выпуск принадлежностей для ПК в новом формате, где каждый атрибут будет кастомным и относиться к тому или иному культурному наследию, а в описании и инструкции прописаны детали и дана расшифровка;
- замена части лекций практическими занятиями, предполагающими бесплатное посещение объектов художественного наследия.

Выводы

Таким образом, мы установили, что восприятие студентами художественного наследия и его структуры, локаций, где можно ознакомиться с ним, является в большинстве случаев традиционным. В самом термине «художественное наследие» выделена ключевая точка — преемственность.

Следует отметить, что респонденты предпочитают интерактивные формы знакомства с культурными наследием, которые предполагают непосредственное участие, погружение в художественное и историческое пространство. Этому способствуют и социальные сети, интернет, а также видеоигры, в сюжет которых, по мнению респондентов, необходимо включать больше элементов из произведений искусства и культуры. Интересным является тот факт, что интерпретации классических сюжетов привлекают студенческую аудиторию больше, чем прочтение или просмотр оригинала. Во многом это зависит от новой подачи материала и технологий. На основе результатов анкетирования мы можем говорить о заинтересованности студентов в познании художественного наследия, понимании его значимости для культурного развития, стремлении к его самостоятельному освоению в процессе неформальных мероприятий.

Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / [прим. С. С. Аверинцева, С. Г. Бочарова]. 2-е изд. М., 1986.

Зборовский Г. Е. Социология управления. М., 2008.

Кириллова Н. Б. «Виртуальная реальность» и «виртуализация культуры» как концепты современной культурологии // *Обсерватория культуры*. 2017. Т. 14, № 5. С. 524–531.

Краткий словарь терминов изобразительного искусства / под ред. Г. Г. Обухова. М., 1961.

Культурология в условиях вызовов XXI века: новые тренды в образовании : моногр. / О. Н. Астафьева, Н. Б. Кириллова, О. В. Шлыкова [и др.] ; науч. ред. Н. Б. Кириллова. Екатеринбург, 2024.

Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд. М., 1979.

Флиер А. Я. Культурные нормы и культурные образы: историческая динамика. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnye-normy-i-kulturnye-obrazy-istoricheskaya-dinamika.pdf> (дата обращения: 20.03.2025).

Статья поступила в редакцию 31.03.2025 г.

Научная статья

УДК 730 + 73.027 + 165 + 111.8 + 304.2 + 7.067

DOI 10.15826/izv1.2025.31.3.047

СИМВОЛ И СИМУЛЯКР В СКУЛЬПТУРЕ: ОСОБЕННОСТИ ЗРИТЕЛЬСКОЙ РЕЦЕПЦИИ

Елена Юрьевна Лекус

*Санкт-Петербургская государственная
художественно-промышленная академия им. А. Л. Штиглица,
Санкт-Петербург, Россия,
lekus_elena@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-7752-2160>*

А н н о т а ц и я. Статья посвящена исследованию разных уровней восприятия символа и симулякра в искусстве (скульптуре) — денотативного, т. е. уровня, где происходит формирование значения, и коннотативного, на котором происходит осознание смысла. На примерах двух скульптурных произведений, установленных в Санкт-Петербурге, — «Медный всадник» (Э. М. Фальконе) и «Петр I» (М. Шемякин) — проводится анализ особенностей восприятия зрителем значений и смыслов в художественных символе и симулякре. И в том и в другом случае реципиент имеет дело с неоднозначно трактуемым образом, интерпретации которого зависят от разных контекстов — социального, культурного, политического, средового. Смысл монументального символа — «Медного всадника» — открывается в процессе трансцендирования, когда в сознании зрителя происходит разрешение противоречия между разными трактовками воспринимаемого им произведения. В арт-симулякре «Петр I» многочисленные значения/различия сменяют друг друга, не предполагая единства, благодаря чему смысл ширится и разрастается, как ризома. Эти две коннотативные модели восприятия одинаково важны для человека, поскольку через них он открывает разные грани в познании мира и собственного Я.

К л ю ч е в ы е с л о в а: символ; симулякр; скульптура; смысл; зритель; трансцендирование; контекст; «Медный всадник»; «Петр I»

**SYMBOL AND SIMULACRUM IN SCULPTURE:
SPECIALIST RECEPTION FEATURES****Elena Yu. Lekus**

*Saint Petersburg Stieglitz State Academy of Art and Design,
Saint Petersburg, Russia,
lekus_elena@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-7752-2160>*

A b s t r a c t. The article is devoted to the study of the specifics of perception of a symbol and simulacrum in art (sculpture) at the denotative level, where the viewer forms the meaning, and at the connotative level, where the viewer realizes the sense. The author analyzes characteristics of the viewer's perception of sense and meaning in artistic symbol and simulacrum on the example of two works in St. Petersburg — “The Bronze Horseman” (by E. M. Falconet) and “Peter the Great” (by M. Shemyakin). In both cases, the recipient deals with an ambiguously interpreted image. These interpretations depend on social, cultural, political, and environmental contexts. The meaning of the monumental symbol “The Bronze Horseman” is revealed in the process of transcendence, when the viewer resolves in his mind the contradictions between different interpretations of the work he perceives. In the art simulacrum “Peter the Great,” numerous meanings/differences replace each other without suggesting unity, due to which the meaning expands and grows like a rhizome. These two connotative models of perception are equally important for a person, since the viewer discovers different facets in the knowledge of the world and his own “I” through them.

К е y w o r d s: symbol; simulacrum; sculpture; meaning; viewer; transcendence; context; “The Bronze Horseman”; “Peter the Great”

Введение

Художественный символ и художественный симулякр — эстетические категории, каждая из которых по-своему раскрывает смыслообразующий потенциал искусства.

Будучи высшей формой выражения в искусстве, художественный символ обладает теми же характеристиками, что и символ в гуманитаристике и философии. В зависимости от того, с каких позиций исследователь подходит к изучению природы символического — с позиций герменевтики, семиотики, феноменологии, психологии — и на какую научную традицию опирается ученый, будут делаться акценты на тех или иных свойствах символа. В данной статье мы опираемся на то понимание символического, которое дано в работах отечественных философов и семиотиков, в частности П. Флоренского, А. Лосева, М. Лотмана, а также в трудах Э. Кассирера.

Смысл символа (в том числе и художественного) окончательно непостижим, поскольку он в отличие от обычного знака не указывает на что-либо напрямую и не является непосредственным отражением чего-либо, как это делает образ

в искусстве¹ (художественный символ всегда есть образ, но не каждый художественный образ есть символ). Символ призван выражать то, что не подлежит выражению ни в какой другой форме, кроме символической. Данная функция определяет специфику восприятия этой формы: значение и смысл не открываются сразу и полностью, символ задает направление для сверхчувственного переживания, он «позволяет обнаруживать и воспринимать те смыслы бытия, которые не объективируются и не осознаются в рациональных знаковых формах» [Абрамов, с. 73]. Это, в свою очередь, предполагает, что *восприятие человеком символа требует от реципиента развитой способности к абстрактному мышлению*, которое, как отмечает Э. Кассирер, «вместо самих вещей оперирует представляющими их символами» [Кассирер, с. 13].

Признание и последующее функционирование художественного символа в обществе и культуре конвенционально обусловлены. Из этого можно сделать несколько выводов. *Во-первых*, общественное признание символа в качестве такового косвенно свидетельствует о том, что целенаправленно его создать невозможно. Рождение символической формы происходит в результате совпадения ряда факторов: идея (смысл), воплощаемая в произведении, потенциально способном стать символом, должна иметь общезначимую ценность; для самой этой идеи необходимо найти максимально выразительное, точное и емкое художественное воплощение; наконец, должно существовать культурное сообщество, которое сможет распознать смысл, заложенный в произведении, и признать его священную ценность. *Во-вторых*, социальная и культурная «жизнь» символа зависит от исторического контекста: при смене политических режимов и идеологий, изменении мировоззренческих моделей и культурных кодов, а также трансформации предметно-пространственного окружения (среды) символ может утратить свое значение для человека, его смысл может перестать быть понятным людям или же признаваемая за ним ценность может перевоплотиться в антиценность. При этом на новых исторических витках символ способен «возрождаться», поскольку связанный с ним смысл вновь обретает ценность либо появляется и утверждается в обществе новая идея, которая, по мнению современников, созвучна уже существующей символической форме. *В-третьих*, символ выступает своего рода посредником между вечным миром трансцендентного (идеальное) и изменяющимся повседневным миром социального (реальное), подчиненным определенным правилам и нормам; следовательно, символ, обладая «вечным» смыслом [Лотман, с. 214] (неприкосновенным, окончательно и полностью непознаваемым «символическим ядром»), может не только интерпретироваться неоднозначно в разные исторические периоды и в разных социокультурных условиях, но и иметь различные трактовки, зависящие от уровня понимания символа разными людьми.

¹ Об этой особенности символа А. Ф. Лосев пишет: «Символ есть арена встречи обозначающего и обозначаемого, которые не имеют ничего общего между собою, но в то же самое время он есть сигнификация вещи, в которой отождествляется то, что по своему непосредственному содержанию не имеет ничего общего между собою, а именно — символизирующее и символизируемое» [Лосев, с. 34].

Смысловая многомерность символа и его зависимость от контекста позволяют нам соотносить художественные символ и симулякр, поскольку второй также не подлежит однозначной интерпретации и является не только ситуативно обусловленным, но и вообще не мыслимым вне контекста². И все же неоднозначность, которой обладает симулякр, имеет совсем иные корни, нежели те, что питают символическое. Смысловая неопределенность / неопределимость симулякра объясняются его антиреференциальной природой, т. е. разрывом связей между означающим и означаемым ввиду отсутствия последнего. Так, Ф. Джеймисон указывает на то, что «...референция и реальность полностью исчезают и даже значение (то есть означаемое) оказывается под вопросом. У нас не остается ничего, кроме чистой и случайной игры означающих» [Джеймисон, с. 245]. Это свойство симулякра сохраняется даже в том случае, если он внешне подобен какой-либо вещи. Данное подобие всегда мнимое, играющее с сознанием зрителя в игру «верю — не верю»: «...симуляция <...> ставит под сомнение различие между “истинным” и “ложным”, между “реальным” и “воображаемым”», — пишет Ж. Бодрийяр [Бодрийяр, 2015, с. 8]. Будучи «пустым» знаком, т. е. не указывающим ни на что, кроме самого себя, симулякр провоцирует зрителя на поиск оригинала, который каждый реципиент выбирает по своему усмотрению, а следовательно, значение и смысл симулятивного произведения зависят от воспринимающего — его культурного и эстетического бэкграунда, персонального опыта, воображения и фантазии. Контекст при этом играет роль не менее важную, чем та, которая определяет бытие символа в обществе и культуре. Однако масштаб в данном случае иной, поскольку ни о какой историчности речь здесь не идет. Контекст, в который художник / куратор или же сам зритель помещают симулякр, — это подсказка, точка отсчета, дающая возможность приступить к поиску наиболее подходящего значения увиденного и наделения его смыслом.

Символ передает «*пустое понятие*» [Мамардашвили, с. 26], которое не имеет конкретной формы воплощения, его материализация всегда условна и признаваема в результате общественной договоренности. Симулякр не транслирует ничего, он сам есть *пустая форма*, поскольку симуляция «исходит из утопичности принципа эквивалентности, из радикальной негации знака как ценности, из знака как реверсии, из умерщвления всякой референтности» [Бодрийяр, 2015, с. 12]. Тем не менее вариативность трактовок симулякра способна создавать иллюзию выхода на широкий горизонт смыслов. Однако это всего лишь иллюзия, поскольку восприятие симулятивной формы — это всегда скольжение по смысловой поверхности, тогда как восприятие символа — погружение в смысловую глубину и выход в пространство трансцендентного. С этой точки зрения *симулякр симулирует символ*.

Таким образом, отношения между означающим и означаемым складываются в символе и симулякре принципиально разными способами, а следовательно,

² В данной статье понятие «симулякр» используется в том значении, которое оно имеет в трудах философ-постмодернистов — Ж. Бодрийяра [Бодрийяр, 2000, 2015], Ж. Делеза [Делез, 1998], Ж. Деррида [Деррида], Ф. Джеймисона [Джеймисон].

формирование значения реципиентом и уяснение им смысла символического и симулятивного произведения также будут кардинально различаться. И тот и другой опыт ценны для человека, поскольку коммуникация с художественным символом открывает возможность проживания, сопереживания и присвоения смыслов, обладающих сверхважной для человека ценностью, тогда как взаимодействие с арт-симулякром развивает креативный потенциал реципиента, умение мыслить вне штампов и шаблонов, погружаться в свободную игру ассоциаций в поисках смысла.

Опираясь на сравнительный анализ двух скульптурных произведений, являющихся примерами символической и симулятивной художественных форм, попытаемся проиллюстрировать тезисы, изложенные выше.

Неоднозначность символа и симулякра

Образ Санкт-Петербурга — такой, каким он существует в социальном воображаемом, — неразрывно связан с образом его основателя. В городском пространстве существует несколько скульптурных произведений, посвященных личности Петра Великого. В данной статье мы обращаемся к двум из них, поскольку первое, несомненно, является примером художественного символа, тогда как второе — художественного симулякра. Речь идет о монументе «Медный всадник» на Сенатской площади³ и скульптуре «Петр I», установленной на территории Петропавловской крепости⁴. На первый взгляд как то, так и другое произведение демонстрирует художественный образ известной исторической личности. Это *десигнативный* уровень восприятия объекта изобразительного искусства, на котором происходит распознавание изображаемого; в обоих рассматриваемых примерах оно осуществляется зрителем без особого труда. Коммуникация же с произведениями на следующих уровнях — *денотативном* и *коннотативном* — протекает с целым рядом принципиальных различий: в процессе восприятия «Медного всадника» за визуальным изображением подготовленный зритель⁵ способен уловить, узреть смысл неизмеримо больший, чем тот, что несет в себе конный портрет императора (этот улавливаемый смысл или даже смыслы принадлежат миру трансцендентного); восприятие скульптуры «Петр I», созданной М. Шемякиным, отличает то, что авторская трактовка образа императора порождает такое множество вопросов, аллюзий, ассоциаций, что каждая из этих вырисовывающихся линий

³ Скульптор Э. М. Фальконе (при участии М. Колло и Ф. Гордеева), архитектор Ю. Фельген, 1768–1778 гг.

⁴ Скульптор М. Шемякин, архитекторы В. Бухаев и А. Васильев, 1991 г.

⁵ Подчеркивая необходимость подготовленности зрителя к восприятию, мы имеем в виду то, о чем говорит в одной из своих книг С. С. Аванесов, который, исследуя разные уровни восприятия произведения — десигнативный, денотативный, коннотативный, обращает внимание на то, что для выхода на последний уровень, где человеку открывается смысл произведения, необходимо знание культурного кода [Аванесов, с. 165]. Именно культурный код позволяет проникнуть в глубь значения изображаемого.

способна привести к установлению самостоятельного значения и прояснению собственного смысла.

О замысле своего произведения Э. М. Фальконе писал следующее: «Мой монумент будет прост. Там не будет ни варварства, ни любви народов, ни олицетворения народа. Я ограничусь только статуей этого героя, которого я не трактую как великого полководца, или как победителя, хотя он, конечно, был и тем и другим. Гораздо важнее личность создателя, законодателя, благодетеля своей страны, ее и надо показать людям. Мой царь не держит никакого жезла, он простирает свою благодетельную руку над объезжаемой им страной. Он поднимается на верх скалы, служащей ему пьедесталом, — это эмблема преодоленных им трудностей» [Фальконе, с. 155]. Уже из приведенного описания становится ясно, что для воплощения замысла скульптору потребовалось нечто большее, чем достижение портретного сходства с историческим персонажем и использование традиционной для изображения монарших особ атрибутики. В результате мы имеем произведение, которое требует созерцательности [Лекус, с. 441–442] — погруженности в образ и умения сводить воедино его составляющие: величественную фигуру всадника, облаченного в просторные одежды, наподобие тех одеяний, что носили римские императоры-полководцы или русские князья; шкуру медведя, которая заменяет царственному седоку седло; властные, полные силы и энергии движения императора, умиряющего одной рукой коня, который рвется вперед с вершины скалы и топчет копытами извивающуюся бронзовую змею, а другой указывающего вдаль, в грядущее и одновременно этим жестом присваивающего не только окружающее его пространство, но подчиняющего себе прошлое, настоящее и будущее (рис. 1).

Рис. 1. Медный всадник. Скульптор Э. М. Фальконе, архитектор Ю. Фельтен, 1768–1778 гг., Санкт-Петербург. Фото: Tatiana-Italy / Shutterstock⁶

⁶ Источник: https://spb.sutochno.ru/info/gorod?utm_medium=organic&utm_source=yandexsmartcamera

Глубокая смысловая перспектива, на которую выводит созерцание этого произведения, по праву ставшего бессменным символом Петербурга, позволяла на разных исторических этапах раскрывать все новые грани символического: за образом самодержца выделялись и революционные изменения в традиционной стране, исторический вектор которой радикально изменился в ходе Петровских реформ; и судьбоносное решение о создании города, которому было суждено стать «окном в Европу», городом трех революций, пережившим блокаду героем, культурной столицей России; и судьба терпеливой, но никому не покоряющейся нации; и своеобразии русской культуры, обусловленное тем, что «в России сталкиваются и приходят во взаимодействие два потока мировой истории — Восток и Запад» [Бердяев, с. 31]; и многое другое. Не случайно образ «Медного всадника» появляется в литературных текстах, в работах художников прошлого и нынешнего времени, в местном фольклоре и городских легендах.

Множественные смысловые грани этого символа не распадаются на различия (как это происходит в симулякре) и не существуют сами по себе; они создают сложную систему диалектических противоречий: между цивилизацией и варварством, культурой и невежеством, революционностью и догматизмом, покорностью и свободолюбием. Эти противоречия развиваются в едином русле и находят свое разрешение в процессе трансцендирования к *метафизике Санкт-Петербурга* — города, в самом имени которого сливаются священное и земное. В этом и состоит суть символического — соединение, казалось бы, несоединимого⁷ ради рождения нового качества — смысла, непознаваемого эмпирическим путем, но постижимого через абстрагирование.

Что касается второго произведения, то в нем М. Шемякин интерпретирует образ императора столь неоднозначно и провокативно, что зритель оказывается перед дилеммой: либо остаться в недоумении от утрированных в скульптуре пропорций фигуры, неестественной позы и непокрытой головы самодержца, либо погрузиться (вслед за автором этой художественной работы) в *деконструкцию*, в ходе которой становится возможным нахождение множества вероятных и не противоречащих друг другу трактовок данного произведения. С характерным для постмодернистской городской скульптуры скрупулезным вниманием к мелким деталям Шемякин воспроизводит все элементы костюма монарха, одетого в соответствии с модой первой трети XVIII в. Эта документальная точность в изображении одеяния на первый взгляд контрастирует с изображением головы императора: лишенная убора, парика и волос, она выглядит словно приставленной к торсу. Кроме того, благодаря такому решению еще более заметным становятся диспропорции этой угловатой, неестественно вытянутой фигуры, напряженно застывшей в кресле. Однако при более внимательном взгляде на бронзовое лицо Петра I становится заметной его натуралистичность, по сравнению с которой детализация в изображении одеяния воспринимается уже нарочитой, превращающей

⁷ Слово «символ» ведет свое происхождение от греческого *σύμβολον* — *знак, примета*, которое связано с глаголом *συνβάλλω* — *соединяю, сталкиваю*.

платье в театральный или маскарадный костюм. Вероятно, такой эффект возникает из-за того, что художник использовал при работе над скульптурой прижизненную маску императора, изготовленную К. Растрелли: это словно карнавал наоборот — портретная маска не прячет, а создает лицо. В результате всех этих манипуляций и возникает то продуманное несоответствие, которое притягивает и удерживает внимание зрителя, погружает его в контекст, где драма отечественной истории обретает карнавальное проявление, а двойственность, отличающая театральное действие, способна обернуться сложной амбивалентностью в основе русской культуры. Размышляя об этом произведении, Д. Лихачев писал: «Петр устроил из России грандиозный карнавал: передел всех в кургузые одежды, казавшиеся смешными, постриг бороды, завел непривычные маскарады и действия, завел кунсткамеру, где выставял уродов и всякие необычности, многое переименовал и перефасонил на иностранный лад, всегда казавшийся русским смешным и несерьезным. <...> Россию, как сценическую площадку, он придвинул к самому краю своего государства: смотрите, любуйтесь через огромную оркестровую яму Балтийского моря» [Лихачев, 2000а]. Серьезность и фундаментальность исторических последствий Петровских реформ граничат в произведении Шемякина с театральностью действия, разворачивающегося не только на территории страны, но выходящего на мировые подмостки. В этой постироничной фантазмагории фигура инициатора этих трансформаций предстает во множестве смысловых отсылок: в образе императора Петра открываются черты *харизматичного, дальновидного лидера*, который строил новое государство, и *реформатора-самодура*, насильственно внедряющего в патриархальную страну чуждые ей европейские новшества; *рачительного, работающего хозяина*, заботящегося о благе народа, и *безжалостного тирана*, не терпевшего вольнодумства; *основателя города*, разгневанного результатами деяний следующих поколений, и нашего *современника*, с нетерпением ждущего момента, чтобы покинуть свое кресло и погрузиться в напряженную работу; *обычного человека* со всеми его противоречивыми проявлениями и *главной фигуры* на историческом маскараде (рис. 2).

Если символический смысл «Медного всадника» открывается благодаря тому, что зритель приводит к единству разные трактовки воспринимаемого им произведения, то в скульптурном симулякре, созданном Шемякиным, смысловое поле разрастается подобно ризоме⁸, поскольку многочисленные значения / различия сменяют друг друга и *не предполагают единства*.

Сравнительный анализ восприятия символа и симулякра на примере «Медного всадника» Э. М. Фальконе и «Петра I» М. Шемякина был бы неполным без сопоставления их средовых контекстов, поскольку предметно-пространственное

⁸ Согласно авторам термина «ризома» (фр. *rhizome* — корневище) — Ж. Делезу и Ф. Гваттари, которые ввели его в научный оборот в рамках постнеклассической философии, данное понятие означает, что «семиотические звенья любой природы соединяются здесь <в ризоме> с крайне различными способами кодирования — биологическими, политическими, экономическими и т. д., запускающими в игру не только разные режимы знаков, но также и статусы состояния вещей» [Делез, Гваттари, с. 12].

окружение играет в равной степени важную роль в формировании условий как для трансцендирования («Медный всадник»), так и для смысловой игры («Петр I»).

Рис. 2. Памятник Петру I. Скульптор М. Шемякин, архитекторы В. Бухаев и А. Васильев, 1991 г., Санкт-Петербург. Фото М. Захаренкова⁹

Роль средового контекста при восприятии символа и симулякра

Обращаясь к сопоставлению средовых контекстов рассматриваемых произведений, следует сразу подчеркнуть, что мы имеем в виду не только синтез архитектуры и скульптуры — концепт, доминировавший в истории художественной

⁹Источник: <https://mihfond.ru/mihail-chemiakin/creativity/monuments>

культуры до конца XIX в. и частично сохранившийся в XX и XXI в.¹⁰, но прежде всего нас интересует то, какое значение имеет предметно-пространственное окружение для усиления смыслового потенциала символа и симулякра.

Место, в котором находится «Медный всадник», уже само по себе является исторической и культурной доминантой Северной столицы: ансамбль Сенатской площади, таким, каким мы его знаем сейчас, складывался постепенно, однако и прежде, и в наши дни площадь была и остается одним из наиболее значимых мест Санкт-Петербурга. Первый российский монумент установлен таким образом, что его «фасад» обращен к просторам Невы — именно туда, к другому берегу и дальше, за крыши зданий, за горизонт указывает простертая рука великого Петра; с других сторон конную скульптуру окружают здания, представляющие историко-культурную, эстетическую и государственную ценность для города, — Исаакиевский собор, здание Сената и Синода, Адмиралтейство и видимый в перспективе Мариинский дворец. В данном случае мы наблюдаем яркий пример того, как природный ландшафт, архитектурный облик, исторический, социальный и культурный контексты среды умножают силу монументального символа, который, в свою очередь, осеняет окружающее пространство и задает его смысловой центр.

Средовой контекст, в который оказался помещен «Петр I» Шемякина, также работает на смысловое потенцирование произведения, но в данном случае не на централизацию смысла, а на его ризоморфное разрастание. Первоначально в качестве места установки своей работы сам автор видел Летний сад, что вполне соответствовало камерному характеру скульптуры. Сегодня мы можем только представлять, как бы выглядел сидящий в кресле бронзовый император в Летнем саду, глядя на авторскую копию этого произведения, расположенную во дворе замка XI в. в Лоше (Франция)¹¹. «Французский» Петр ничем не отличается от своего петербургского родственника — это скульптуры-близнецы. Однако именно средовой контекст сильно меняет восприятие данного произведения, причем не только его значение, а следовательно, и смысл, но и его визуальный образ. Среди зелени и средневековой архитектуры, в иных исторических и социокультурных условиях, в другой эстетической системе грозный царь предстает меланхолично задумчивым и утратившим суровость обличительного взгляда, отличающую петербургский оригинал. Окружение, влияющее на восприятие скульптуры, задает совершенно иной ассоциативный ряд, и смысл произведения получает новые направления для разрастания.

¹⁰Так, например, Р. Краусс пишет о том, что «именно в модернистский период скульптура определяется феноменом утраты места: монумент уподобляется некой абстракции, чистому обозначению или постаменту, функционально лишённому места и самореферентному» [Краусс, с. 272]. Схожую точку зрения ранее выразил и Г. Рид, который также полагает, что разрыв связи между архитектурой и скульптурой, с одной стороны, освободил последнюю и сделал ее самостоятельным видом искусства, а с другой — закрыл возможность для развития монументальности [Read, p. 14].

¹¹Об этом произведении упоминает в одной из своих статей Д. Лихачев [Лихачев, 2000б].

Но вернемся к средовому контексту петербургского произведения М. Шемякина. Петропавловская крепость, которая стала его пристанищем, является одним из знаковых объектов города и его архитектурным символом, который обладает всеми характерными особенностями символической формы, рассмотренными выше, — неоднозначностью и зависимостью от исторических изменений. За время своего существования крепость обрела множество коннотаций: она несет в себе смыслы оборонительного сооружения, положившего начало строительству великого города на берегах Невы; места упокоения членов императорской семьи, начиная с самого Петра I; государственной тюрьмы, в застенках которой в прошлом содержали политзаключенных; музея и культурного центра, в котором проводятся выставки и другие социально значимые мероприятия. Восприятие неоднозначной скульптуры, помещенной в столь же многослойный историко-культурный контекст, обогащается, становится усложненным за счет получения новых возможностей для интерпретации смысла произведения.

Заключение

Анализ двух эстетических категорий — художественного символа и арт-симулякра, осуществленный на примере конкретных произведений, показывает, что искусство обладает богатыми возможностями в применении разных методов коннотации. Символ и симулякр, выбранные как максимально удаленные друг от друга формы образной выразительности, позволяют раскрыть смыслообразующий потенциал художественного творчества: от выражения смысла, принадлежащего трансцендентной реальности (символ), до создания ситуации, при которой смысл ветвится, разрастается, обретая свойства ризомы (симулякр). Каждая из этих коннотативных моделей представляет ценность как для художника, так и для его зрителя, поскольку в данных моделях находят отражение диаметрально противоположные, но в равной степени присущие человеку способы познания мира и самого себя.

Абрамов М. Г. Знак и символ // Человек. 2006. № 3. С. 72–79.

Аванесов С. Город как культурный проект: Начала гуманитарной урбанистики. М., 2024.

Бердяев Н. Русская идея. СПб., 2008.

Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / пер. с фр. С. Н. Зенкина. М., 2000.

Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / пер. с фр. А. Качалова. М., 2015.

Делез Ж. Различие и повторение / пер. с фр. Н. Б. Манковской, Э. П. Юровской. СПб., 1998.

Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: капитализм и шизофрения / пер. с фр. Екатеринбург ; Москва, 2010.

Деррида Ж. Письмо и различие / пер. с фр. под ред. В. Лапицкого. СПб., 2000.

Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма / пер. с англ. Д. Кралечкина. М., 2019.

Кассирер Э. Философия символических форм. Т. 3 : Феноменология познания / пер. С. А. Ромашко. М. ; СПб., 2002.

Краусс Р. Подлинность авангарда и другие модернистские мифы / пер. с англ. А. Матвеевой и др. М., 2003.

Лекус Е. Ю. Монумент в эпоху «кризиса повествования» // Идеи и идеалы. 2025. Т. 17, № 1, ч. 2. С. 434–447. <https://www.doi.org/10.17212/2075-0862-2025-17.1.2-434-447>

Лихачев Д. С. Михаил Шемякин и Петербург // Мир Шемякина : сб. искусствовед. ст. и лит. эссе. Вып. 1 / гл. ред. Л. У. Звонарева. Нью-Йорк ; Москва ; Рязань, 2000а. С. 18–19. URL: <https://mihfond.ru/mihail-chemiakin/creativity/monuments/statya-lihachev-d-s-mihail-shemyakin-i-peterburg-petra-pervogo> (дата обращения: 01.04.2025).

Лихачев Д. С. Статуя Петра Великого Михаила Шемякина в Петропавловской крепости // Мир Шемякина : сб. искусствовед. ст. и лит. эссе. Вып. 1 / гл. ред. Л. У. Звонарева. Нью-Йорк ; Москва ; Рязань, 2000б. С. 20–21. URL: <https://mihfond.ru/mihail-chemiakin/creativity/monuments/statya-lihachev-d-s-mihail-shemyakin-i-peterburg-petra-pervogo> (дата обращения: 01.04.2025).

Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1995.

Лотман Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства / сост. Р. Г. Григорьев. СПб., 2002.

Мамардашвили М. К. Введение в философию. М., 2019.

Фальконе Э. М. Из Переписки. Письмо к Дени Дидро // Мастера искусства об искусстве. Т. 2 / под. ред. Д. Аркина. М. ; Л., 1936. С. 155.

Read H. The art of sculpture. L., 1956.

Статья поступила в редакцию 11.04.2025 г.

Научная статья

УДК 792.82(470.54-25) + 793.3 + 78.071.2 + 7.01

DOI 10.15826/izv1.2025.31.3.048

БАЛЕТЫ М. ФОКИНА НА СЦЕНЕ ЕКАТЕРИНБУРГСКОГО ТЕАТРА (к проблеме культурной реставрации и художественной интерпретации)

**Ольга Леонидовна Девятова¹
Александра Алексеевна Пичуева²**

^{1,2} *Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия*

¹sonare-9@inbox.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-2289-037X>

²alexandra.pichueva@urfu.ru,

<https://orcid.org/0000-0003-3628-3519>

А н н о т а ц и я. Статья посвящена актуальным проблемам современной танцевальной культуры, связанным с художественной интерпретацией классического наследия, которое сегодня, в условиях культуры России XXI в., требует нового творческого осмысления. На основе анализа балетных спектаклей екатеринбургского театра «Урал Опера Балет», созданных в традициях культуры Серебряного века (хореография М. М. Фокина и сценография художников-«мирискусников»), доказывается плодотворность различных подходов к балетной классике: реставрации («Шопениана»), реставрации и реконструкции («Карнавал») и художественной творческой интерпретации («Картинки с выставки»).

К л ю ч е в ы е с л о в а: танцевальная культура; балет; реставрация; реконструкция; интерпретация; хореография

**M. FOKIN'S BALLETS ON THE STAGE
OF THE EKATERINBURG THEATRE
(To the Problem of Cultural Restoration and Artistic Interpretation)**

**Olga L. Devyatova¹
Alexandra A. Pichueva²**

*^{1,2} Ural Federal University,
Ekaterinburg, Russia*

¹sonare-9@inbox.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-2289-037X>

²alexandra.pichueva@urfu.ru,

<https://orcid.org/0000-0003-3628-3519>

Abstract. The article is devoted to the actual problems of modern dance culture related to the artistic interpretation of classical heritage, which, in the cultural conditions of the 21st century in Russia, requires a new creative understanding. The analysis of three ballet plays, performed at “Ural Opera Ballet”, created in the cultural traditions of Russian Silver Age (choreography by M. M. Fokin and scenography of the “World of Art” performers), proves the viability of different approaches to ballet classics: restoration (“Chopiniana”), restoration and reconstruction (“Carnival”), and creative interpretation of the artist (“Pictures at an Exhibition”).

Key words: dance culture; ballet; restoration; reconstruction; interpretation; choreography

Введение

Проблема культурной и художественной интерпретации в современной танцевальной культуре является одной из самых актуальных в свете необходимости нового осмысления традиций, сложившихся в России в XIX и XX вв. Этот вопрос непосредственно касается и классического балета, который в социокультурных условиях XXI в. ищет новые хореографические, сценографические и иные приемы, позволяющие представить шедевры прошлого в привлекательном и интересном для современного зрителя виде.

В научной литературе проблеме культурной реставрации и интерпретации посвящены многие работы теоретиков культуры и практиков танца. Говоря о реставрации и реконструкции, нам необходимо понимать механизм того, что мы называем традицией, ведь специалисты реконструируют именно ее, возвращаются именно к ней. Так, Э. С. Маркарян в своих трудах вводит понятие «культурная традиция», которую он определяет как «выраженный в социально организованных стереотипах групповой опыт, который путем пространственно-временной трансмиссии аккумулируется и воспроизводится в различных человеческих коллективах» [Маркарян, с. 80]. Важно отметить, что в современной танцевальной культуре крайне актуален именно вопрос о реставрационной деятельности, которая позволяет не только сохранить, но и вернуть в репертуар театров классические произведения.

Ю. П. Бурлака справедливо отмечает: «Вопрос о новых режиссерских и хореографических редакциях балетов классического наследия возник давно. Но в последнее время дискуссии на эту тему стали особенно острыми в свете появления на сцене “спектаклей-реконструкций”» [Бурлака]. О. В. Грызунова и В. В. Омельницкая, при всей остроте вопроса сохранения и возобновления классических спектаклей, придерживаются демократичной точки зрения на работу балетмейстера: «Как и всякий передаваемый текст, текст хореографический допускает авторскую интерпретацию, но все же в рамках изначально заложенного смысла» [Грызунова, Омельницкая, с. 67]. Почему эти вопросы вообще имеют место в современной культуре? Ф. В. Лопухов-младший, обращаясь к контексту эпохи, в которую появились балетные шедевры, утверждает: «Многие спектакли золотого фонда сохранились для нас уже не в первозданном, а в отреставрированном виде. Тому есть объективные причины. История России XX в. была очень бурной, наполненной событиями и далеко не всегда справедливой по отношению к собственной культуре и искусству. От этого было утрачено немало сокровищ искусства, и хореография — не исключение» [Лопухов-младший]. Однако исследователь отмечает: «И все же балет — едва ли не единственный вид искусства, сохранившийся с эпохи императорских театров, прошедший сквозь советское время с наименьшими потерями и приумножившийся новыми шедеврами. Великие годы первой половины XX века подарили миру многих выдающихся деятелей хореографии, сохранивших золотой фонд предыдущей великой эпохи балетного академизма. В их числе: Михаил Фокин, Федор Лопухов, Агриппина Ваганова, Василий Вайнонен, Вахтанг Чабукиани, Константин Сергеев. И это неполный список творцов, сохранивших золотой фонд предыдущей великой эпохи балетного академизма» [Там же].

Однако, несмотря на ряд трудов, эта проблематика пока осмыслена недостаточно, тем более в культурологическом аспекте, и требует новых исследований. В данной статье она рассматривается на примере спектаклей екатеринбургского театра «Урал Опера Балет», своеобразного триптиха, включающего балеты Михаила Фокина «Шопениана» и «Карнавал», а также балет «Картинки с выставки» (премьера состоялась 5 июля 2024 г.).

Результаты исследования

Балет «Шопениана» поставлен в Екатеринбурге на основе возобновленной версии, созданной в свое время Королевским балетом Великобритании, которую представили бывшие участники труппы М. Фокина, а позднее С. Дягилева, режиссер и администратор Сергей Григорьев и Любовь Чернышева. Спектакль основан на сценографии и хореографии знаменитого балетмейстера, прославившегося главным образом в сотрудничестве с С. Дягилевым в «Русских сезонах» в Париже (балеты И. Стравинского «Жар-птица», «Петрушка» и др.), но создавшего свою «Шопениану» (в двух редакциях) еще до знакомства с антрепренером.

В спектакле звучит фортепианная музыка Шопена (ноктюрн, прелюдии, мазурки, вальсы) в инструментовке композитора Александра Глазунова (Вальс

до-диез минор) и кларнетиста и капельмейстера Мориса Келлера (все другие номера). В екатеринбургском театре этот балет был впервые поставлен в 1925 г., а настоящая постановка является в его репертуаре пятой по счету. Постановщики (дирижер Артем Абашев, балетмейстеры Наталья Большакова и Вадим Гуляев, художник Альона Пикалова и др.) стремились сохранить дух культуры Серебряного века, традиции дягилевской антрепризы и своеобразие уникальной в своем роде хореографии Михаила Фокина, озвученной гениальной музыкой Шопена, а также соответствующей декоративно-художественному оформлению и эскизам выдающихся художников «Мира искусства» Александра Бенуа и Льва Бакста.

Фокин обращался к постановке этого балета дважды, сначала в рамках благотворительного спектакля «Евника» (1908), а затем в созданной заново собственно «Шопениане», которая потом получила название «Сильфида» (1909). Как писал Фокин, для первого спектакля он «поставил пять коротких картин на музыку Шопена». Своего рода толчком послужили оркестрованные А. К. Глазуновым фортепианные пьесы Шопена, которые составили своеобразную сюиту, названную им «Шопениана» (сюита создана в 1892 г., а впервые исполнена в 1893 г.).

Фокин отмечал: «Я решил поставить каждую пьесу как отдельную самостоятельную картинку. Глазунов не только отнесся сочувственно к мысли применить его партитуру для балетной композиции, но даже по моей просьбе оркестровал добавочный номер — Вальс до-диез минор. Этот вальс мне понадобился потому, что большинство других номеров требовало постановки характерных танцев, а мне хотелось создать один танец на пальцах и в длинных тюниках а la Тальони. Глазунов восхитительно оркестровал вальс. Я всегда стоял за то, чтобы при оркестровке для балета фортепианных произведений таких композиторов, как Шуман, Шопен, не вставлялись дополнительные темы, не делались попытки усовершенствовать оригинал» [Фокин, с. 172–173]. Интересно, что Глазунов в своей оркестровке соединил музыку вальса во вступлении с этюдом Шопена до-диез минор, что вызвало некое негодование современников, в частности, известного певца Мариинского театра Ивана Ершова. Однако мастерство оркестровки Глазунова заключалось в том, что оно не «закрыло» и не испортило музыку вальса, а, напротив, тонко оттенило ее. Такой бережный подход и композитора, и балетмейстера к музыке свидетельствовал о высоком культурном уровне этих мастеров и подлинной музыкальности Фокина, благодаря которой впоследствии и был создан этот балетный шедевр, теперь оживший на сцене театра «Урал Опера Балет».

Очень выразительно писал Фокин о костюмах, созданных Л. Бакстом для А. Павловой и М. Обухова: «В вальсе Павлова появлялась в костюме Тальони. Рисовал его Бакст. Это было просто повторение гравюр 1840-х гг. Обухов был одет в очень романтический черный бархатный костюм из балета “Фея кукол”, тоже по рисунку Бакста» [Там же, с. 173–174]. Важной представляется фокинская характеристика хореографии вальса, которая сохранена и в версии екатеринбургского театра: «Постановка вальса отличалась от всех балетных *pas de deus* полным отсутствием трюков. Ни одного антраша, никаких туров, пируэтов (медленный поворот балерины в руках кавалера в трио вальса нельзя назвать пируэтом; смысл

этого движения не в верчении, а в смене поз, жестов, группировок). Сочиняя вальс, я не ставил себе никаких правил, никаких запретов. Я просто не мог себе представить какого-нибудь тур де форса под самый поэтичный, лирический вальс Шопена» [Фокин, с. 173–174]. В хореографии танца Фокин стремился к «правде жеста» и «правде движения», которая должна соответствовать музыке и сущности образа. По его мысли, «...одно и то же движение получает совершенно иной смысл в зависимости от того, опускается ли танцовщица в такт музыки или подымается. В первом случае, как бы отбивая такт или долю такта ногой, она выражает уверенность, во втором, то есть взвываясь на воздух или на кончик пальцев, — легкость, воздушность, неземную сущность фантастического существа» [Там же, с. 175]. «Павлова и Обухов, — как писал Фокин, — восхитительно исполнили композицию, ничего не меняя, не прибавляя и не упустив ни единой детали. Я увидел воплощение моей мечты, мечты о балете, совершенно не похожей на то, что я привык видеть на сцене Мариинского театра. Тогда-то мне пришла мысль создать целый балет из таких сильфид, порхающих вокруг одинокого юноши, влюбленного в Красоту» [Там же].

В своих воспоминаниях о первой постановке «Шопенианы» Фокин пишет также о роли характерных танцев (полонез, мазурка, ноктюрн, тарантелла). В спектакле в картине свадьбы в польской деревне исполнялась зажигательная итальянская тарантелла и др. На сцене появлялся и сам Шопен на острове Майорка, за роялем, и мимически представлялась его устремленность к прекрасной, вдохновляющей композитора на творчество Музе и т. д.

В спектакле екатеринбургского театра, опирающегося на более позднюю (вторую) версию «Шопенианы», акцент сделан на воплощение прекрасной лирико-поэтической, одухотворенной музыки в танцах женского кордебалета, воздушных сильфид, образующих красивые композиции, стройные «фигуры», «па», передающие особую легкость, невесомость этих мифических существ, их красоту и грацию. В хореографии спектакля (перестановка поз, группировка, смена жестов) всем исполнительницам кордебалета, а также солистке и солисту удалось передать отмеченные в свое время Л. Блок «поющую линию» и «тающие руки», составляющие душу второй «Шопенианы». Об этой постановке, которой Фокин дал подзаголовок «Романтическая греза», он писал, что «хотел создать то же самое, что сказал уже год назад, когда ставил Вальс до-диез минор Шопена для Павловой и Обухова в своей первой “Шопениане”. <...> Мой новый балет был в сущности развитием этого вальса, повторением того же опыта, но в более широком масштабе» [Фокин, с. 208].

Важными представляются и следующие суждения Фокина о балетном танце, в котором он стремился отойти от акробатических трюков, ориентированных на движения ног, «прямую спину» и не учитывающих «всю пластику корпуса». Фокин создал поэтический балет, который в определенной мере был своего рода реставрацией «гравюр, литографии балерин романтического балета (Тальони, Гризи, Черрито и др.)». «Я ясно видел, — писал он, — что танец их был другим, что цели их были совсем иными. Не демонстрация мускульной силы, а чистая

поэзия» [Фокин, с. 210]. В своей новой «Шопениане» он «...старался не удивлять новизной, а вернуть условный балетный танец к моменту его высочайшего развития» [Там же, с. 208]. «Так ли танцевали наши балетные предки, я не знаю. И никто не знает. Но в мечтах моих они танцевали именно так...», — писал хореограф [Там же]. Фокин образно характеризовал всех исполнительниц, солирующих в его второй «Шопениане», — Павлову с ее воздушным, летящим прыжком, Карсавину, демонстрирующую в исполнении вальса особый романтизм, которым не обладали другие балерины, Преображенскую, которая в Прелюде «замирала на пальцах одной ноги и в танце, почти лишенном прыжков, достигала впечатления воздушности» [Там же, с. 211]. Партия Юноши, созданная специально для В. Нижинского, по мнению Фокина, была одной из лучших его ролей. В связи с этим Фокин высказал важные суждения о специфике «абстрактного балета», в котором танцовщик был не исполнитель «па», не «попрыгунчик», а «поэтический образ». «Танцы этого юноши-поэта были совершенно не похожи на обычные мужские танцы в балете» [Там же, с. 215]. Для Фокина был важен в танце Юноши его смысл. Он говорил исполнителям: «“Не танцуйте для публики, не показывайте себя, не любуйтесь собой... наоборот, вы должны видеть не себя, а окружающих вас легких сильфид, на них вы смотрите, когда танцуете, ими любуйтесь, к ним тянитесь...”» [Там же]. «Этот жест порыва в какой-то иной фантастический мир, это влечение куда-то, это и есть основной жест данного танца», — писал он далее [Там же]. Выразительный образ Юноши вполне вписывался в фокинскую концепцию «мечты о Красоте». Всем исполнителям спектакля екатеринбургского театра «Урал Опера Балет» в полной мере, на наш взгляд, удастся соответствовать отмеченным рекомендациям и пожеланиям Фокина, в результате чего получится очень тонкий, изысканный, наполненный скрытыми смыслами и таинственными грезами спектакль, погружающий слушателя-зрителя в неповторимую атмосферу поэтичной музыки Шопена и культуры Серебряного века. В. Гаевский писал: «Все движется, точно в полусне, ритмы плывущие, линии удлинены, как удлинены старинные пачки. <...> линии склоненных головок, изогнутых и переплетенных рук, изысканно искривленных траекторий, теряющиеся очертания пробежек, полетов, прыжков, стильных позировок, полуакадемических поз...» [Гаевский, с. 113]. Л. Блок верно заметила, что «Шопениана» М. Фокина «научила тому, как выразителен, как содержателен танец сам по себе, вне сюжетного... задания, показала симфонические возможности классического танца», «показала, как танец увлекателен и интересен вне всякого трюка, вне акробатизма...» [цит. по: Буклет..., с. 21]. Права Л. Блок была и в том, что все адажио старых балетов зазвучали иначе и даже «то “Лебединое озеро”, которое мы знаем, — это “Лебединое озеро” после “Шопенианы”, до “Шопенианы” его не умели так танцевать» [цит. по: Там же].

Второй спектакль балетного триптиха, поставленный екатеринбургским театром на основе реставрации балета М. Фокина «Карнавал», был создан хореографом также до его непосредственного знакомства с Дягилевым и его участия в дягилевской антрепризе. В основу спектакля положена музыка известного фортепианного цикла Р. Шумана (1834), оркестрованного в 1902 г. многими

композиторами (А. Аренский, А. Винклер, Я. Витол, А. Глазунов, В. Калафати, Н. Кленовский, А. Лядов, Ал. Петров, Н. Римский-Корсаков, Н. Соколов, Н. Черепнин).

Создатели «Карнавала» в екатеринбургском театре (дирижер А. Абашев, постановщик А. Сергеев, художник А. Пикалова и др.) стремились передать еще одну грань культуры Серебряного века, связанную с идеями «карнавальности», «шутовства», «масочности», типичными для художников-«мирискусников» (А. Бенуа, Л. Бакст, А. Головин, К. Сомов и др.). В основу постановки легли идеи театра представления, условного театра, содержащиеся в работах К. Станиславского, в статьях В. Мейерхольда и В. Брюсова и воплощенные в спектаклях «Старинного театра» Н. Евреинова, в поэзии и драматургии А. Блока (его пьеса «Балаганчик» шла тогда с большим успехом, а в роли Пьеро выступал В. Мейерхольд). Дух «иронизирующего комедианства» (Б. Асафьев) ощущался и на концертах А. Вергинского, представляющего перед публикой в костюме печального «белого Пьеро». В 1917 г. был поставлен «Маскарад» Лермонтова, где фигурировал образ Голубого Пьеро. В рамках «Русских сезонов» Сергея Дягилева был поставлен балет «Петрушка» И. Стравинского, в хореографии М. Фокина, декорациях и костюмах А. Бенуа (1911, Париж). Отмечая эту тенденцию в культуре Серебряного века, Н. Кириллова в книге «Культ маски» правомерно пишет о том, что «увлечение комедией дель арте, проявившееся в живописи, литературе и музыкально-сценическом творчестве, было столь устойчивым, что постепенно легендарные итальянские маски завоевали и подмостки российского драматического театра» [Кириллова, 128]. Помимо уже названных нами, автор приводит целый ряд примеров: спектакль «Шарф Коломбины» А. Шницлера в постановке Мейерхольда (1910), журнал Доктора Дапертутто (псевдоним Мейерхольда) «Любовь к трем апельсинам», «в одном из номеров которого помещена статья В. И. Соловьева о комедии дель арте и развернута программа обучения по этой системе» (1914). Добавим также, что в этом журнале был помещен также созданный Мейерхольдом сценарий сказки Гоцци «Любовь к трем апельсинам», переданный впоследствии молодому Прокофьеву перед его отъездом за рубеж. На основе этого сценария Прокофьев в начале 1920-х гг., будучи в Америке, написал одноименную комическую оперу, в которой использовал приемы комедии масок.

Таким образом, «Карнавал» Фокина — прямое свидетельство того, что элементы комедии масок завоевали в ту эпоху не только драматическую и оперную сцены, но и подмостки балетного театра. Именно этот балет в творческой интерпретации екатеринбургского театра художественно убедительно воссоздал дух культуры Серебряного века и хореографический замысел Фокина. Балетмейстер был одновременно и автором сценария «Карнавала», созданного совместно с Л. Бакстом, по эскизам которого были исполнены костюмы.

«Карнавал» М. Фокин считал своим любимым детищем, в воспоминаниях он опровергал мнение о том, что создание спектакля инициировано С. Дягилевым: «Этот балет подарили С. П. Дягилеву и сделали это на страницах “Encyclopaedia Britannica” (“Британской энциклопедии”), тогда как Дягилев даже не видел его

первой постановки. Это было сделано мною до первой встречи с ним» [Фокин, с. 218]. Фокин создал «Карнавал» для бала, проводимого в зале Павловой, там балет был впервые исполнен, а в дальнейшем отдан для представления во втором сезоне дягилевской антрепризы. Право постановки «Карнавала» приобрели тогда также, по словам М. Фокина, «дирекция императорских театров в Петербурге, дирекция театров Стокгольма, Копенгагена, Буэнос-Айреса и многих частных антреприз» [Там же, с. 220]. Музыка шумановского «Карнавала» Фокин очень любил и еще задолго до создания спектакля она, по его словам, «лежала в группе нот, кандидатов для... постановки» [Там же, с. 218]. Он детально изучил биографию Шумана и все то, что касалось «Карнавала», в котором «...Шуман так много отразил из своей жизни. Двойственность его души, отраженная в образах пылкого Флорестана и сентиментального Эсебиуса [Эвсебия], увлечение Эстреллой, любовь к Кларе Вик (ставшей его женой), его воображаемый союз “Давидсбюндлеров”, выступающих в борьбе с филистерами, сторонниками старых традиций искусства» [Там же, с. 218–219]. Балетмейстер писал: «Из всего этого, из указанных в нотах названий, как “Арлекин”, “Коломбина”, “Панталон”, “Пьеро”, “Бабочка”, — мне сразу [представилась] картина балета. Это ряд отдельных характеристик, связанных между собой постоянным появлением неудачника Пьеро, смешного Панталона и всегда выходящего победителем из всех своих проказ и затей Арлекина. Небольшой сюжет вокруг любви Арлекина к Коломбине, неудачи Пьеро и Панталона — все это было буквально симпровизировано на репетициях» [Там же, с. 219]. Интересными были и необычные по тем временам задумки с выходом артистов-персонажей в зал, к публике (во время номера «Променад» и финального «Марша Давидсбюндлеров»). По замыслу Фокина, «...при финальном танце все было построено на перебегах. Флорестан преследовал Эстреллу, Эсебиус — Кьярину, Бабочка удирала от Пьеро и Панталона. Все выбегали из публики и убегали в публику. Артисты смешивались со зрителями. Это было ново и занятно...» [Там же].

Успеху этого балета способствовал и блистательный состав исполнителей: «Коломбина — Карсавина, Арлекин — Леонтьев, Кьярина — Фокина, Эсебиус — Шерер, Флорестан — Нижинский, Эстрелла — Шоллар, Бабочка — Нижинская, Панталон — И. Ф. Бекефи и Пьеро... знаменитый режиссер драмы В. Э. Мейерхольд» [Там же]. Фокин верно заметил, что в «Карнавале» «участие этого модерниста-режиссера и драматического артиста... было очень неожиданным... это было его *первое соприкосновение* (курсив наш. — О. Д., А. П.) с искусством ритмичного жеста под музыку... это было его дебютом в совершенно новой области» [Там же, с. 219–220]. В дальнейшем, как известно, Мейерхольд создал и активно разрабатывал пластическую технику биомеханики для драматических актеров, которую применял в спектаклях 1920-х гг., в частности в знаменитом «Ревизоре» (1927). Вот как писал Фокин о первом пластическом выходе режиссера на сцену: «Он оказался человеком из другого мира на первых двух репетициях. В жестах он отставал от музыки, много раз не вовремя “высовывался” и не под музыку “убирался” со сцены. Но к третьей репетиции совсем созрел наш новый мимист,

а на спектакле дал чудный образ печального мечтательного Пьеро» [Фокин, с. 219–220]. Думается, что этот пластический опыт пригодился Мейерхольду-актеру и при создании образа Пьеро в «Балаганчике» Блока.

Важно также отметить, что на общее впечатление от спектакля очень влияли и костюмы, работа над которыми тоже является частью процесса культурной реставрации. «...В основе бакстовского воображения лежал интеллектуальный акт — историческая реконструкция времени и места. <...> ...в основе этих постановок лежали глубокие знания из разных сфер художественной культуры, обогащенные и личными наблюдениями» [Гарафола, с. 47]. Действительно, и в постановке екатеринбургского театра костюмы существенно помогают не только раскрытию образов героев, но и погружению в атмосферу комедии дель арте, ибо они также стилизованы под эпоху, что создает целостное впечатление от спектакля.

Создатели в целом учитывали все особенности сценографии и хореографии Фокина, акцентируя внимание на образах масок комедии дель арте, фигурирующих у Шумана, а также на персонажах-масках как самого Шумана, так и его возлюбленных. Сохранены в спектакле и массовые сцены («Благородный вальс», «Немецкий вальс» и др.). Но в нем, как, возможно, было и у Фокина, нет образов таких композиторов-давидсбюндлеров, как Шопен и Паганини, представленных в музыке фортепианного цикла Шумана, и вообще уходит на второй план или совсем исчезает идея борьбы этого воображаемого союза — «Давидова братства» с филистерами, важная для концепции сочинения и актуальная для музыкальной культуры того времени.

Однако музыкальные номера — портреты, характеризующие Шопена (в духе его лирических ноктюрнов) и Паганини (в стилистике его «дьявольских» скрипичных пассажей), в партитуре спектакля сохранены, хотя сценически и интерпретированы иначе. В результате (благодаря аутентичной оригиналу сценографии, костюмам и хореографии) в екатеринбургском балете сохранен дух карнавальности, интерпретированный в стилистике Серебряного века, с его ироничностью, арлекиниадой и эксцентрикой, но при этом не противоречащий гофманско-шумановским образам музыкальной культуры романтизма.

В целом достаточно убедительно вписался в балетный триптих и спектакль на музыку фортепианного цикла М. Мусоргского «Картинки с выставки» (в блистательной оркестровке М. Равеля, созданной в 1922 г.). Строго говоря, он не имеет прямого отношения к культуре Серебряного века ни по времени создания (1874 г.), ни по принадлежности к авторству М. Фокина или к дягилевской антрепризе.

Однако в сугубо современной сценографии и хореографическом решении спектакля (дирижер-постановщик А. Абашев, хореограф-постановщик А. Щеклеина, художник по костюмам Е. Трубецкова, драматург Б. Королек, художник по свету К. Бинкин и др.) ощущаются флюиды культуры Серебряного века и фокинской хореографии, направленной на создание «абстрактного балета», наполненного своими, особыми смыслами и даже философией. Обращение к творчеству Мусоргского в определенной мере отражает и направления деятельности дягилевской антрепризы, в рамках которой в сезоне «Русских исторических

концертов» 1907 г. были исполнены фрагменты произведений великого композитора (из опер, вокальных циклов и др.), в последующие годы — поставлены целиком оперы «Борис Годунов» (1908) и «Хованщина» (1913), а в балетном жанре — спектакль на музыку симфонической картины «Ночь на Лысой горе» (из оперы «Сорочинская ярмарка»).

Екатеринбургские постановщики в создании своего балетного варианта фортепианного цикла Мусоргского «Картинки с выставки», имеющего, по мнению исследователей, некоторое сходство с программной цикличностью «Шопенианы» и, особенно, шумановского «Карнавала», тем не менее отошли от конкретного содержания этого сочинения, созданного, как известно, под впечатлений от картин умершего в 1873 г. друга Мусоргского, художника и архитектора В. Гартмана (мемориальная выставка его картин, которую и посетил композитор, была организована при содействии В. Стасова в Академии художеств в Петербурге в 1874 г.).

Как известно, Мусоргский в яркой, характеристичной музыке создал колоритные образы из русских сказок и былин — Бабы-яги («Избушка на курьих ножках. Баба-яга»), богатырей и древнеславянской архитектуры («Богатырские ворота»); портрет одного из героев скандинавского эпоса («Гном»); воссоздал средневековую песню трубадура («Старый замок»), а также картины людных сцен («В саду Тюильри» и «Лиможский рынок»). Контрастом в череде «картинок» является забавно-щебечущий шаловливый «Балет невылупившихся птенцов», который оттенен тяжеловесным номером «Быдло» и выразительной сценкой-диалогом бедного и богатого еврея («Самуэль Гольденберг и Шмуyle»). Драматической кульминацией цикла явился мрачный образ в номере «Катакомбы» («Римская гробница»), уводящий к теме смерти (подзаголовок — «С мертвыми на мертвом языке»). Все номера «Картинок» объединены Мусоргским лейтмотивом «Прогулки», в котором ощутимы дух и интонационная стилистика русского сказочного эпоса.

Казалась бы, сама художественная конкретность образов цикла «провоцировала» к зримому воплощению их на балетной сцене. Но создатели спектакля представили свою, совершенно иную балетную интерпретацию музыки Мусоргского, в которой ощутимо дыхание нашего времени, с его драматическими и трагическими коллизиями, с широким ассоциативным рядом и символикой: жизни и смерти, войны и мира, любви и разлуки, мужественности и женственности, высокой духовности и бесовщины. Эти смыслы, на наш взгляд, заложены и в хореографии спектакля, которая отличается строгостью линий, подчеркнута скупой лексикой, изломанностью пластических решений (особенно в драматических моментах), отсутствием традиционных балетных танцев. Акцент сделан на выразительность жестов, поз, воплощение эмоционально сложных психологических состояний героев, которые раскрываются в основном средствами ансамблевого танца (семь мужчин и семь женщин). Техника современной хореографии, не свойственная классическим исполнителям, дается танцовщикам легко. Большое количество «проходок» по сцене в разных направлениях, какие-то бытовые действия (например, когда мужчины бьют себя в грудь или толкаются друг с другом) работают

на общее впечатление и не кажутся не подходящими для конкретного эпизода спектакля. Напротив, они расширяют лексику и пространство для смысловых зрительских интерпретаций.

Хореограф-постановщик спектакля А. Щеклеина так сформулировала замысел балета и его концепцию: «Слушаю эту музыку и на ум приходят богатыри — настолько четко это вижу, что не хочу отказываться от этого стереотипного образа... И стала вырисовываться история: как человек старается соответствовать внешнему, навязанному стереотипу, но потом через кризис, через невозможность казаться тем, кем являешься, трансформируется, меняется. Снимает защитные маски и приходит к уязвимому себе. Настоящему, уникальному» [цит. по: Буклет..., с. 71]. Хореограф справедливо считает, что такое новое познание себя приходит через кризис. Но, думается, что концепция балета шире, мощнее и объемнее, она выходит за пределы только личностного обретения себя, охватывает многих людей, быть может, целый народ, который в сложных кризисных условиях борьбы за свое человеческое достоинство, нравственные и культурные ценности отстаивает право на подлинную человечность и настоящую духовность, противостоит коварным силам Зла (во многих его проявлениях, таких как бесовство, дьявольщина и др.). Этот злобный «оскал» показан в кульминационной сцене балета — ведьмовской пляске женщин в номере «Баба-яга», устрашающей бесовской неистовостью вихря разрушительных страстей. Этой сцене противопоставлена заключительная сцена балета, в которой женщины благословляют своих мужчин (богатырей) на ратный подвиг, а затем встречают их. Музыка номера «Богатырские ворота» звучит очень мощно и торжественно, сочетая такие пласты русской культуры, как песенный фольклор, колокольность и духовные песнопения.

В результате благодаря всем компонентам спектакля, вкуче с гениальной, пронизанной русским духом музыкой Мусоргского, не менее гениально оркестрованной великим французским композитором Морисом Равелем (страстным поклонником русской музыки и непосредственно творчества Мусоргского), создается монументальная фреска, представляющая образ Руси-России в ее корневых связях как со славянской, так и с европейской культурой. В финале балета ощущимо торжество высших жизненных ценностей: Любви, Верности, Вольнолюбия и Патриотизма, на которых всегда стояла и стоит по сей день русская земля.

Заключение

Таким образом, идеи М. М. Фокина находят свое музыкально-хореографическое воплощение и в наши дни благодаря приемам культурной реставрации, реконструкции и творческой художественной интерпретации. В «Шопениане» путем реставрации соединились культуры периода М. Тальони и Серебряного века. Основной прием в «Карнавале» — реконструкция романтического балета и шумановских образов с акцентом на стилевых приметах культуры Серебряного века. В «Картинках с выставки» воссоединены приемы художественной интерпретации и реконструкции, благодаря чему в балете возник своеобразный синтез

культурных традиций России: 1870–1880-х гг. (М. Мусоргский — В. Гартман) — рубежа XIX–XX в. (Серебряный век — М. Фокин, С. Дягилев) и хореографических аллюзий, рожденных художественным сознанием мастеров современной балетной культуры XXI в.

Буклет «Урал Опера Балет»: «Шопениана», «Карнавал», «Картинки с выставки» / Изд. Екатеринбург. театра оперы и балета. Екатеринбург, 2024.

Бурлака Ю. П. Проблема реконструкции хореографии М. И. Петипа (балеты «Корсар» и «Пробуждение Флоры») // Вестн. Акад. рус. балета им. А. Я. Вагановой. 2016. № 3 (44). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-rekonstruktsii-horeografii-m-i-petipa-balety-korsar-i-probuzhdenie-flory> (дата обращения: 20.03.2025).

Гаевский В. М. Дивертисмент. М., 1981.

Гарафола Л. Русский балет Дягилева / [пер. с англ. М. Ивониной и О. Левенкова]. М., 2021.

Грызунова О. В., Омельницкая В. В. Реставрационно-редакторская деятельность балетмейстеров как средство сохранения и актуализации классического балетного наследия // Вестн. Акад. рус. балета им. А. Я. Вагановой. 2020. № 5. С. 63–74.

Кириллова Н. Б. Культ маски: исторический контекст. Екатеринбург, 2020.

Лопухов-младший Ф. В. Классическое наследие в подготовке хореографов и балетмейстеров-репетиторов // Вестн. Акад. рус. балета им. А. Я. Вагановой. 2018. № 6 (59). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klassicheskoe-nasledie-v-podgotovke-horeografov-i-baletmeysterov-repetitorov> (дата обращения: 20.03.2025).

Маркарян Э. С. Узловые проблемы теории культурной традиции // Сов. этнография. 1981. № 2. С. 78–96.

Фокин М. М. Против течения : Воспоминания балетмейстера. Статьи, письма. Л. ; М., 1962.

Статья поступила в редакцию 11.04.2025 г.

Научная статья

УДК 78.01(470)“20” + 78.071 + 78.087.32 + 78.08:654.197 + 316.73

DOI 10.15826/izv1.2025.31.3.049

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ АЛЛЮЗИИ В ВИДЕОКЛИПАХ МУЗЫКАЛЬНОГО ДУЭТА “GALIBRI & MAVIK”

Алим Акимович Сеттаров

*Крымский университет культуры, искусств и туризма,
Симферополь, Россия,
settarov.alim@bk.ru*

А н н о т а ц и я. Концепция интертекстуальности оказала значительное влияние на развитие художественной культуры и приобрела причудливые образы на пике своего распространения и теоретического осмысления в XX — начале XXI в. Применение интертекстуальных элементов служит важным механизмом усиления и расширения семиотической насыщенности аудиовизуальных произведений. В рамках настоящего исследования на примере российских музыкальных клипов, созданных дуэтом «Galibri & Mavik», рассматривается интертекст в качестве средства семиотической контаминации, процесса смешения и взаимопроникновения знаковых систем.

К л ю ч е в ы е с л о в а: отечественная музыкальная культура XXI в.; интертекст; музыкальные видеоклипы; семиотическая контаминация; «Galibri & Mavik»

INTERTEXTUAL ALLUSIONS IN THE MUSIC VIDEOS OF THE MUSICAL DUO “GALIBRI & MAVIK”

Alim A. Setarov

*Crimean University of Culture, Arts and Tourism,
Simferopol, Russia,
settarov.alim@bk.ru*

A b s t r a c t. The concept of intertextuality has had a significant impact on the development of artistic culture and acquired bizarre images at the peak of its distribution and theoretical understanding in the 20th — early 21st centuries. The use of intertextual elements serves as a mechanism for enhancing and expanding the semiotic richness of audiovisual works. In this study, using the example of Russian music videos created on the compositions of the group “Galibri & Mavik”, intertext is considered as a means of semiotic contamination, the process of mixing and interpenetration of sign systems.

К e y w o r d s: Russian musical culture of the 21st century; intertext; music videos; semiotic contamination; “Galibri & Mavik”

© Сеттаров А. А., 2025

Интертекстуальность, определяемая как включение в новые произведения элементов (фрагментов, сюжетных линий или мотивов), отсылающих реципиента к ранее созданным текстам, приобрела масштабный характер в художественной культуре XX — начала XXI в. Однако как феномен интертекстуальность прослеживается на протяжении тысячелетий, начиная с самых ранних этапов культурного развития [Барт; Петрова]. Достижение интертекстуальностью наивысшей степени проявления в современной культуре фактически является признанием ее роли в качестве ключевого механизма культурной эволюции на протяжении истории [Александрова; Громова; Шеметова].

Настоящая работа продолжает цикл статей автора, посвященных анализу репрезентативной выборки российских музыкальных видеоклипов в аспекте семиотической контаминации, достигаемой в рамках музыкальных видеоклипов посредством использования интертекста [Сеттаров].

Весьма показательной в рассматриваемом нами отношении оказывается серия клипов дуэта «Galibri & Mavik», фактически представляющая собой цикл с очень заметным интертекстуальным «наполнением». Группа, состоящая из двух музыкантов (Евгений Трухин aka «Galibri» и Александр Фоменков aka «Mavik»), завоевала высокую популярность в России буквально в течение нескольких последних лет.

Прямое обращение к интертексту явственно прочитывается уже в заголовках песен цикла «Galibri & Mavik»: «Федерико Феллини», «Стивен Сигал», «Чак Норрис». Все три титульных «героя» — знаменитые, почти культовые фигуры кинематографа и в целом современной культуры. Первый — великий режиссер; второй — режиссер и актер; третий — актер, известный не меньше двух первых. Пик массовой популярности всех троих — уже в прошлом, однако их имена и сегодня воспринимаются во всем мире как некие культурные константы.

Но обращение к интертексту, которое мы назвали «прямым» (в связи с «прозрачностью» заголовков песен и клипов цикла), при ближайшем рассмотрении оказывается чем-то вроде кликбейтной приманки для зрителя и слушателя. Зритель, действительно ожидавший от клипов непосредственной соотнесенности с именами, вынесенными в их заголовки, может быть разочарован. Ни одна из названных персон не появляется в кадре в качестве персонажа, их фильмы не становятся источниками «аутентичных» цитат; их связь с клипами Трухина и Фоменкова представляется гораздо более опосредованной, играющей, в постмодернистском духе, на контрастах и сложных ассоциативных рядах. Сами клипы при этом не производят впечатление ни сложных, ни претенциозных. Напротив, именно почти декларативная простота, непринужденность, раскованность стали причиной их столь высокой привлекательности для массовой аудитории.

Первым в серии был клип «Федерико Феллини», вышедший в 2021 г. и буквально взорвавший чарты и танцполы. «Московский комсомолец» с полным основанием писал об этом клипе: «“Федерико Феллини” стал хитом, который, кажется, знают все, включая тех, кто такую музыку не слушает» [Galibri & Mavik...]. Безусловно, подобный успех привлекает внимание и сам по себе служит импульсом поглубже погрузиться в материал, пытаясь понять секрет его притягательности.

Подобные подходы, заложенные в работах Жака Лакана, Жиля Делёза, Славоя Жижека, активно развиваются в постмодернистской гуманитаристике, отказавшейся от снобистского игнорирования «низких» жанров: произведения, сумевшие завоевать поистине массовую популярность, могут лучше любых прочих отражать глубинные социокультурные процессы и тренды. С. Жижек даже называл массовую культуру фантазией, структурирующей нашу реальность, утверждая, что если эту фантазию убрать из реальности, сама реальность «исчезнет» [Жижек, с. 402]. Каждый из продуктов массовой культуры — начиная от современных «мемов» до самых масштабных блокбастеров — представляет собой, в сущности, некий срез социальной реальности, ее «моментальный снимок», и в первую очередь это касается по-настоящему популярных арт-объектов.

«Федерико Феллини» — клип сюжетный, более того — нарративный: в нем присутствует не только четкая и непротиворечивая сюжетная линия, но и продуманная система образов и метафор, тесно связанных с поворотами сюжета. Хотя сам сюжет очень прост и легко поддается пересказу буквально в нескольких словах.

Деревенский парень влюблен в городскую девушку и собирается на ней жениться. Из города в деревню на «фольксвагене» приезжают знакомиться родители девушки, будущие сваты. Они свысока и почти брезгливо смотрят на деревенских жителей и их быт. Очень красноречив кадр первого столкновения будущей тещи, роль которой очень выразительно исполнила звезда сериала «Физрук» Карина Мишулина, с сельской жизнью: машина тормозит, женщина, открыв дверцу, ставит ногу в модной и явно дорогой обуви на землю — и попадает туфелькой прямо в безобразную грязную лужу. Родители парня по-деревенски открыты и доброжелательны, но видя откровенное пренебрежение со стороны приезжих, они заметно тушуются. Однако накрытый на свежем воздухе стол с обильным деревенским угощением (включающим, по традиции, самогон) быстро исправляет ситуацию: очень скоро мы видим всех присутствующих, в том числе и мать девушки, лихо отплясывающими под музыку «Galibri & Mavik» и получающими явное и взаимное удовольствие от общения.

Наконец, самое активное участие в веселье принимают и музыканты, а именно — сами Трухин и Фоменков, исполняющие песню, под которую, собственно, веселье и происходит. Этот дуэт составляет третью группу, в такой же мере контрастную «городской» и «деревенской» группам, как те контрастны по отношению друг к другу.

Возникает закономерный вопрос: при чем здесь Феллини? Конечно, можно ограничиться уже высказанным предположением, что использование громкого имени выступает лишь уловкой для привлечения аудитории. (Весьма удачной, заметим, уловкой.) «И еще это редкий случай, когда поп-звезды занимаются просветительской деятельностью. Не исключено, что растиражированный припев может породить у молодежи интерес в духе “че за чел этот Феллини”...» [Galibri & Mavik...]. И действительно, как отмечалось в прессе, поисковые системы зафиксировали после выхода клипа заметный всплеск запросов «Кто такой Федерико Феллини?..». Это имя присутствует не только в заглавии, но и раз за разом повторяется в припеве — темпераментном, экспансивном, но, кажется, не слишком

обремененном смыслом (что не помешало этому повторяющемуся припеву стать главной изюминкой клипа, обеспечившей ему поистине бешеный успех и ставшей настоящей визитной карточкой дуэта):

Я как Федерико Феллини.
Дайте Оскар этой богине!
Словно кукла Барби на витрине,
Хочет главную роль в картине...

Можно, казалось бы, утверждать, что интертекстуальность в данном случае, несмотря на ее явный и демонстративный характер, ограничивается крайне поверхностным уровнем, ничего не добавляющим к самому материалу клипа. Однако на более глубоком, архетипическом уровне, как нам представляется, эти формальные рамки могут быть значительно расширены. И речь даже не только о стихии карнавальности и «смеховой культуры» — буффонады, бурлеска, — которая и впрямь в какой-то мере роднит зажигательный клип «Galibri & Mavik» с Felliniesque. Так называют уникальный стиль работ великого режиссера. Добавим здесь, что характерная для этого стиля техника «рваного кадра» — особенно в фильмах Феллини «Сладкая жизнь» и «Восемь с половиной», — пожалуй, изо всей киноклассики наиболее близка современной клиповой эстетике. Скорее, дело в относительности представлений о той самой «сладкой жизни». «Dolce vita» — именно этот расхожий фразеологизм, давший название одному из самых известных фильмов Ф. Феллини, больше всего ассоциируется массовым сознанием с его именем. (Да и, как признавались сами музыканты, идея песни о Феллини — точнее говоря, первая строка ее припева — пришла к ним после просмотра «Сладкой жизни».) Напомним, что даже в фильме Феллини герой мечется между представлениями о том, какой должна была бы быть для него по-настоящему «сладкая жизнь»; представления об образе жизни, приносящем истинное удовлетворение, а priori максимально субъективны и динамичны. Что мы как раз и наблюдаем в клипе «Федерико Феллини», эстетика которого полностью выстроена на контрастах и антиномиях — и преодолении этих антиномий, казавшихся непреодолимыми. Вероятно, не один горожанин при просмотре сочных деревенских кадров клипа испытал что-то вроде ностальгии по жизни в деревне с не всегда очевидными, но вполне реальными ее достоинствами — естественностью, близостью к природе (свежий воздух и натуральная пища), простотой нравов.

Выше, сравнивая стиль клипа «Федерико Феллини» дуэта «Galibri & Mavik» с Felliniesque (стилем фильмов Феллини, титульной для клипа персоны), мы использовали понятия «карнавальность» и «смеховая культура». Эти понятия, введенные в широкий научный обиход М. М. Бахтиным, оказались чрезвычайно плодотворными для анализа самых разнообразных социокультурных процессов и практик, поскольку сами определяемые ими явления неисчерпаемы. Они не прекращают (и, видимо, никогда не прекратят) все с той же активностью воспроизводиться в новых исторических условиях. Бахтин говорит об «основном карнавальном ядре» народной культуры как о феномене, который «...находится

на границах искусства и самой жизни. В сущности, это — сама жизнь, но оформленная особым игровым образом» [Бахтин, с. 24].

Особенно интересен в связи с нашей темой еще один важный аспект бахтинской теории «карнавальности» и «смеховой культуры». «Для смеховой культуры <...> характерны такие фигуры, как шуты и дураки. <...> Они оставались шутами и дураками всегда и повсюду, где бы ни появлялись в жизни. Как шуты и дураки, они являются носителями особой жизненной формы, реальной и идеальной одновременно. Они находятся на границе жизни и искусства (как бы в особой промежуточной сфере)...» [Там же, с. 123]. Представляется почти очевидным, что массовая популярность песен и клипов таких представителей современной российской поп-сцены, как, например, дуэт «Galibri & Mavik», обеспечивается именно тем фактом, что их участники занимают сегодня вечно актуальную нишу «дураков и шутов» (в русской традиции — «скоморохов»). Но «дураков и шутов» не в привычном обыденном — и обидном — смысле, а в том «высоком» понимании, в каком рассматривал их М. М. Бахтин в контексте карнавальной культуры.

Уместно вспомнить здесь музыкальную самопрезентацию таких же «скоморохов», но из предшествующих (советских) поколений — коллектива с характерным названием «Веселые ребята», которое само по себе изначально отсылало именно к этому «скоморошьему» элементу русской народной культуры:

Не великие таланты,
Но понятны и просты
Мы певцы и музыканты,
Акробаты и шуты...

Публика традиционно видит в подобных фигурах выразителей мощной жизненной силы, таящейся в глубинах народного сознания, и подспудного стремления к преодолению границ, для большинства людей (т. е. для той самой публики, не «дураков» и не «шутов») почти непреодолимых. В том числе таких, например, как опасение показаться смешным, неуместным, нелогичным, «неадекватным».

Именно роль традиционных «скоморохов» (т. е. тех же «шутов» и «дураков») берут на себя исполнители в клипе «Федерико Феллини», в частности в визуальном его ряде. Они, как уже говорилось, принимают непосредственное участие в действе — и в то же время представляют группу, обособленную от «городских» и «деревенских» не только фактом исполнения роли музыкантов на деревенском празднике (встрече будущих сватов), но и в плане внешних характеристик — одежды, характера движений (типичная рэп-пластика) и т. п. Их «сцена» — крыша кабины могучего ЗИЛа, выступающего в клипе антитезой «пижонской» для деревни иномарки городских гостей. Но будучи таким образом обособлены, музыканты не отстранены от остальных. Напротив, создается впечатление, что их главная роль в происходящем — роль медиаторов, проводников, посредников: конечно же, «миротворцами» в наметившемся конфликте выступают не только и не столько обильное деревенское угощение и самогон, сколько в первую очередь именно музыка, под которую ноги сами «проесятся в пляс».

В результате проведенного исследования можно прийти к заключению, что объектом интертекстуальной аллюзии здесь становится целый огромный пласт мировой культуры, а конкретно та самая «карнавальная» ее составляющая. Мы рассмотрели лишь один (хотя и очень иллюстративный) пример использования подобных аллюзий в современной российской поп-культуре. Однако, полагаем, рассмотрение весьма многих сегодняшних хитов, популярность которых способна вызвать недоумение у слишком критично настроенных адептов «высокой» культуры, может требовать определенной смены оптики. В контексте «скоморошьего» и «шутовского» начала их восприятие может существенно меняться.

Итак, в результате проведенного исследования можно предположить, что прием интертекстуальности в производстве музыкального видеоклипа имеет значительный потенциал для прогресса и оптимизации современной видеомузикальной индустрии России. Ключевым условием для реализации этого потенциала является способность интертекста инициировать расширение спектра многообразных и разнонаправленных смысловых связей, которые мы концептуализируем как «семиотическую контаминацию». Использование интертекста способствует созданию многослойного и полисемантического произведения, что особенно важно в контексте мощного развития визуальной культуры.

Александрова Н. В. Музыкальный видеоклип в массовой культуре XX века: к проблеме структуры и механизма функционирования // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2018. № 2 (28). С. 148–152.

Барт Р. Избранные работы : Семиотика. Поэтика : пер. с фр. / сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М., 1994.

Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 2016.

Громова Ю. М. Музыкальный видеоклип как поликодовый текст // Вестн. Твер. гос. ун-та. Сер. : Филология. 2014. № 2. С. 188–192.

Жижек С. Киногид извращенца. Кино, философия, идеология. Екатеринбург, 2014.

Петрова Н. В. Проблема определения термина «интертекстуальность» // Вестн. Краснояр. гос. пед. ун-та им. В. П. Астафьева. 2017. № 2 (40). С. 196–200.

Сеттаров А. А. Интертекстуальность в визуальном пространстве музыкального клипа (На материале отечественных видеоклипов 1990-х годов) // Наука. Искусство. Культура. 2024. Вып. 4 (44). С. 40–51.

Шеметова Т. Н. Клиповая культура, или Некоторые подходы к описанию музыкального клипа // Наука телевидения. 2010. № 7. С. 293–299.

Galibri & Mavik на примере «Федерико Феллини» раскрыли секрет народного хита // Московский комсомолец. 2022. 12 апр. URL: <https://www.mk.ru/culture/2022/04/12/galibri-mavik-na-primere-federiko-fellini-raskryli-sekret-narodnogo-khita.html> (дата обращения: 19.05.2025).

Статья поступила в редакцию 30.05.2025 г.

ОБРАЗОВАНИЕ: ВЫЗОВЫ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Научная статья

УДК 316.346.32-053.6 + 316.346.36 + 316.351:35 + 378.4 + 316.2

DOI 10.15826/izv1.2025.31.3.050

ПОКОЛЕНЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ УНИВЕРСИТЕТСКОГО СООБЩЕСТВА В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Наталья Борисовна Костина

*Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия,
kostinanb30@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0001-7188-0496>*

А н н о т а ц и я. Исследование поколений и их взаимодействий в университетском сообществе XXI в. опирается на разработанные в социальном и социологическом знании теории поколений. При этом важно обращение к изучению поколенческой проблематики как современными исследователями, так и их научными предшественниками с целью выявления научного потенциала их взглядов для анализа межпоколенческих взаимодействий в университетском сообществе. В статье рассмотрены идеи мыслителей прошлого, социологов-классиков, зарубежных и отечественных ученых, значимые для понимания поколений в университетском сообществе, форм их взаимодействия.

К л ю ч е в ы е с л о в а: поколения; университетское сообщество; потенциал социологических теорий; представители западноевропейской социологии; отечественные социологи

Б л а г о д а р н о с т и. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-00206, URL: <https://rscf.ru/project/25-18-00206/>

© Костина Н. Б., 2025

Известия УрФУ. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2025. Т. 31. № 3

THE GENERATIONAL ASPECT OF UNIVERSITY COMMUNITY STUDY FROM THE PERSPECTIVE OF THE HISTORY OF SOCIOLOGY

Nataliya B. Kostina

*Ural Federal University,
Ekaterinburg, Russia,
kostinanb30@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0001-7188-0496>*

Abstract. The study of generations and their interactions in the university community of the 21st century is based on generational theories developed in social sciences, including sociology. At the same time, it is important to study generational issues by both modern researchers and our scientific predecessors to identify the scientific potential of their views for the analysis of intergenerational interactions in the university community. The article examines the ideas of researchers of the past, classical sociologists, foreign and Russian scientists, significant for understanding generations in the university community, and the forms of their interaction.

Keywords: generations; university community; potential of sociological theories; representatives of Western European sociology; Russian sociologists

Acknowledgement. The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation № 25-18-00206, URL: <https://rscf.ru/project/25-18-00206/>

Введение

Структура научно-педагогического сообщества современных российских университетов представлена тремя взаимодействующими поколениями, выделяемыми прежде всего по возрастному критерию: молодым, средним и старшим. Взаимодействие поколений характеризуется спектром как позитивных, так и негативных проявлений: от консенсуса, доверия, понимания, сотрудничества — до негативных возрастных стереотипов, ценностных «разрывов», конфликтных ситуаций, кризисных проявлений.

Позитивные проявления выступают условием достижения целей и решения задач, стоящих перед российскими университетами. Таковыми являются обеспечение соответствующего современным запросам качества высшего образования, эффективной организации научно-исследовательской деятельности с активным вовлечением в нее молодого поколения, приумножение человеческого капитала университетского сообщества как условия развития территорий, отраслей деятельности. Негативные аспекты поколенческих взаимодействий препятствуют оптимальному функционированию университетов, реализации стратегических проектов в сфере высшего образования. Так, одна из важных целей национального проекта «Наука и университеты» заключается в привлечении в университетское сообщество представителей молодого поколения, с последующим их

«удержанием» в кадровом составе университетов, закреплением и карьерным продвижением в качестве научно-педагогических работников и университетских менеджеров разного уровня. Достижение этой цели возможно при обеспечении межпоколенческих и внутривпоколенческих взаимодействий, основанных на взаимопонимании, интеллектуальной и коммуникативной преемственности, воспроизводстве и трансляции знаний, навыков и умений.

Цель статьи заключается в выявлении потенциала теорий научных предшественников и идей исследователей XX–XXI вв., значимых для понимания межпоколенческих взаимодействий университетского сообщества первой трети нашего столетия.

Достижение позитивного взаимодействия поколенческих групп и образовательных общностей, преодоление/профилактика его негативных проявлений на практике не увенчается успехом без опоры на теоретическое обоснование предметного поля. Во-первых, это выявление потенциала трактовки поколений и их взаимодействий в предшествующем социальном знании (прежде всего — социологическом) для анализа поколенческой структуры современного общества. Во-вторых, характеристика зарубежных и отечественных поколенческих теорий второй половины XX — начала XXI в. как теоретического базиса для понимания поколенческой структуры университетского сообщества современности.

При анализе классического наследия важно иметь в виду, что прямое использование поколенческих идей прошлого и даже теорий, созданных в первой половине XX в., ограничено трансформацией социальной реальности. За последние полвека высшее образование изменилось и продолжает меняться столь быстрыми темпами, что использование идей мыслителей прошлого значимо только в том случае, если на их основе возможно объяснение поколенческой структуры и межпоколенческих взаимодействий современного университетского сообщества. Такая возможность обусловлена: 1) существованием в наше время описываемого соответствующей теорией объекта — поколений и их взаимодействий, 2) наличием всеобщих черт, характерных для поколенческих взаимодействий в исторических условиях, 3) трактовкой рассматриваемых теорий с «поправкой» на изменившиеся условия функционирования поколений.

Исследования поколенческой структуры общества, межпоколенческих и внутривпоколенческих различий, сотрудничества и диалога поколений характерны практически для всех этапов научной истории социального знания, хотя и представлены в разной степени, они содержат идеи, важные для понимания поколений в университетском сообществе и их взаимодействия.

Представления западноевропейских исследователей о поколениях и их взаимодействии

Рассмотрению истории общества как процесса смены поколений, их взаимодействия в формах сотрудничества и конфликта уделялось внимание представителями социального знания с давних времен.

Идею о различиях поколений мы находим у Аристотеля: «Человек старший и зрелый может лучше руководить, чем человек молодой или незрелый» [Аристотель, с. 181]. Следствием этих различий становятся противоречия между «отцами» и «детьми», формирование морального конфликта, отсутствие межпоколенческого согласия, прежде всего, в семье.

В трудах мыслителей Древней Греции содержатся идеи о периодизации истории на основании смены одного поколения другим. Такая мысль представлена Гесиодом в поэме «Труды и дни», в которой он выделяет пять поколений, последовательно сменяющих друг друга: золотое, серебряное, медное (или бронзовое), героическое, железное. Последнее в его трактовке и есть поколение современников, которое (как и предыдущие) характеризуется единым временем проживания, особенностями действий, отношений и верований. Рассуждая о старшем и молодом поколениях, Гесиод описывал молодежь весьма нелестно, используя для ее характеристики эпитеты «невывержанна», «невыносима». Приход в будущем к власти нынешней молодежи не сулит стране ничего хорошего. Можно сказать, что таким образом, пусть неявно, фиксируется межпоколенческий конфликт [Гесиод, с. 54–55].

История как процесс смены поколений представлена древнегреческим историком и географом Геродотом. Анализируя труды Геродота, Я. С. Улицкий в работе «Демографическое понятие поколения» отмечал, что впервые точное понятие поколения встречается именно у Геродота, который предлагал количественно определить длину поколения, полагая, что она составляет столетие [Улицкий, с. 20, 25–29]. В идеях Геродота значима трактовка поколения как действующего исторического лица, единицы ритма истории. Несмотря на то что социальные условия формирования и функционирования поколений остаются вне поля зрения, достаточно четко просматривается взгляд на поколение как на действующий субъект исторического процесса. Для последующего изучения поколенческой проблематики представляет значимость идея расчета длины поколения.

Востребованность теоретического наследия прошлого в современных социальных реалиях обусловлена непреходящей значимостью тезиса о том, что в обществе всегда будет осуществляться социализация индивидов посредством межпоколенческих взаимодействий, на каком бы историческом этапе оно ни находилось.

Одна из ключевых идей, представленная в трудах мыслителей эпохи Просвещения, — об общественном прогрессе, главным катализатором которого является новое поколение. Дж. Вико [Вико, с. 48–52], М. Ж. А. Кондорсэ [Кондорсэ, с. 67] считали, что развитие общества происходит благодаря преемственности поколений, базирующейся на росте знаний. Сама же история — это результат деятельности сменяющих друг друга поколений, а поколение — это люди, сосуществующие в одном локальном пространстве.

В идеях, содержащихся в масштабных социологических теориях о поколениях, их отношениях, межпоколенческом диалоге и конфликте, так или иначе выявляются аспекты, актуальные и по прошествии значительного исторического времени.

Об истории общества как смене поколений, об их взаимосвязи и преемственности писал О. Конт, считавший, что человечество «...составляет совокупность ушедших, ныне живущих и будущих поколений людей» [Конт, с. 28]. Каждое современное поколение опирается, как на фундамент, на опыт, социальные отношения, культуру, знания, ценности поколения предшествующего. История общества складывается из преемственности, взаимосвязей поколений. Основатель социологии утверждал, что смена поколений обусловлена продолжительностью жизни, увеличение которой имеет следствием преобладание консерватизма, а ее сокращение — напротив, может приводить к нарушению общественного порядка.

О. Конт считал, что смена поколений — в большей степени биологический процесс, поскольку напрямую зависит от продолжительности жизни. Таким образом устанавливается зависимость между темпом смены поколений и темпом социального развития. Культура, наука, политическая система — факторы, влияющие на формирование и воспроизводство поколений. Таким образом закладывается основа для изучения факторов функционирования и смены поколений. Высказанная идея содержит потенциал для исследования темпов смены университетских поколений как фактора оптимального функционирования высшего образования.

Не обошел вниманием поколенческую проблематику и К. Маркс, при анализе исторического процесса он писал: «Люди создают свою собственную историю, но они не делают ее так, как им заблагорассудится; они делают это не в самостоятельно выбранных обстоятельствах, а в обстоятельствах, уже существующих, данных и переданных из прошлого. Поэтому существует необходимость изучения феномена поколения» [Маркс, с. 524]. Опыт, полученный от прошлых поколений, включает в себя в том числе и осознание совместимости одновременно проживающих и действующих поколений. Нарушение преемственности, преобладание несовместимости приводит к социальному перевороту, становлению нового миропорядка.

Представленная марксистская позиция важна для анализа взаимодействий университетских поколений в контексте определения степени нарушения преемственности и несовместимости, но не с целью установления нового университетского порядка, а для выявления возможностей и ресурсов восстановления совместимости, адекватных вариантов поколенческого сотрудничества, профилактики конфликтных ситуаций.

Основные позиции в обращении западноевропейских социологов к поколенческой проблематике, имеющие значение для исследования поколенческих взаимодействий в высшей школе, можно представить следующим образом:

1. Трактовка поколений как социальной группы, сформировавшейся в определенных исторических условиях, повлиявших на установки, ценности, впечатления, сохраняющиеся у представителей поколений «всю оставшуюся жизнь». Этот аспект зафиксирован в трудах В. Дильтея, К. Мангейма, П. Бурдьё.

2. Определение признаков поколений, к которым относятся единство возраста, общность жизненного пространства и жизненных контактов. На этом акцентировали внимание Х. Ортега-и-Гассет, К. Мангейм.

3. Представление поколенческой структуры, разработка типологии поколений. Теоретические подходы к этим аспектам поколенческой проблематики содержатся в трудах Х. Ортеги-и-Гассета, У. Штрауса и Н. Хоува.

4. Определение факторов структурирования поколений, дифференциации их на внутр поколенческие группы. Идеи, высказанные в данном контексте П. Бурдые, К. Мангеймом, У. Штраусом и Н. Хоувом, значимы для исследования университетских поколений.

По В. Дильтею, «...поколение состоит из тесного круга людей, которые составляют целостную единицу благодаря своей зависимости от тех же исторических событий и изменений, которые они испытали во время своего формирования» [Дильтей, с. 135]. Ценности, установки, впечатления, полученные в процессе социализации за достаточно короткое время (в подростковом возрасте), обладают устойчивостью, сохраняются в своей основе на протяжении всей жизни.

Х. Ортега-и-Гассет обосновывал позицию о возрасте и стиле жизни как признаках поколения: «...мы самой датой рождения прикованы к известной возрастной группе, к известному стилю жизни» [Ортега-и-Гассет, с. 272]. К поколенческим признакам он также относит общность жизненных контактов и жизненного пространства — именно они, наряду с возрастом и стилем жизни, определяют принадлежность к поколению.

Концептуальная проработанность поколенческой проблематики К. Мангеймом служит важнейшим основанием для анализа поколенческой структуры и взаимодействий поколенческих групп в университетском сообществе. Специфика отношений между людьми является фактором, определяющим структуру поколений. Отношения индивидов обусловлены их социальным местоположением. Представителей одного поколения объединяют похожие взгляды на мир, совокупность переживаний. К. Мангейм, как и В. Дильтей, полагает, что переживания и впечатления приобретаются преимущественно в подростковом возрасте и служат ориентиром для более поздних переживаний [Mannheim, p. 157–185, 309–330].

Что касается трактовки поколений, то их чертой К. Мангейм считает не только проживание в одном историческом времени, но и переживание одних и тех же событий.

Х. Ортега-и-Гассет утверждал, что смена поколений обусловлена значимым историческим, научным, культурным событием, шаг поколений — это пятнадцать лет [Ортега-и-Гассет, с. 272]. Шаг поколений и переживаемое людьми историко-культурное событие как критерии типологии поколений используются в современных исследованиях. Так, выделяются военное поколение, поколения оттепели, застоя, перестройки.

Высказанные К. Мангеймом, Х. Ортегой-и-Гассетом, В. Дильтеем идеи обладают важным потенциалом для выделения внутр поколенческих групп в университетском сообществе, особенностей их самосознания, условий сотрудничества и факторов конфликтов.

При анализе передачи ценностей культуры, практик использования новых технологий от одного поколения к другому К. Мангейм фиксировал стабильные,

устойчивые условия этого процесса. Сами ценности и практики при этом остаются востребованными и актуальными. В наши дни передача ценностей происходит как раз в нестабильных условиях, что кардинально меняет содержание и формы поколенческих и внутр поколенческих взаимодействий. При этом многие из передаваемых практик теряют свою актуальность, востребованными становятся совершенно новые практики, прежде всего — цифровые. В связи с этим разработка К. Мангеймом поколенческой проблематики значима для исследования межпоколенческих взаимодействий в условиях цифровизации, цифровой преемственности университетских поколений. Цифровая преемственность поколений проявляется в оказании содействия и помощи со стороны младших поколенческих групп старшему поколению в освоении цифровых продуктов и услуг, в передаче цифрового опыта, в контроле со стороны старших за использованием младшими поколенческими группами цифровых продуктов. Это направление является очень важным для межпоколенческого взаимодействия в университетском сообществе XXI в.

Значимость трудов К. Мангейма, В. Дильтея, Х. Ортеги-и-Гассета для социологического анализа структуры, признаков, взаимодействий поколений в современном обществе обусловлена обоснованием роли поколений в обеспечении функционирования и развития социума, совокупности факторов, оказывающих влияние на формирование и устойчивость поколенческих групп, трансформацию их взаимодействий под влиянием современных технологических и геополитических вызовов. Названные аспекты обладают важным потенциалом для формирования концепции поколенческой структуры образовательных общностей, их отношений и взаимодействий.

Для современного анализа университетских межпоколенческих конфликтов значимы позиции, разработанные американским и израильским социологом Ш. Эйзенштадтом, исследовавшим совместно проводящие досуг однородные группы молодежи, образующие промежуточное звено при переходе молодого человека из интимного мира семьи в формальные бюрократизированные структуры общества. Для обеспечения максимального доступа к ресурсам поколения могут вступать в конфликты [Eisenstadt, p. 77].

К трактовке поколений и их типологии обращался П. Бурдьё. Французский социолог критикует традиционное понимание поколений, акцентируя внимание на их социальной, а не биологической сущности. Такие характеристики, как возраст, молодость, П. Бурдьё считает не самоочевидными, а социально сконструированными. Межпоколенческие конфликты представляют собой столкновения между сформированными в разные периоды, под влиянием разных факторов системами устремлений [Bourdieu, p. 143–145].

Поколения отличаются друг от друга стремлениями, ожиданиями, предпочтениями, которые формируются разными системами образования, распространяемыми ценностями. Для понимания условий поколенческих конфликтов в высшей школе важна идея о том, что поле таких конфликтов формируется образовательными ценностями и несогласием по поводу различных практик социализации.

Значимым событием в исследовании поколений стала теория американских ученых У. Штрауса и Н. Хоува, сформулировавших понятие «социальное поколение». Это группа людей, родившихся в один период, продолжительность которого составляет 20 лет. В качестве признаков социального поколения выделяются:

- проживание в одну историческую эпоху, переживание одних и тех же исторических событий (примерно в одинаковом возрасте);
- общность убеждений и моделей поведения;
- чувство принадлежности к своему поколению, идентификация с ним.

У. Штраус и Н. Хоув, исходя из анализа истории США, прежде всего истории XX в., предлагают типологию поколений, основаниями которой являются годы рождения, общность условий социализации, ценностные приоритеты. Они выделяют следующие поколения: великое, молчаливое, бэби-бумеры, поколение X, миллениалы, Y, Z, поколение Альфа (с 2011 г.).

Кроме этого фиксируются «пограничные» группы — это люди, родившиеся «на стыке поколений», особенностью которых является возможность иметь характеристики как своего поколения, так и ближайшего [Strauss, p. 444–446].

Типология поколений, разработанная американскими учеными, сегодня составляет основу для анализа поколенческой структуры общества, отдельных поколенческих групп, их отношений и взаимодействий. Отечественные исследователи отмечают значимость теории Штрауса — Хоува для понимания поколений современности и их структурирования [Ожиганова, с. 94–95]. В поколенческой структуре российского общества, на основании предложенной американскими учеными типологии поколений, также выделяются и изучаются поколения бэби-бумеров, X, Y [Федотова, с. 23–25].

Но разработанную Штраусом и Хоувом типологию сложно использовать для характеристики университетских поколений в силу специфики общностно-поколенческой структуры университетов, что является предметом специального анализа. В университетских образовательных общностях различия представленных в типологии американских ученых поколений частично нивелируются под влиянием общности видов реализуемой деятельности. Конфликтные ситуации также могут возникать не между представленными поколениями, а на их «пересечении». Но это пока абстрактная гипотеза, нуждающаяся в эмпирическом обосновании. При этом эвристическое значение для изучения университетского сообщества имеет тезис о пограничных поколенческих группах. Например, старшую подгруппу среднего поколения научно-педагогических работников объединяют с младшей подгруппой старшего поколения убеждения, ценности, поведенческие практики.

Из осуществленного краткого экскурса в историю поколенческого анализа зарубежных исследователей вытекает вывод: несмотря на то, что возраст признается важным признаком поколений, к критериям их определения относятся переживаемые поколениями важные исторические события, социализация в определенных социально-экономических условиях, особенности осуществляемой деятельности, специфика самосознания, идентификация себя с определенной поколенческой группой.

Значимость рассмотренных идей для современных исследований выражается в изучении важнейших условий межпоколенческого взаимодействия, в качестве которых выделяются взаимопонимание, уважение при оценке опыта старших поколений, стремление к взаимному доверию [Волков, с. 32–36]. В то же время со второй половины XX в. значительное внимание уделяется изучению конфликта поколений, кризиса взаимоотношений между поколениями, поколенческого разрыва (В. В. Радаев, В. В. Семенова, П. М. Козырева, А. А. Смирнов и др.).

Поколенческая проблематика в отечественном социологическом знании современности

Для изучения структуры и взаимодействий поколений в российских университетах значимы теоретические подходы, представленные в российской социологической мысли. Основные направления и аспекты исследования — принципиальные отличия в поведении, ценностных ориентациях; преемственность поколений, межпоколенческие перемещения; межпоколенческие конфликты и обуславливающие их факторы; степень межпоколенческого доверия; анализ особенностей отдельных поколений (бэби-бумеров, миллениалов, поколения X и др.); межпоколенческие и внутрипоколенческие взаимодействия в условиях цифровизации.

Специалисты в области изучения поколенческой проблематики (Е. М. Авраамова, М. Б. Глотов, В. И. Ильин, В. Т. Лисовский, В. М. Пашинский, В. В. Радаев, В. В. Семенова и др.) рассматривают взаимоотношения поколений в контексте исторической ситуации. В конце второго десятилетия XXI в. все большее внимание уделяется взаимоуважению, пониманию, доверию в межпоколенческом взаимодействии. Еще одна исследовательская тенденция — на основании идей К. Мангейма о поколенческой страте и поколенческой единице, Липсета о доминировании различий внутрипоколенческих групп над их сходством — выявление неоднородности поколенческих групп, их внутреннего структурирования (Ю. Г. Волков, А. Г. Щелкин, Е. М. Авраамова).

В научных источниках последней четверти XX — первой четверти XXI в. представлен спектр трактовок понятия «поколение» с позиций значимости поколенческого анализа, поколенческой структуры, межпоколенческих взаимодействий. В. Т. Лисовский, реализуя понятийный анализ поколенческой проблематики в российской социологии, сформулировал пять значений понятия «поколение»: демографическое, антропологическое, историческое, хронологическое, символическое [Лисовский, с. 101].

Представители отечественной социологии в качестве признаков для определения поколений и их типологии выделяют возраст (год рождения, шаг поколений); историко-культурные условия, в которых происходила социализация; ценностные приоритеты; поведенческие стандарты; самоидентификацию с определенной поколенческой группой.

И. С. Кон считал, что для представителей одного поколения характерны близкие возрастные рамки: они живут в одно и то же время, их объединяют

переживания исторических событий. Очень важна идея И. С. Кона о таких поколенческих признаках, как поколенческая самоидентификация, самосознание, солидарность. Основания отнесения индивидов к поколению — «наличие специфических каналов коммуникации, собственного имени, внешних знаков отличия, группового самосознания, а также уровень групповой солидарности их членов» [Кон, с. 81].

М. Б. Глотов, В. В. Семенова обращают внимание на то, что поколения характеризуются возрастными границами, общностью условий социализации в схожих исторических условиях. Поколение, по мнению М. Б. Глотова, это социально-демографическая и культурно-историческая общность людей, «объединенных границами возраста и общими условиями формирования и функционирования в конкретно-исторический период времени» [Глотов, с. 42]. Для анализа университетских поколений представляется важной идея рассмотрения поколения как социальной общности. В. В. Семенова понимает под поколением реальную социальную группу, выделяемую на основании возраста, общности восприятий и моделей поведения, которые вызваны общими историческими событиями [Семенова, с. 213–216].

Трактовка признаков поколения, включающих год рождения, исторический период и их взаимовлияние, представлена Т. Шаниным [Шанин, с. 36–37].

Интерес представляет позиция В. М. Пашинского, считающего, что возраст не является основным признаком поколения. Представителей поколения объединяют основные формы социализации, определяемые «избранным меньшинством» поколения, в которое могут входить представители разных внутр поколенческих групп. Обосновывается доминирование «избранного меньшинства» поколенческой группы, определяющей основные формы социализации. Поэтому при формировании нового поколения формируется новое «избранное меньшинство» — те, кто вырабатывает его «парадигму».

Данная трактовка обладает эвристическим потенциалом для исследования поколенческих взаимодействий образовательных общностей, равно как и обоснованная В. М. Пашинским мысль о преобладании целерационального поведения внутри старшего поколения и ценностно-рационального — внутри молодежи, в результате чего создается основа конфликта поколений. Последнее значимо для рассмотрения поколенческих конфликтов в университетском сообществе [Пашинский, с. 50–59].

На то, что возраст — исходный, но недостаточный признак для определения поколений и их типологии, обращает внимание В. В. Радаев. При сохранении значимости когортного подхода его необходимо дополнить подходом историко-культурным, что позволит рассматривать поколение как социальную группу, совместно переживающую важные исторические события, обладающую общностью взглядов, восприятий, поведенческих практик [Радаев, 2023, с. 27–44].

Таким образом, выделяемые в качестве поколенческих признаков возрастные границы, общие условия формирования личности, функционирование в конкретный исторический период времени, значимые образцы поведения,

соответствующий набор символов принципиально важны для понимания университетских поколений.

Важной для анализа поколенческой структуры университетского сообщества также нам кажется идея А. Г. Щелкина о том, что поколение представляет собой общность, «работающую» на время, в котором поколение живет. О новом поколении в социологическом смысле можно говорить только тогда, когда «оно справляется со своей социальной функцией, призванием, судьбой» [Щелкин, с. 141].

Таким образом, отечественные исследователи акцентируют внимание на поколенческой преемственности, межпоколенческих перемещениях. Среди проявлений межпоколенческих взаимодействий в центре внимания, с одной стороны, конфликт поколений, разрыв, раскол, интолерантность, кризис, с другой — сотрудничество, диалог, толерантность, согласие, консенсус. Именно эти формы выступают предметом изучения поколенческих взаимодействий в университетском сообществе.

Важным фактором влияния на межпоколенческие и внутрипоколенческие взаимодействия в университетском сообществе является цифровизация всех аспектов его деятельности. В результате цифровой трансформации образования планируется снизить нагрузку на преподавателей, обеспечить интеграцию цифровых технологий и продуктов в процесс обучения, воспитания и развития [Об утверждении стратегического направления...].

То, что университетские поколенческие общности обладают разным уровнем владения цифровыми образовательными продуктами и технологиями, может стать как основой возникновения конфликтных ситуаций при взаимодействии, так и фактором установления отношений взаимопомощи, диалога.

Выводы

Краткий анализ трактовок поколений в истории социального знания и в современных отечественных источниках позволяет сделать вывод о трех сформировавшихся трендах данной проблематики, имеющих значение для изучения поколенческих и внутрипоколенческих аспектов российского университетского сообщества.

Первый тренд включает трактовки самого поколения, определение его признаков, факторов формирования. Поколение трактуется как социальная группа, реже — как социальная общность. Для нас же это принципиально важно, так как университетская поколенческая структура пересекается со структурой общностной. Выделяются следующие признаки поколения: 1) наличие возрастных границ (представители поколения относятся к одной демографической когорте); 2) схожий процесс социализации в одних и тех же социальных, культурных условиях; 3) переживание одних исторических и социально-культурных событий, на основе чего формируются схожие поведенческие модели, образцы мыслей и чувствований.

Второй тренд исследований — изучение межпоколенческих отношений и взаимодействий, межпоколенческого диалога, сотрудничества, конфликтов

и кризисных ситуаций. Характеризуя отношения поколений современности, исследователи отмечают, что, несмотря на их формирование в условиях значительного технологического и культурного разрыва, в межпоколенческих взаимодействиях высока степень устойчивости и позитивности. В зарубежном социальном знании внимание акцентируется прежде всего на конфликтных поколенческих ситуациях, на их проявлениях и факторах детерминации. Отечественные исследователи, характеризуя этот аспект межпоколенческих отношений, первостепенное внимание уделяют выявлению основ межпоколенческой солидарности, позитивного взаимодействия.

Третий тренд поколенческих исследований — траектории и факторы формирования и функционирования поколений, условий их конфликта и сотрудничества. Межпоколенческие конфликты формируются вследствие неравенства поколений под влиянием таких факторов, как значимые различия в уровне доходов, в качестве жизни, во владении новыми технологиями, в возможностях выбора трудовой деятельности, в ценностях и убеждениях. Уровень дохода, образования, трудовая деятельность и трудовая мобильность, принадлежность к той или иной субкультуре представляют собой комплекс факторов, на основании которых возможно определение типологии внутрипоколенческих групп. Эта тема заслуживает специального глубокого теоретического и эмпирического анализа.

Устойчивое функционирование российской высшей школы и разработка ее дальнейшей стратегии в качестве важнейшего условия характеризуется оптимальным сочетанием не только поколенческих, но и внутрипоколенческих групп, поскольку «младшие» и «старшие» внутрипоколенческие группы во многом выступают гарантами преодоления «поколенческих разрывов», установления консенсуса, создания ситуаций объединения ресурсов внутрипоколенческих групп. Критериями типологии внутрипоколенческих групп внутри университетского сообщества может стать комплекс признаков, содержащих как универсальные для трех выделенных общностей — научно-педагогических работников, студентов, административно-управленческих работников, так и специфические для каждой их них признаки. К универсальным признакам относятся возраст, осознание принадлежности к университетскому сообществу, ключевые виды деятельности (педагогическая и научная). Дополняющие их специфические признаки как раз и позволяют зафиксировать межпоколенческие различия: оценка поколением своей роли в университетском сообществе, поколенческой значимости; факторы и степень мотивации к научно-педагогической деятельности; уровень педагогического мастерства; выстраивание ценностных приоритетов при выполнении предписанных действующими нормами функций.

Внутрипоколенческие различия и взаимодействия в университетском сообществе, особенно в ракурсе их изучения как аспекта общностного анализа, еще не получили должного внимания со стороны исследователей высшего образования в России. Однако именно от понимания поколенческих и общностных взаимодействий, их современной специфики зависит качество принимаемых управленческих решений и успешность их реализации.

Структурирование образовательных общностей по поколенческому принципу (выделение в их структуре поколенческих групп), построение матрицы поколенческих и общностных взаимодействий имеет результатом формирование внутренней поколенческой и общностной структур университетского сообщества, определение их пересечений, в результате чего выявляются, с одной стороны, конфликты и разрывы поколенческих взаимодействий, с другой — солидарность и доверие, взаимопонимание и сотрудничество поколенческих групп.

Аристотель. Политика / пер. с др.-греч. С. А. Жебелева. М., 2022.

Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций / пер. с итал. А. А. Губера. Москва ; Киев, 1994.

Волков Ю. Г. Межпоколенческие взаимодействия в российском обществе: поиск языка согласия и взаимопонимания // Гуманитарий юга России. 2018. Т. 7, № 3. С. 30–42.

Гесиод. Труды и дни. Земледельческая поэма // Гесиод. Полн. собр. текстов. Поэмы и фрагменты / пер. В. В. Вересаева. М., 1927. С. 51–76.

Глотов М. Б. Поколение как категория социологии // Социол. исслед. 2004. № 10. С. 42–49.

Дильтей В. Наброски к критике исторического разума // Вопр. философии. 1988. № 4. С. 135–152.

Кон И. С. Возрастные категории в науках о человеке и обществе // Социол. исслед. 1978. № 3. С. 76–86.

Кондорсэ М. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума / пер. с фр. И. А. Шапиро. М., 2023.

Конт О. Дух позитивной философии: слово о положительном мышлении / пер. с фр. И. А. Шапиро. Ростов н/Д, 2003.

Лисовский В. Т. Динамика социальных изменений (опыт сравнительных социологических исследований российской молодежи) // Социол. исслед. 1998. № 5. С. 98–104.

Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М., 1957. Т. 8. С. 115–217.

Ожиганова Е. М. Теория поколений Хоува и Штрауса. Возможности практического применения // Бизнес-образование в экономике знаний. 2015. № 1. С. 94–95.

Ортега-и-Гассет Х. Идея поколения. Вокруг Галилея // Ортега-и-Гассет Х. Избр. тр. / пер. с исп., сост., предисл. и общ. ред. А. М. Руткевича. М., 1997. С. 272.

Пашинский В. М. Социология знания о механизме формирования поколений // Социол. журн. 2013. № 1. С. 47–63.

Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации образования, относящейся к сфере деятельности Министерства просвещения Российской Федерации : распоряжение Правительства РФ от 2 дек. 2021 г. № 3427-р. // КонсультантПлюс : справ.-правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_402676 (дата обращения: 15.05.2025).

Радаев В. В. Миллениалы. Как меняется российское общество. М., 2023.

Семенова В. В. Современные концептуальные и эмпирические подходы к понятию «поколение» // Россия реформирующаяся. 2003. № 3. С. 213–237.

Улицкий Я. С. Демографическое понятие поколения // Уч. зап. по статистике Акад. наук СССР [спец. серия]. Т(С-1). М., 1959. С. 19–56.

- Федотова В. А.* Жизнестойкость поколений современной России. Новосибирск, 2019.
- Шанин Т.* История поколений и поколенческая история // Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / сост. Ю. Левада, Т. Шанин. М., 2005. С. 33–42.
- Щелкин А. Г.* Смена поколений: сущность и реальность (онтологическая точка зрения) // Социол. исслед. 2024. № 2. С. 135–145.
- Bourdieu P.* Sociology in Question. L., 1993.
- Eisenstadt S. M.* From Generation to Generation: Age Groups and Social Structure. Taylor & Francis, 1956.
- Mannheim K.* Das Problem der Generationen, Kölner Vierteljahrshefte für Soziologie // Kölner Vierteljahrshefte für Soziologie. 1928. № 7. P. 157–185, 309–330.
- Strauss W., Howe N.* Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069. N. Y., 1991.

Статья поступила в редакцию 01.06.2025 г.

Научная статья

УДК 159.922-055.26 + 159.923:618.3 + 618.39-089.888.14

DOI 10.15826/izv1.2025.31.3.051

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ БЕРЕМЕННЫХ И ЖЕНЩИН, НАМЕРЕННЫХ ПРЕРВАТЬ БЕРЕМЕННОСТЬ

Ирина Олеговна Куваева¹

Егор Андреевич Семаков²

^{1,2} *Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия*

¹*irina.kuvaeva@urfu.ru,*

<https://orcid.org/0000-0001-5451-0725>

²*semakov.2014@inbox.ru*

А н н о т а ц и я. Представлены результаты сравнительного исследования стилей привязанности и удовлетворенности жизнью у беременных женщин ($n = 30$) и женщин, намеренных прервать беременность ($n = 30$). Психодиагностический инструментарий: опросники «Опыт близких отношений» (ECR-R), «Индекс жизненной удовлетворенности» (LSIA). Установлено, что беременные женщины, намеренные родить ребенка, в большей степени удовлетворены жизнью по сравнению с женщинами, желающими прервать беременность; характеристики опыта близких отношений отрицательно коррелируют с общей жизненной удовлетворенностью и ее компонентами. В группе женщин, намеренных прервать беременность, корреляций между характеристиками привязанности и удовлетворенности жизнью не выявлено.

К л ю ч е в ы е с л о в а: гестация; беременность; прерывающие беременность; аборт; привязанность; жизненная удовлетворенность

PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF PREGNANT WOMEN AND WOMEN ABOUT TO TERMINATE PREGNANCY

Irina O. Kuvaeva¹

Egor A. Semakov²

^{1,2} Ural Federal University,
Ekaterinburg, Russia

¹irina.kuvaeva@urfu.ru,

<https://orcid.org/0000-0001-5451-0725>

²semakov.2014@inbox.ru

Abstract. The article presents the results of a comparative study of attachment styles and life satisfaction in pregnant women ($n = 30$) and women intending to terminate pregnancy ($n = 30$). Research tools: questionnaires 'Experience of Close Relationships' (ECR-R), 'Life Satisfaction Index' (LSIA). Pregnant women who are going to have a baby are more satisfied with their lives compared to women who want to terminate the pregnancy; anxious and avoidant attachment styles are negatively correlated with life satisfaction and its components (interest in life, positive self-esteem). In the group of women intending to terminate pregnancy, there are no correlations between the attachment style and life satisfaction.

Key words: gestation; pregnancy; women, terminating a pregnancy; abortion; attachment style; life satisfaction

Введение

Беременность — важный период в жизни женщины, во время которого происходят как физиологические изменения организма, так и психологические перестройки. Как правило, беременность заканчивается рождением ребенка, но в некоторых случаях женщина может сделать репродуктивный выбор в пользу прерывания гестации. По официальной статистике, количество искусственных прерываний беременности с каждым годом снижается, однако данная цифра остается на высоком уровне — 503 тыс. прерываний в 2022 г. и 467 тыс. — в 2023 г. [Сведения о прерывании беременности]. Понимание особенностей эмоционального состояния и поведения беременной является важным как для медицинского сопровождения и оказания медицинской помощи, так и для близкого окружения женщины.

Репродуктивный выбор в пользу сохранения беременности или ее прерывания зависит от многих факторов: психологической готовности стать родителем, потребности в детях, ценности будущего ребенка [Чебан, Ячикова]; мотивов зачатия, характера отношений с супругом и другими своими детьми [Олифинович, Зинкевич-Куземкина, Велента]. Уровень психологической готовности к материнству обуславливает принятие решения о рождении ребенка. При низком уровне психологической готовности к материнству женщина сомневается в принятии решения иметь ребенка. Данный внутрличностный конфликт влияет на характер

течения беременности и сопровождается негативными ощущениями и переживаниями. В то время как высокий уровень психологической готовности к материнству не сопряжен с внутренним конфликтом и сомнениями в необходимости рождения ребенка [Мещерякова]. Вопрос о взаимосвязи репродуктивного выбора, стиля привязанности и общей удовлетворенности жизнью у беременной женщины фрагментарно представлен в зарубежных и отечественных исследованиях.

Феномен привязанности первоначально рассматривался в контексте отношений «мать — ребенок». Согласно классической теории привязанности, она представляет собой прочную эмоциональную связь между матерью и младенцем. Физическое присутствие и забота матери о младенце обеспечивают ощущение безопасности ребенку [Боулби]. Дальнейшее изучение привязанности распространилось и на взрослых людей. Двухфакторная модель привязанности взрослого человека включает такие параметры, как (1) тревожность в отношениях и (2) избегание близости [Fraley, Shaver]. Тревожность как характеристика привязанности сопряжена с мерой уверенности или неуверенности человека в надежности и отзывчивости значимого лица; избегание отражает степень дискомфорта, переживаемого при психологическом сближении с другим человеком и формировании зависимости от него [Сабельникова, Каширский].

Стиль привязанности сопряжен с психоэмоциональным состоянием женщины, ее репродуктивным выбором и особенностями поведения. В работе О. В. Коньковой и Е. И. Даниленко выявлены особенности привязанности женщин с нормальным течением и патологией беременности. Надежный стиль привязанности в большей степени характерен для женщин с нормальным течением беременности; женщина эмоционально уравновешена, активно взаимодействует с плодом, имеет позитивный настрой. Избегающий стиль связан с угрозой прерывания беременности, тревожный — с появлением токсикоза [Конькова, Даниленко, с. 126]. Женщины с надежным стилем привязанности обладают низким уровнем стресса и готовностью обращаться за помощью, в то время как беременные с тревожным и избегающими стилями привязанности — высоким стрессом и слабой привязанностью к плоду [Mikulincer, Florian]. Женщины с небезопасными стилями привязанности подвержены риску послеродовой депрессии [Ikeda, Hayashi, Kamiberru], в то время как женщины с надежной привязанностью обладают высоким уровнем психологического благополучия [Mikulincer, Florian].

В исследовании V. Aasheim отмечается снижение удовлетворенности жизнью у женщин 28–40 лет и старше в процессе развития беременности и после рождения ребенка, подобных изменений не обнаружено у женщин в возрасте от 25 до 31 года [Aasheim, Waldenstrom, Rasmussen]. Для женщин, решившихся на искусственное прерывание беременности, характерны низкая удовлетворенность жизнью, пониженный фон настроения и несформированность полоролевой идентичности [Карпова, Гончарук]. Женщины, намеренные прервать беременность, в меньшей степени удовлетворены разными сферами своей жизни [Huss]. Следует отметить, что исследований взаимосвязи стиля привязанности и удовлетворенности жизнью у беременных и женщин, выбравших аборт, крайне недостаточно.

Процедура и методы исследования

Цель исследования — анализ стилей привязанности и удовлетворенности жизнью у беременных и женщин, намеренных прерывать беременность.

Выборка. Исследование проводилось на базе женской консультации и роддома ГАУЗ СО «Талицкая ЦРБ». По данным внутрибольничной статистики женской консультации г. Талица, к психологу ежемесячно обращается от 15 до 25 женщин, намеренных прервать беременность. Выборку составили 30 беременных на разных сроках гестации и 30 женщин, выбравших искусственное прерывание беременности. Средний возраст — 29 лет (диапазон от 20 до 36 лет). Респонденты являются жителями г. Талица (40 %), г. Троицкий (21,6 %), поселков, деревень и сел (38,2 %). Сбор эмпирических данных осуществлялся на приеме психолога, индивидуально.

Методики. Психодиагностический инструментарий включал два опросника и анкету:

1. Опросник «Опыт близких отношений» (ECR-R) в адаптации Т. В. Казанцевой позволяет оценить индивидуальные различия взрослых людей, находящихся в отношениях привязанности. Диагностируемые показатели: 1) тревожность в отношениях привязанности — уровень уверенности или неуверенности в надежности и отзывчивости значимого лица; 2) избегание близости в отношениях привязанности — степень дискомфорта, переживаемого при психологическом сближении с другим человеком и формирование зависимости от него [Казанцева].

2. Опросник «Индекс жизненной удовлетворенности» (LSIA) в адаптации Н. В. Панина направлен на выявление общего психологического состояния, социально-психологической адаптации и степени психологического комфорта человека. Диагностируемые компоненты жизненной удовлетворенности: 1) интерес к жизни — степень увлеченности обыденной жизнью; 2) последовательность в достижении целей — решительность и направленность на достижение целей; 3) согласованность между поставленными и достигнутыми целями — способность достижения поставленных целей; 4) положительная оценка себя и своих поступков — самооценка внешних и внутренних качеств; 5) общий фон настроения — степень оптимизма и удовольствия от жизни [Кроник].

3. Социально-демографическая анкета разработана для сбора данных о причинах прерывания беременности, опыте прошлых родов, согласии партнера на искусственное прерывание беременности и т. д. Женщина могла отметить только одну причину для прерывания беременности или указать свою причину.

Для первичной обработки, структуризации данных использовалась программа Microsoft Excel, для математической статистики — IBM SPSS Statistics версии 27.0.1. Для выявления корреляций между стилями привязанности и жизненной удовлетворенностью использовался r -коэффициент Спирмена; для выявления различий между двумя группами женщин — U -критерий Манна — Уитни.

Результаты исследования

Причины прерывания беременности. Согласно анкетным данным, основной причиной искусственного прерывания беременности является удовлетворенность количеством детей в семье. Семь женщин, прерывающих беременность, имели опыт неудачных родов (кесарево сечение, острая гипоксия плода, поперечное положение плода и т. д.). Другие причины, связанные с принятием решения прервать беременность, — жилищные и финансовые проблемы (см. рисунок). Следует отметить, что большинство партнеров (90 %), как правило, поддерживают выбор женщины и соглашаются на прерывание беременности.

Причины прерывания беременности

Описательная статистика. Согласно данным, представленным в табл. 1, опыт близких отношений у женщин характеризуется низкой тревожностью и низким избеганием близости в отношениях привязанности. Они обладают средним уровнем жизненной удовлетворенности, у них выражена решительность и направленность в достижении целей. Результаты по шкале «общий фон настроения» свидетельствуют о низком положительном эмоциональном фоне, низком оптимизме и низкой удовлетворенности жизнью респондентов.

Таблица 1

Сравнение данных описательной статистики ($n = 60$)

Показатель	Среднее значение	Стандартное отклонение	Минимум	Максимум
Опыт близких отношений				
Тревожность в отношениях привязанности	3,85	2,51	0	1
Избегание близости в отношениях привязанности	4,88	2,02	1	11

Окончание табл. 1

Показатель	Среднее значение	Стандартное отклонение	Минимум	Максимум
И н д е к с ж и з н е н н о й у д о в л е т в о р е н н о с т и				
Индекс жизненной удовлетворенности	30,10	5,43	17	38
Интерес к жизни	6,27	1,70	2	8
Последовательность действий	6,51	1,52	3	8
Согласованность между поставленными и достигнутыми целями	5,49	1,62	1	8
Положительная оценка	5,03	1,52	1	8
Общий фон настроения	1,54	0,68	0	2

П р и м е ч а н и е. Здесь и в табл. 2 использовались данные опросников «Опыт близких отношений» и «Индекс жизненной удовлетворенности».

Сравнительный анализ стилей привязанности и удовлетворенности жизнью у беременных и женщин, намеренными прервать беременность. Согласно данным, представленным в табл. 2, две группы женщин не различаются по параметрам опыта близких отношений, однако выявлены значимые различия по индексам жизненной удовлетворенности и согласованностью между поставленными и достигнутыми целями (табл. 2). Женщины, намеренные сохранить беременность и родить ребенка, в большей степени удовлетворены собственной жизнью; они верят в возможность достижения поставленных целей.

Таблица 2

Сравнение стилей привязанности и жизненной удовлетворенности у беременных и женщин, намеренных прервать беременность

Показатель	U-критерий Манна – Уитни	Средний ранг	
		беременные женщины	женщины, намеренные прерывать беременность
О п ы т б л и з к и х о т н о ш е н и й			
Тревожность в отношениях привязанности	375,000	28,00	33,00
Избегание близости в отношениях привязанности	368,000	27,77	33,23

Окончание табл. 2

Показатель	U-критерий Манна – Уитни	Средний ранг	
		беременные женщины	женщины, намеренные прерывать беременность
Индекс жизненной удовлетворенности			
Индекс жизненной удовлетворенности	270,500*	36,48	24,52
Интерес к жизни	336,500	34,48	24,52
Последовательность действий	364,500	33,35	27,63
Согласованность между поставленными и достигнутыми целями	304,00*	35,37	28,63
Положительная оценка	394,000	32,37	28,63
Общий фон настроения	358,000	33,57	27,43

Примечание. * $p < 0,05$.

Взаимосвязь характеристик в отношениях привязанности и жизненной удовлетворенности. Согласно данным, представленным в табл. 3, тревожность в отношениях привязанности отрицательно связана с общей жизненной удовлетворенностью женщины и ее интересом к жизни. Выявлена обратная связь избегания близости в отношениях привязанности с общей удовлетворенностью жизнью и положительной оценкой.

Таблица 3

Взаимосвязь характеристик опыта близких отношений и жизненной удовлетворенности у женщин, намеренных рожать ($n = 30$)

Показатель	Тревожность в отношениях привязанности	Избегание близости в отношениях привязанности
Индекс жизненной удовлетворенности	-0,435*	-0,475**
Интерес к жизни	-0,370*	-0,133
Последовательность действий	-0,282	-0,184
Согласованность между поставленными и достигнутыми целями	-0,137	-0,255
Положительная оценка	-0,297	-0,475**
Общий фон настроения	-0,125	-0,275

Примечание. * $p < 0,05$, ** $p < 0,01$.

Значимых корреляций между показателями жизненной удовлетворенности и характеристиками отношений привязанности у женщин, желающих прервать беременность, не выявлено (табл. 4).

Таблица 4

Взаимосвязь характеристик опыта близких отношений и жизненной удовлетворенности у женщин, намеренных прерывать беременность ($n = 30$)

Показатель	Тревожность в отношениях привязанности	Избегание близости в отношениях привязанности
Индекс жизненной удовлетворенности	-0,118	-0,114
Интерес к жизни	0,088	0,223
Последовательность действий	-0,119	0,086
Согласованность между поставленными и достигнутыми целями	-0,241	-0,260
Положительная оценка	-0,126	-0,258
Общий фон настроения	-0,136	-0,098

Обсуждение

Репродуктивный выбор сопряжен с принятием важного решения в жизни женщины. Беременность вынуждает женщин перестраивать поведение, организацию жизни, отношение к здоровью и работе. У беременных, различающихся по типу репродуктивного выбора, имеются отличия в показателе удовлетворенности жизнью, но не в опыте близких отношений.

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что женщины, намеренные сохранить беременность, в большей степени удовлетворены жизнью, чем прерывающие беременность. Они более настойчивы и решительны в достижении целей. Полученные результаты согласуются с исследованием Э. Б. Карповой и Т. Б. Гончарук, в котором показано, что 85 % беременных, желающих родить ребенка, отличаются высокой удовлетворенностью жизнью [Карпова, Гончарук]. Поддержка партнера (особенно на последних сроках гестации) является важным фактором в ощущении удовлетворенности жизнью беременной женщиной: комфортные, доверительные и отзывчивые отношения способствуют ее благополучию [Gebuza, Kaźmierczak, Mieczkowska, Gierszewska]. Следует обратить внимание, что по мере развития беременности жизненная удовлетворенность женщины снижается [Branicka-Woźniak, Wójcik, Włażejewska-Jaśkowiak, Kurzawa], поэтому необходимы специальные программы сопровождения беременных по улучшению их психоэмоционального состояния и снижения тревожности.

Ограничение представленного исследования состоит в том, что беременные женщины на момент опроса находились на разных сроках гестации и некоторые из женщин, намеренных прерывать беременность, уже имели опыт аборта. В дальнейших исследованиях планируется увеличить выборку и группировать респондентов по количеству абортов, сроку гестации и опыту предыдущих родов.

Полученные данные могут способствовать разработке программ, направленных на сопровождение беременных и на поддержку женщин в ситуации репродуктивного выбора. При психологической работе с женщинами, прерывающими беременность, необходимо уделять особое внимание их отношению к собственной жизни, возможности удовлетворения разных потребностей, уровню самооценки и поиску ресурсов социальной поддержки. Консультирование беременных и женщин, прерывающих беременность, может быть направлено на осознание ими своего стиля привязанности и стиля привязанности партнера, что будет способствовать построению конструктивных и стабильных семейных отношений.

Бойлби Дж. Привязанность = Attachment / общ. ред. и вступ. ст. Г. В. Бурменской ; пер. с англ. Н. Г. Григорьевой и Г. В. Бурменской. М., 2003.

Казанцева Т. В. Адаптация модифицированной методики «Опыт близких отношений» К. Бреннан и Р. К. Фрейли // Изв. РГПУ им. А. И. Герцена. 2008. № 74-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/adaptatsiya-modifitsirovannoy-metodiki-opyt-blizkih-otnosheniy-k-brennan-i-r-k-freyli> (дата обращения: 30.03.2025).

Карпова Э. Б., Гончарук Т. Б. Ценностные приоритеты, полоролевая идентичность и типы привязанности у женщин, прерывающих беременность // Вестн. Омск. ун-та. Сер. : Психология. 2022. № 1. С. 18–32. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsennostnye-prioritety-polorolevaya-identichnost-i-tipy-privyazannosti-u-zhenschin-preryvayuschih-beremennost> (дата обращения: 24.04.2025).

Конькова О. В., Даниленко Е. И. Тип привязанности и отношение женщин к беременности при норме и патологии вынашивания // Инновационные социально-психологические технологии: от теории к практике : сб. материалов Междунар. науч.-практ. фестиваля кафедры соц. работы и реабилитологии ф-та философии и соц. наук Белорус. гос. ун-та, посвящ. 100-летию ун-та, 20 нояб. 2021 г. / [редкол.: Н. Н. Красовская (отв. ред.), Д. В. Воронович, Е. И. Климушко]. Минск, 2021. С. 123–126.

Кроник А. А. Life-line и другие новые методы в психологии жизненного пути / сост., общ. ред. А. А. Кроника. М., 1993.

Мещерякова, С. Ю. Психологическая готовность к материнству // Вопр. психологии. 2000. № 5. С. 18–28

Олифирович Н. И., Зинкевич-Куземкина Т. А., Велента Т. Ф. Психология семейных кризисов. СПб., 2006.

Сабельникова, Н. В., Каширский Д. В. Опросник привязанности к близким людям // Психол. журн. 2015. Т. 36, № 4. С. 84–97.

Сведения о прерывании беременности / Федер. служба гос. статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13721> (дата обращения: 25.04.2025).

Чебан О. С., Ячикова Н. Н. Репродуктивный выбор и его последствия для женщины, семьи, общества // Актуальные проблемы психологии как науки и практики в Приднестровье :

материалы Междунар. науч.-практ. конф. / редкол.: В. И. Кучерявенко [и др.]. Тираспол, 2022. С. 35–38.

Aasheim V., Waldenström U., Rasmussen S. et al. Satisfaction with life during pregnancy and early motherhood in first-time mothers of advanced age: a population-based longitudinal study // BMC Pregnancy Childbirth. 2014. Vol. 14, № 86. <https://doi.org/10.1186/1471-2393-14-86>

Branicka-Woźniak D., Wójcik A., Błażejewska-Jaśkowiak J., Kurzawa R. Sexual and Life Satisfaction of Pregnant Women // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2020. Vol. 17, iss. 16. P. 5894–5908. <https://doi.org/10.3390/ijerph17165894>

Fraley R. C., Shaver P. R. Adult romantic attachment: Theoretical developments, emerging controversies and unanswered questions // Review of General Psychology. 2000. Vol. 4. P. 132–154.

Gebuz G., Kaźmierczak M., Mieczkowska E., Gierszewska M. Social support as a determinant of life satisfaction in pregnant women and women after surgical delivery // Psychiatria Polska. 2018. Vol. 52, iss. 3. P. 585–598. <https://doi.org/10.12740/PP/OnlineFirst/64194>

Huss B. Well-Being Before and After Pregnancy Termination: The Consequences of Abortion and Miscarriage on Satisfaction With Various Domains of Life // J. Happiness Stud. 2021. Vol. 22. P. 2803–2828. <https://doi.org/10.1007/s10902-020-00350-5>

Ikeda M., Hayashi M., Kamibepu K. The relationship between attachment style and postpartum depression // Attachment & Human Development. 2014. Vol. 16, iss. 6. P. 557–572. <https://doi.org/10.1080/14616734.2014.941884>

Mikulincer M., Florian V. Maternal-Fetal Bonding, Coping Strategies, and Mental Health During Pregnancy – The Contribution of Attachment Style // Journal of Social and Clinical Psychology. 1999. Vol. 18, № 3. P. 255–276.

Статья поступила в редакцию 05.06.2025 г.

Научная статья

УДК 159.9.072 + 159.942 + 316.624-053.6 + 159.923.3-053.6 + 159.922.736.4

DOI 10.15826/izv1.2025.31.3.052

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ, АГРЕССИВНОСТЬ И ИМПУЛЬСИВНОСТЬ У ДЕЛИНКВЕНТНЫХ И ЗАКОНОПОСЛУШНЫХ ПОДРОСТКОВ

Рустам Рафикович Муслумов¹
Галина Владимировна Палкина²

^{1,2} *Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия*

¹ *Межрегиональный отдел психологической работы
Главного управления Федеральной службы
исполнения наказания по Свердловской области,
Екатеринбург, Россия*

¹ *r.r.muslimov@urfu.ru,*

<https://orcid.org/0000-0003-1327-1590>

² *g.v.palkina@gmail.com,*

<https://orcid.org/0009-0001-6452-6437>

А н н о т а ц и я. В статье представлены результаты исследования эмоционального интеллекта, импульсивности, агрессивности и склонности к риску у подростков с различным уровнем социальной адаптации. В исследовании приняли участие 92 подростка мужского пола в возрасте 15–16 лет: 46 делинквентных подростков, содержащихся в воспитательной колонии, и 46 законопослушных школьников. Для диагностики применялись валидизированные психодиагностические методики: опросник эмоционального интеллекта (ЭМИн; Д. В. Люсин), шкала импульсивности Барратта (BIS-11; в русской адаптации Д. С. Шумской и соавт.), опросник агрессивности Басса — Перри (в адаптации М. М. Лобасковой и соавт.) и методика оценки склонности к риску (Г. Шуберт; в адаптации М. А. Котика). Результаты показали, что делинквентные подростки демонстрируют более высокий уровень импульсивности, агрессии и склонности к риску. Эмоциональный интеллект проявляет выраженные регуляторные функции только в группе законопослушных подростков. У делинквентов наблюдается ослабление связи между эмоциональным интеллектом и поведенческими показателями, что интерпретируется как признак эмоциональной дезорганизации и нарушения механизмов саморегуляции. Полученные данные могут быть использованы при разработке программ профилактики девиантного поведения и индивидуализированной психокоррекции подростков, находящихся в группе социального риска.

К л ю ч е в ы е с л о в а: эмоциональный интеллект; подростки; делинквентное поведение; импульсивность; агрессивность; склонность к риску; саморегуляция; профилактика девиаций

© Муслумов Р. Р., Палкина Г. В., 2025

EMOTIONAL INTELLIGENCE, AGGRESSIVENESS, AND IMPULSIVITY IN DELINQUENT AND LAW-ABIDING ADOLESCENTS

Rustam R. Muslumov¹

Galina V. Palkina²

^{1,2} Ural Federal University,
Ekaterinburg, Russia

¹ Interregional Department of Psychological Work,
Main Directorate of the Federal Penitentiary Service
for the Sverdlovsk Region,
Ekaterinburg, Russia

¹r.r.muslumov@urfu.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-1327-1590>

²g.v.palkina@gmail.com,
<https://orcid.org/0009-0001-6452-6437>

Abstract. The article presents the results of a study on emotional intelligence, impulsivity, aggressiveness, and risk propensity in adolescents with different levels of social adaptation. The study involved 92 male adolescents aged 15–16 years: 46 delinquent adolescents held in a juvenile correctional facility and 46 law-abiding school students. Validated psychodiagnostic tools were used for assessment: the Emotional Intelligence Questionnaire (EmIn; D. V. Lyusin), the Barratt Impulsiveness Scale (BIS-11; Russian adaptation by D. S. Shumskaya et al.), the Buss–Perry Aggression Questionnaire (Russian adaptation by M. M. Lobaskova et al.), and the Risk Propensity Assessment Method (G. Schubert, adapted by M. A. Kotik). The results showed that delinquent adolescents exhibited higher levels of impulsivity, aggressiveness, and risk propensity. Emotional intelligence demonstrated significant regulatory functions only within the group of law-abiding adolescents. In the delinquent group, the link between emotional intelligence and behavioral indicators was weakened, which is interpreted as a sign of emotional disorganization and disrupted self-regulation mechanisms. The findings can be used in the development of prevention programs for deviant behavior and individualized psychocorrection for adolescents at social risk.

Key words: emotional intelligence; adolescents; delinquent behavior; impulsivity; aggressiveness; risk propensity; self-regulation; prevention of deviance

Введение

Проблематика девиантного поведения подростков сохраняет высокую степень актуальности в контексте возрастания показателей ювенальной преступности и социальной дезадаптации. Современные исследования подтверждают, что психологические характеристики личности, включая уровень эмоционального интеллекта, импульсивность, агрессивность и склонность к риску, являются значимыми предикторами противоправного и рискованного поведения.

Однако на сегодняшний день отсутствует единая концепция, объясняющая, каким образом указанные личностные характеристики формируют поведенческие стратегии подростков в различных условиях социализации. Не вполне ясно,

какие именно механизмы — когнитивные, эмоциональные или поведенческие — играют ключевую роль в регуляции девиантного поведения и в какой степени эти механизмы сохраняют свою эффективность в неблагоприятных социальных контекстах. Проблема усугубляется тем, что существующие данные о взаимосвязях между эмоциональным интеллектом, агрессией, импульсивностью и склонностью к риску зачастую получены на гетерогенных выборках и не позволяют сделать однозначные выводы о специфике их взаимодействия в законопослушной и делинквентной подростковой среде.

Термин «эмоциональный интеллект» был впервые предложен П. Саловей и Дж. Майером и описывает способность воспринимать, понимать, регулировать и использовать эмоции в межличностных взаимодействиях [Salovey, Mayer]. Позже Д. Гоулман расширил определение, включив в него навыки социальной адаптации и эмоциональной саморегуляции [Goleman]. Исследования показывают, что высокий уровень эмоционального интеллекта (далее — ЭИ) способствует адаптивному поведению, эффективному разрешению конфликтов и снижению уровня агрессии [Бочкова, Мешкова]. В то же время низкий эмоциональный интеллект коррелирует с импульсивностью, агрессивными реакциями и проблемами социальной адаптации [Корнетов, Прядухина, Морева и др.].

Агрессия у подростков проявляется в физических, вербальных и косвенных формах [Björkqvist]. Установлено, что высокий уровень эмоционального интеллекта у подростков связан с низким уровнем агрессии, поскольку у них развита способность к эмоциональной регуляции и эмпатии [Mikolajczak, Luminet, Leroу, Roy]. Однако у делинквентных подростков уровень агрессии выше, что объясняется недостаточной эмоциональной саморегуляцией и низкой эмпатией [Мельникова].

Некоторые авторы указывают, что подростки с высоким уровнем манипулятивного эмоционального интеллекта могут использовать свои навыки для достижения антисоциальных целей [Austin, Farrelly, Black, Moore]. Это означает, что высокий эмоциональный интеллект не всегда является предиктором законопослушного поведения, а его влияние зависит от индивидуальных особенностей подростка и социальных условий.

Импульсивность определяется как неспособность контролировать свои реакции и склонность действовать без обдумывания последствий. Она тесно связана с низким уровнем эмоционального интеллекта, поскольку недостаточная саморегуляция эмоций приводит к необдуманному поведению [Федорова]. Исследования показывают, что делинквентные подростки демонстрируют высокую импульсивность, что коррелирует с их склонностью к агрессивному и антисоциальному поведению [Barratt, Stanford, Kent, Felthous]. Напротив, законопослушные подростки демонстрируют более высокий уровень самоконтроля, что снижает риск вовлечения в противоправную деятельность [Сапега, Богданович].

Ряд исследований подтверждают, что низкий уровень эмоционального интеллекта предсказывает высокий уровень импульсивности и агрессивности

[Coccaro, Fanning, Lee, Keedy]. Эмоциональная дисрегуляция делает подростков более подверженными негативным эмоциональным реакциям, что увеличивает вероятность агрессивного поведения [Garofalo, Neumann, Velotti].

У делинквентных подростков наблюдается выраженный дисбаланс между рассматриваемыми переменными: они демонстрируют низкий уровень эмоционального интеллекта, высокую импульсивность и склонность к агрессии [Чухрова, Абрикосова, Кудинова, Иргит]. Кроме того, в исследовании Ю. А. Кочетовой, М. В. Климаковой подчеркивается, что низкий уровень эмоционального интеллекта связан с повышенной физической агрессией, независимо от пола и возраста [Кочетова, Климакова].

Исследования также указывают на взаимосвязь между низким уровнем эмоционального интеллекта и склонностью к рисковому поведению у подростков [Корнилова, Павлова]. Дефицит саморегуляции и недостаточное понимание последствий собственных действий приводят к тому, что делинквентные подростки чаще вовлекаются в рискованные формы поведения, такие как участие в противоправной деятельности, употребление психоактивных веществ и нарушение социальных норм. Импульсивность, в свою очередь, способствует снижению способности прогнозировать возможные негативные последствия своих поступков, что усиливает рискованное поведение. Недостаточная саморегуляция и неспособность понимать последствия своих действий приводят к импульсивности, что усиливает рискованное поведение.

Однако существующие эмпирические данные являются фрагментарными, особенно в части сравнительного анализа законопослушных и делинквентных подростков. Недостаточно изученными остаются механизмы, посредством которых эмоциональный интеллект может выполнять регуляторную функцию в поведении несовершеннолетних, а также условия, при которых эта функция ослабляется. Углубленное понимание таких механизмов представляется необходимым как с теоретической, так и с прикладной точек зрения, поскольку оно может стать основой для разработки комплексных программ психологической профилактики и ресоциализации.

Методы

Цель настоящего исследования заключалась в сравнительном анализе взаимосвязей между эмоциональным интеллектом, импульсивностью, агрессивностью и склонностью к риску у подростков с различным уровнем социальной адаптации — делинквентных и законопослушных.

В исследовании приняли участие 92 подростка мужского пола в возрасте от 15 до 16 лет ($M = 15,4$; $SD = 0,49$). Группа делинквентных подростков включала 46 человек, содержащихся в Кировградской воспитательной колонии. Группу законопослушных подростков составили 46 школьников, обучающихся в муниципальном автономном общеобразовательном учреждении «Средняя общеобразовательная школа № 52» г. Екатеринбург.

Исследование проводилось индивидуально, с соблюдением принципов добровольности и конфиденциальности. Участники дали письменное согласие на участие в исследовании. Все процедуры соответствовали нормам этики, одобренным этическим комитетом образовательной организации.

Опросник эмоционального интеллекта (ЭМИн). Методика разработана Д. В. Люсиным на основе четырехфакторной модели эмоционального интеллекта [Люсин]. Методика включает следующие шкалы:

- Межличностный интеллект (МЭИ): способность к пониманию и регуляции эмоций других людей.
- Внутрличностный интеллект (ВЭИ): способность к осознанию и управлению собственными эмоциями.
- Понимание эмоций (ПЭ): способность к когнитивному анализу эмоциональных состояний.
- Управление эмоциями (УЭ): эффективность эмоциональной регуляции в различных ситуациях.

Методика Басса – Перри. Методика предназначена для оценки агрессивности как личностной черты. Была разработана в 1992 г. А. Бассом и М. Перри. В 2007 г. С. Н. Ениколопов и Н. Цибульский адаптировали опросник и выделили трехфакторную структуру, включающую показатели физической агрессии, гнева и враждебности. Используемая методика была адаптирована в 2021 г. группой авторов под руководством М. Н. Лобасковой [Адамович, Исмагуллина, Маракшина и др.].

Методика включает следующие шкалы:

- Физическая агрессия: проявления прямого физического воздействия.
- Вербальная агрессия: словесные нападки и конфликты.
- Гнев: эмоциональная составляющая агрессии.
- Враждебность: склонность к негативной интерпретации действий окружающих.

Шкала импульсивности Барратта (BIS-11), краткая версия. Методика направлена на диагностику индивидуальных различий в импульсивности. Оригинальная версия была разработана Е. Barratt и коллегами, адаптирована на российской выборке в 2015 г. С. Н. Ениколоповым и Т. И. Медведевой. Краткая русскоязычная версия, использованная в данной работе, была разработана в 2023 г. Д. С. Шумской [Шумская, Трусова, Кибитов].

Методика включает три шкалы:

- Моторная импульсивность: склонность к импульсивным действиям.
- Импульсивность внимания: трудности концентрации и повышенная отвлекаемость.
- Импульсивность планирования: недостаточность осознанного планирования поведения.

Методика оценки склонности к риску (Г. Шуберт; в адаптации М. А. Котика). Методика разработана Г. Шубертом и адаптирована М. А. Котиком в 1981 г. для использования на российской выборке. Направлена на выявление индивидуальных

различий в принятии решений в потенциально опасных ситуациях. Представляет собой серию сценариев, содержащих как безопасные, так и рискованные поведенческие альтернативы. Оценивается уровень склонности к риску на основании предпочтительных выборов респондента.

Статистическая обработка данных осуществлялась с использованием программного обеспечения IBM SPSS Statistics v.27. Проверка нормальности распределения переменных с помощью критерия Шапиро — Уилка показала значимые отклонения от нормального распределения. В связи с этим для межгруппового анализа применялся непараметрический U -критерий Манна — Уитни. Корреляционный анализ проводился с использованием коэффициента ранговой корреляции Спирмена.

Результаты

Сравнение по основным показателям групп делинквентных и законопослушных подростков проводилось с использованием U -критерия Манна — Уитни. Результаты представлены в табл. 1.

Таблица 1

Различия по основным психологическим показателям в группах делинквентных и законопослушных подростков

Показатель	U	p	Уровень различий
Моторная импульсивность	658.5	0.006**	Выше у делинквентов
Межличностное управление эмоциями	731.0	0.024*	Ниже у делинквентов
Склонность к риску	643.0	0.005**	Выше у делинквентов
Физическая агрессия	625.5	0.004**	Выше у делинквентов
Гнев	721.0	0.030*	Выше у делинквентов
Эмоциональный интеллект (общий)	980.0	0.385	Различия статистически незначимы

Примечание. Здесь и в табл. 2, 3: * $p \leq 0,05$; ** $p \leq 0,01$.

Таким образом, делинквентные подростки демонстрируют статистически более высокий уровень моторной импульсивности, физической агрессии, гнева и склонности к риску, а также более низкий уровень способности к межличностному управлению эмоциями. При этом различия в общем уровне эмоционального интеллекта между группами не достигли статистической значимости.

Были проведены отдельные корреляционные анализы для двух выборок с использованием коэффициента Спирмена (табл. 2, 3).

Таблица 2

**Коэффициенты корреляции между переменными
в группе законопослушных подростков**

Переменные	Эмоциональный интеллект (общий)	Моторная импульсивность	Физическая агрессия	Гнев	Склонность к риску
Эмоциональный интеллект (общий)	1	-0.776**	-0.366*	-0.367*	-0.552**
Моторная импульсивность		1	0.548**	0.415*	0.608**
Физическая агрессия			1	0.595**	0.487**
Гнев				1	0.442**
Склонность к риску					1

Таблица 3

**Коэффициенты корреляции между переменными
в группе делинквентных подростков**

Переменные	Эмоциональный интеллект (общий)	Моторная импульсивность	Физическая агрессия	Гнев	Склонность к риску
Эмоциональный интеллект (общий)	1	-0.540**	-0.265	-0.226	-0.300*
Моторная импульсивность		1	0.421*	0.397*	0.487**
Физическая агрессия			1	0.439*	0.361*
Гнев				1	0.388*
Склонность к риску					1

В группе законопослушных подростков эмоциональный интеллект демонстрирует выраженные обратные связи с агрессией (физической, вербальной), гневом, моторной импульсивностью и склонностью к риску. В группе делинквентных подростков аналогичные связи ослаблены, а по шкалам гнева и физической агрессии они не достигают статистической значимости.

Обсуждение

Полученные данные подтверждают существование значимых различий между делинквентными и законопослушными подростками по ряду ключевых личностных характеристик. У делинквентной группы наблюдаются более высокие уровни моторной импульсивности, физической агрессии, гнева и склонности к риску, что согласуется с результатами предыдущих исследований в данной области [Панков, Кожевникова, Сидорова и др., с. 38; Cossaro, Fanning, Lee, Keedy]. При этом уровень общего эмоционального интеллекта не отличается статистически значимо, что требует более дифференцированного анализа компонентов ЭИ и их функциональной роли.

Особый интерес представляет выявленное различие в корреляционных структурах между группами. В группе законопослушных подростков высокий уровень эмоционального интеллекта ассоциирован с низкими показателями всех форм агрессии, импульсивности и склонности к риску. Это позволяет говорить о выраженной регуляторной функции ЭИ как механизма адаптации, согласующейся с моделью эмоциональной саморегуляции [Кочетова, Климакова, с. 49].

В то же время у делинквентных подростков аналогичные связи ослаблены или вовсе отсутствуют, особенно в отношении гнева и физической агрессии. Это может свидетельствовать о нарушении функционального применения эмоционального интеллекта в данной группе. Возможными объяснениями ослабленной регуляторной функции ЭИ являются:

- недостаточность позитивного эмоционального моделирования в раннем возрасте;
- хронический стресс и травматизация, влияющие на развитие эмоциональной рефлексии и устойчивости;
- преобладание экстернального локуса контроля и импульсивного реагирования на фоне слабой когнитивной переработки аффективных стимулов;
- маргинализованная социальная среда, где эмоциональная чуткость и рефлексия не поощряются, а агрессия выступает инструментом выживания и идентификации.

Также можно предположить, что у подростков с криминогенным опытом эмоциональный интеллект реализуется в изолированном или дезорганизованном виде, не вовлекаясь в интеграцию с поведенческими стратегиями. Подобная десинхронизация когнитивных и аффективных компонентов саморегуляции требует дальнейшего изучения с привлечением нейropsихологических и лонгитюдных методов.

Важно отметить, что связь между импульсивностью, агрессией и склонностью к риску в обеих группах сохраняется, но в делинквентной группе она имеет менее выраженный характер. Это указывает на возможное участие дополнительных медиаторов, включая особенности семейного воспитания, социальную отчужденность, а также влияние субкультурных норм [Hunter, Figueredo, Malamuth, Becker]. Также потенциальным медиатором, определяющим качество интеграции эмоционального интеллекта в поведенческие стратегии подростков, может

выступать уровень сформированности правового самосознания. Осознание личных прав, обязанностей и нормативных оснований социального взаимодействия способствует более осмысленному эмоциональному реагированию и может укреплять регуляторную функцию ЭИ [Муслумов]. Это особенно значимо в контексте профилактики правонарушающего поведения, где эмоциональная импульсивность и агрессия часто сопровождаются правовой неосведомленностью, правовой тревожностью или искаженными убеждениями относительно нормы и ответственности.

Таким образом, исследование позволяет сделать вывод о том, что эмоциональный интеллект, хотя и не является универсальным предиктором законопослушного поведения, выполняет важную регуляторную роль в условиях нормативной социализации. В условиях социальной дезадаптации и травматического опыта эта функция ослабляется, что требует переосмысления подходов к профилактике и коррекции.

Выводы

Результаты проведенного исследования позволили установить, что делинквентные подростки статистически значимо отличаются от своих законопослушных сверстников по уровню импульсивности, агрессивности (в первую очередь физической), склонности к риску, а также по способности к межличностному управлению эмоциями. Общий уровень эмоционального интеллекта в группах не различался достоверно, однако характер его регуляторных функций демонстрировал существенные различия.

У законопослушных подростков эмоциональный интеллект выполняет стабилизирующую и сдерживающую функцию по отношению к агрессивному и импульсивному поведению, тогда как у делинквентов эти связи ослаблены или фрагментарны. Это позволяет предположить нарушение интеграции эмоционального интеллекта в систему поведенческой саморегуляции у подростков с девиантным поведением, что может быть обусловлено влиянием факторов социального и семейного неблагополучия, эмоциональной травматизации и недостаточной эмоциональной социализации.

Полученные результаты могут быть положены в основу диагностических алгоритмов, программ раннего выявления риска и сценариев психолого-педагогического вмешательства, направленных на снижение социальной уязвимости подростков.

С практической точки зрения данные исследования обосновывают необходимость разработки дифференцированных профилактических программ, ориентированных на уровень социальной адаптированности подростков. Для законопослушных подростков актуальными являются тренинги развития эмоционального интеллекта с акцентом на формирование эмпатии, навыков управления гневом и осознанного принятия решений. В случае с делинквентными подростками целесообразно применение когнитивно-поведенческих техник, направленных на восстановление базовых

навыков эмоциональной осознанности, работу с телесной реактивностью и развитие способности к распознаванию и вербализации эмоций.

Кроме того, рекомендуется внедрение мультимодальных моделей психологического сопровождения, реализуемых междисциплинарными командами специалистов (психологов, педагогов, социальных работников) в учреждениях общего, коррекционного и пенитенциарного профиля. Важным направлением является ранний скрининг и диагностика на основе внедрения валидных психодиагностических инструментов в образовательной среде — с целью оценки уровня эмоционального интеллекта, импульсивности и склонности к риску как факторов потенциальной социальной дезадаптации.

Не менее значимым направлением представляется психологическое просвещение, направленное на повышение компетентности родителей и педагогов в вопросах эмоционального развития детей. Формирование безопасной эмоциональной среды, поддерживающей развитие функциональной привязанности и эмоциональной саморегуляции, может выступать в качестве ключевого фактора устойчивой профилактики девиантного поведения в подростковом возрасте.

Адамович Т. В., Исмагуллина В. И., Маракишина Ю. А. и др. Психометрический анализ опросника агрессивности Басса — Перри // Теорет. и эксперим. психология. 2021. Т. 14, № 4. С. 28–38. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihometricheskiy-analiz-oprosnika-agressivnosti-bassa-perri> (дата обращения: 17.05.2025).

Бочкова М. Н., Мешкова Н. В. Эмоциональный интеллект и социальное взаимодействие: зарубежные исследования // Современная зарубежная психология. 2018. Т. 7, № 2. С. 49–59. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2018070205>

Корнетов А. Н., Прядухина Н. И., Морева С. А. и др. Клиническое значение сниженных показателей эмоционального интеллекта учащихся средней общеобразовательной школы // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. 2015. № 3 (156). С. 72–80. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klinicheskoe-znachenie-snizhenykh-pokazateley-emotsionalnogo-intellekta-uchaschihsya-sredney-obscheobrazovatelnoy-shkoly> (дата обращения: 17.05.2025).

Коршилова Т. В., Павлова Е. М. Шкала интеллектуальной оценки риска и ее связь с готовностью к риску и эмоциональным интеллектом // Консультативная психология и психотерапия. 2020. Т. 28, № 4. С. 59–78. <https://doi.org/10.17759/cpp.2020280404>

Кочетова Ю. А., Климакова М. В. Эмоциональный интеллект и агрессия в зарубежных исследованиях // Современная зарубежная психология. 2019. Т. 8, № 3. С. 29–36. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2019080303>.

Люсин Д. В. Опросник на эмоциональный интеллект ЭМИн: новые психометрические данные // Социальный и эмоциональный интеллект: от процессов к измерениям / отв. ред.: Д. В. Люсин, Д. Ушаков. М., 2009. С. 264–278.

Мельникова Е. Л. Структура эмпатических переживаний и социальная позиция делинквентных подростков в проявлении эмпатии // Пед. образование в России. 2011. № 5. С. 148–154. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-empaticheskikh-perezhivaniy-i-sotsialnaya-pozitsiya-delinkventnyh-podrostkov-v-proyavlenii-empatii> (дата обращения: 12.05.2025).

Муслумов Р. Р. Проблемы формирования правового самосознания личности // Перспективы науки и образования. 2019. № 6 (42). С. 44–54. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemu-formirovaniya-pravovogo-samosoznaniya-lichnosti> (дата обращения: 09.05.2025).

Панков М. Н., Кожеевникова И. С., Сидорова Е. Ю. и др. Психофизиологические особенности детей и подростков с агрессивным поведением // Экология человека. 2018. № 2. С. 36–42. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihofiziologicheskie-harakteristiki-detey-s-agressivnym-povedeniem> (дата обращения: 17.05.2025).

Сапега Д. В., Богданович Н. В. Особенности самоорганизации подростков, склонных к девиантному поведению // Психология и право. 2023. Т. 13, № 1. С. 135–151. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2023130110>

Федорова Т. И. Механизмы эмоциональной саморегуляции поведения социально дезадаптированных подростков // Вестн. Сургут. гос. пед. ун-та. 2009. № 4. С. 128–135. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mehanizmu-emotsionalnoy-samoregulyatsii-povedeniya-sotsialno-dezadaptirovannyh-podrostkov> (дата обращения: 12.05.2025).

Чухрова М. Г., Абрикосова О. А., Кудинова А. А., Иргум В. В. Особенности эмоционально-го интеллекта у делинквентных подростков // Медицина Кыргызстана. 2019. № 2. С. 56–60.

Шумская Д. С., Трусова А. В., Кибитов А. О. Краткая русскоязычная версия шкалы импульсивности Барратта, BIS-11: разработка и валидизация // Психология. Журнал ВШЭ. 2023. Т. 20, № 2. С. 211–230. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kratkaya-russkoyazychnaya-versiya-shkaly-impulsivnosti-barratta-bis-11-razrabotka-i-validizatsiya> (дата обращения: 17.05.2025).

Austin E. J., Farrelly D., Black C., Moore H. Emotional intelligence, Machiavellianism and emotional manipulation: Does EI have a dark side? // Personality and Individual Differences. 2007. Vol. 43, № 1. P. 179–189. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2006.11.019>

Barratt E. S., Stanford M. S., Kent T. A., Felthous A. R. Neuropsychological and cognitive psychophysiological substrates of impulsive aggression // Biological Psychiatry. 2004. Vol. 55, № 3. P. 215–225. [https://doi.org/10.1016/S0006-3223\(96\)00175-8](https://doi.org/10.1016/S0006-3223(96)00175-8)

Björkqvist K. Sex differences in physical, verbal, and indirect aggression: A review of recent research // Sex Roles. 1994. Vol. 30, № 3–4. P. 177–188. <https://doi.org/10.1007/BF01420988>

Coccaro E. F., Fanning J. R., Lee R., Keedy S. Emotional intelligence and aggression in intermittent explosive disorder // Journal of Psychiatric Research. 2015. Vol. 63. P. 108–115. <https://doi.org/10.1016/j.jpsychires.2014.11.004>

Garofalo C., Neumann C. S., Velotti P. Difficulties in emotion regulation and psychopathic traits in violent offenders // Journal of Criminal Justice. 2018. Vol. 57. P. 116–125. <https://doi.org/10.1016/J.JCRIMJUS.2018.05.013>

Goleman D. Emotional Intelligence: Why It Can Matter More Than IQ. N. Y., 1995.

Hunter J. A., Figueredo A. J., Malamuth N. M., Becker J. V. Developmental pathways in youth sexual aggression and delinquency: Risk factors and mediators // Journal of Family Violence. 2004. Vol. 19, № 4. P. 233–242. <https://doi.org/10.1023/B:JOFV.0000032633.37269.1d>

Mikolajczak M., Luminet O., Leroy C., Roy E. Psychometric properties of the Trait Emotional Intelligence Questionnaire // Journal of Personality Assessment. 2007. Vol. 88, № 3. P. 338–353. <https://doi.org/10.1080/00223890701333431>

Salovey P., Mayer J. D. Emotional intelligence // Imagination, Cognition and Personality. 1990. Vol. 9, № 3. P. 185–211. <https://doi.org/10.2190/DUGG-P24E-52WK-6CDG>

Статья поступила в редакцию 08.06.2025 г.

ЮБИЛЕИ

ВЕК ЖИВИ – ВЕК УЧИ!
Верность альма-матер.
К юбилею профессора Владимира Федоровича Олешко

Профессору Владимиру Федоровичу Олешко исполнилось 70 лет. Недавно кафедра периодической печати и сетевых изданий департамента «Факультет журналистики» снова единогласно выдвинула его на конкурс по замещению должности заведующего. В выступлениях коллег, вместе с традиционным в таких случаях перечислением заслуг, которых у доктора философских наук, автора учебников и учебных пособий, педагога, выпустившего в свет немало тех, кто сегодня составляет гордость уральской журналистики, много, звучало главное: «он — лидер».

Биография известного всему журналистскому миру Урала профессора Владимира Олешко представлена в региональных справочниках «Профессора высших

учебных заведений Свердловской области», «Уральский государственный университет в биографиях», в энциклопедии «Журналисты России», в проекте Российской академии естествознания — сетевой энциклопедии «Известные ученые» и многих других научных и профессиональных изданиях.

Сам он когда-то пытался публицистически осмыслить первые полвека своей жизни в книге «Коелга, Тюбук, Нью-Йорк: далее везде».

Вот только некоторые этапы большого и плодотворного пути. Владимир Федорович Олешко родился 24 июня 1955 г. в селе Долгодеревенское Сосновского района Челябинской области. После школы он работал механизатором, корреспондентом газеты «Красное знамя» (г. Касли), учителем физкультуры. В 1973–1975 гг. проходил срочную службу в рядах Вооруженных сил в Краснознаменном Туркестанском военном округе. По окончании Уральского государственного университета В. Ф. Олешко 1 сентября 1981 г. был принят корреспондентом в редакцию областной молодежной газеты «На смену!» (Свердловск). Распределение не было случайным: будучи студентом, он сотрудничал с газетой. В архивных фондах редакции газеты «На смену!» имя В. Ф. Олешко впервые упоминается 13 марта 1979 г. в приказах о командировании в Нижний Тагил и Ирбит. А еще раньше, за три летних месяца 1976 г., он, первокурсник, творчески ярко проявил себя в составе редакции спецвыпуска «Студенческая стройка», освещающая деятельность студенческих строительных отрядов области. «Что, собственно, и обусловило приглашение на работу в областную газету сразу после окончания учебы в университете», — вспоминает тогдашний редактор «На смену!» И. В. Малахеев.

Более 30 «насменовцев» в разные годы посвятили себя работе в высшей школе и научным исследованиям. Работая уже в штате редакции, В. Олешко тоже выбрал для себя на перспективу научную траекторию, хотя ему предрекали и литературное будущее, поскольку он неоднократно участвовал в семинарах Союза писателей СССР, печатался в журналах и сборниках. Но с 1984 г. жизнь будущего профессора уже была неразрывно связана с факультетом журналистики Уральского государственного, а позже — Уральского федерального, университета, с уральской научной школой журналистики. Сначала он пытался совмещать практическую журналистскую деятельность в газете «На смену!» с преподавательской на факультете журналистики, пока заведующий кафедрой профессор В. А. Шандра не отрезвил: «Диссертации по ночам и на кухне не пишутся».

В 1988 г. Владимир Федорович поступил в очную аспирантуру Уральского государственного университета (научный руководитель — кандидат философских наук, доктор исторических наук В. А. Шандра) и сразу активно включился в преподавательскую и общественную деятельность: вел практические занятия по курсу «Основы журналистики», руководил курсовыми и дипломными работами студентов. В марте 1992 г. в МГУ имени М. В. Ломоносова защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.10 — Журналистика. По окончании аспирантуры В. Ф. Олешко работал старшим преподавателем факультета журналистики УрГУ (1991–1993), доцентом (1993–1998). В 1998 г. защитил диссертацию «Моделирование

массово-коммуникационной деятельности» на соискание ученой степени доктора философских наук. С 1999 г. — профессор ВАК.

Обучаясь в аспирантуре, работая в университете, В. Ф. Олешко не утрачивал связей с практической журналистикой — работал обозревателем, заместителем редактора областной профсоюзной газеты «Рабочее слово» (1990–1991). Он — член Союза журналистов России, член Большого жюри Свердловского творческого союза журналистов (СТСЖ). Лауреат конкурсов Свердловского отделения Союза журналистов (1990), Союза журналистов России за публикации в честь 50-летия Победы в Великой Отечественной войне (1995), Союза журналистов России — за цикл публикаций «Чудики», посвященных 75-летию В. М. Шукшина (2004), лауреат конкурса Союза журналистов России «Лица провинции» (2004). Делегат VIII съезда Союза журналистов РФ (2008).

Под руководством В. Ф. Олешко кафедра периодической печати и сетевых изданий, которую он возглавляет с 1999 г., стала координатором научно-исследовательской работы студентов (НИРС). Из числа участников Студенческого научного общества три десятка человек стали кандидатами и девять — докторами наук. За 40 лет преподавательской работы В. Ф. Олешко участвовал в подготовке более 6500 выпускников факультета журналистики УрГУ.

Он внимательно изучает отечественную и зарубежную практику современной журналистики, стажировался в Школе журналистики и массовых коммуникаций Университета штата Северная Каролина (США, 1995), в Италии (1997, 2010, 2014), в Школе повышения квалификации журналистов (ФОЖО) в г. Кальмаре (Швеция, 2005). За две монографии «Социожурналистика: прагматическое моделирование технологий массово-коммуникационной деятельности», «Моделирование в журналистике: теория, практика, опыт» удостоен премии Уральского государственного университета «За лучшую научную работу» (2000). Книга «Профессиональная культура журналиста: актуальные проблемы образования» (2011) удостоена специальной премии Союза журналистов России «Золотая полка российской журналистики», а сам автор награжден почетным знаком «Честь, достоинство, профессионализм».

В рамках подготовки квалифицированных журналистских кадров В. Ф. Олешко в разные годы работал в составе государственных аттестационных комиссий на факультетах журналистики в Ханты-Мансийске, Сургуте, Магнитогорске, Челябинске, Новосибирске. Под его руководством 15 аспирантов и соискателей успешно защитили кандидатские диссертации. Он является председателем диссертационного совета (филологические науки) при УрФУ по защите кандидатских и докторских диссертаций по специальности «Медиакоммуникации и журналистика».

Профессор Олешко активен и мобилен в педагогической и просветительской деятельности: неоднократно работал в качестве приглашенного профессора в других вузах, входит в редколлегию журналов «Известия Уральского федерального университета» (Серия 1. «Проблемы образования, науки и культуры»), «Знак. Новое в медиаобразовании» (ЧелГУ), «Вестник Воронежского государственного

университета» из списка изданий, рецензируемых ВАК, а также в редколлегию журнала «Вопросы теории и практики журналистики», индексируемого WoS. Кроме того, с 1999 г. по настоящее время он — член редколлегии межвузовского альманаха «Акценты: новое в массовой коммуникации», а с 2001 г. — член редакционного совета научно-практического альманаха Института философии и права УрО РАН «Дискурс-Пи».

В 2007 г. профессор В. Ф. Олешко за многолетнюю плодотворную работу по развитию учебного процесса, значительный вклад в дело подготовки высококвалифицированных специалистов медийной сферы был удостоен премии Правительства России в области печатных средств массовой информации. Начиная с 2016 г. за высокие показатели в педагогической, учебно-методической и научной деятельности был трижды удостоен звания «Лучший преподаватель УрФУ» в номинации «Профессор года». Также он награжден знаком «Почетный работник высшего профессионального образования РФ». Важно отметить и то, что приказом ректора УрФУ Владимир Федорович Олешко награжден почетным знаком «Ветеран УрФУ». Признание было не случайно. У Владимира Федоровича богатый профессиональный бэкграунд — газетчика, и преподавательский — в вузе, и научный — в российском журналистском исследовательском сообществе. Примечательно, что в 2025 г. учебник «Журналистика» для непрофильных вузов и специальностей, подготовленный авторским коллективом из числа ведущих ученых университетов России — МГУ, СПбГУ, в который входил от УрФУ и профессор Олешко, был удостоен общенациональной премии Российского профессорского собрания «Учебник года».

Сфера научных интересов В. Ф. Олешко — психология творчества, технологии журналистской деятельности, моделирование массово-коммуникационных процессов. Совместно с аспирантами он системно осуществляет анализ современных массово-коммуникационных практик центральных и региональных СМИ, актуальных проблем психологии журналистского творчества.

В. Ф. Олешко, невзирая на большую учебную нагрузку, активно включается во все учебные и научные мероприятия департамента. Так, 23 апреля 2025 г. в Екатеринбурге проходили XXVI Студенческие научные чтения «Каллиграфия журналиста в цифровую эпоху». Организационный комитет получил 134 заявки от студентов и магистрантов из Вьетнама, Гвинеи, Китая, Палестины, Турции, Узбекистана, а также вузов Екатеринбурга, Калининграда, Кемерово, Пушкина Ленинградской области, Ханты-Мансийска, Челябинска. На заседаниях секций выступило 108 докладчиков. Дипломы за лучшие доклады вручал авторитетный преподаватель и подлинный научный авторитет — Владимир Федорович Олешко...

Р. Л. Исхаков,
председатель Совета ветеранов
Уральского гуманитарного института УрФУ, доцент

ИЗВЕСТИЯ
УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия 1
Проблемы образования, науки и культуры
2025. Т. 31. № 3

Журнал не подлежит маркировке в соответствии с п. 2 ст. 1
Федерального закона РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ
как содержащий научную информацию

Редактор и корректор *Н. В. Чапаева*
Компьютерная верстка *Л. А. Хухаревой*

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-48319 от 27.01.12.

Учредитель — Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина».
Адрес учредителя: 620062, Свердловская обл., г. Екатеринбург, ул. Мира, 19.

Дата выхода в свет 19.09.2025. Формат 70 × 100 ¹/₁₆.
Уч.-изд. л. 14,5. Усл. печ. л. 14,79. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Тираж 300 экз. Цена свободная. Заказ 145.
Издательство Уральского университета.
620083, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Отпечатано в типографии Издательско-полиграфического центра УрФУ.
620083, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
Тел.: +7 (343) 358-93-06, 350-58-20, 350-90-13
E-mail: press-urfu@mail.ru
<http://print.urfu.ru>

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Журнал «Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры»

- зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИИ № ФС77–48319 от 27.01.2012 г.;
- зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering – ISSN) 28.03.2012 г. с присвоением международного стандартного номера ISSN 2227–2275;
- электронно-сетевая версия журнала зарегистрирована в Национальном агентстве ISSN Российской Федерации 01.12.2017 г. с присвоением международного стандартного номера сериального издания ISSN 2587–7151;
- включен ВАК в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук;
- Журнал публикует научные результаты исследований по следующим специальностям:
 - 5.9.1. **Русская литература и литературы народов Российской Федерации** (филологические науки),
 - 5.9.2. **Литературы народов мира** (филологические науки),
 - 5.9.9. **Медиакоммуникации и журналистика** (филологические науки, философские науки, социологические науки),
 - 5.10.1. **Теория и история культуры, искусства** (культурология, философские науки, искусствоведение),
 - 5.10.2. **Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов** (культурология).Решение по публикации научных материалов по другим отраслям принимается индивидуально в каждом конкретном случае;
- материалы журнала включены в информационную систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки. Полнотекстовая версия журнала размещается на портале Уральского федерального университета: <http://urfu.ru/science/proceedings/>

Адрес редакции:

620062, Свердловская обл., г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51. УрФУ, ИПЦ
Редакция журнала «Известия УрФУ. Серия 1. Проблемы образования,
науки и культуры».

Главному редактору *Амирову Валерию Михайловичу.*

Электронный адрес журнала: izvestia_1@urfu.ru

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО

Приглашаем принять участие в ежегодной
Международной научно-практической конференции
(XX Колосницынские чтения)

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Екатеринбург, пр. Ленина, 51, УрФУ
14–15 ноября 2025 г.

Организаторы: кафедра культурологии и социально-культурной деятельности Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, Российское культурологическое общество, Институт образовательных стратегий (г. Екатеринбург).

Тематика конференции охватывает широкий спектр методологических аспектов государственной культурной политики, теории и истории культуры и смежных гуманитарных дисциплин, включая практические вопросы социокультурного развития регионов.

Круг основных вопросов для обсуждения на конференции:

- Приоритеты государственной культурной политики в XXI в.
- Общее понятие культурно-исторической памяти
- Культурно-историческая память как система представлений общества о прошлом, закреплённая в памятниках культуры и социальной традиции
 - Государство как субъект сохранения культурно-исторической памяти
 - Художественное осмысление исторических событий в литературе и искусстве как фактор «исторического документа»
- Памятные даты и их роль в формировании культурно-исторической памяти:
 - 200-летие восстания декабристов и его влияние на осмысление русской культуры «пушкинской эпохи»;
 - Реформы Александра II как фактор развития культуры и образования в России XIX в.;

- Серебряный век как культурный код России;
- 155 лет со дня рождения И. А. Бунина, поэта, писателя, лауреата Нобелевской премии;
- 145 лет со дня рождения поэта А. А. Блока;
- 130 лет со дня рождения поэта С. А. Есенина;
- 130-летие мирового кинематографа и его роль в истории медиакультуры;
- 120 лет со дня рождения писателя М. А. Шолохова;
- 120 лет со дня рождения писателя В. С. Гроссмана;
- 100 лет фильму С. М. Эйзенштейна «Броненосец Потемкин» — феномену советского киноавангарда;
- 100-летие утверждения «Основ авторского права» в СССР;
- 95 лет со дня рождения С. Л. Соловейчика, писателя, публициста, педагога;
- 80-летие Победы в Великой Отечественной войне и репрезентация этой темы в произведениях российской литературы и искусства;
- 40-летие начала периода «гласности и перестройки» и его влияние на обновление советской культуры и искусства
- Социально-культурная деятельность в современной России как фактор распространения, сохранения, освоения и популяризации культурных ценностей
 - Современные творческие индустрии и их роль в сохранении культурно-исторической памяти
 - Культурная память в практиках повседневности
 - «Места памяти» в регионах Урала
 - Современная медиасреда (цифровые архивы, библиотеки, музейные фонды и др.) как фактор сохранения и популяризации культурно-исторического наследия

К участию приглашаются преподаватели вузов и средних учебных заведений, студенты, аспиранты, специалисты научно-исследовательских институтов, библиотек, музеев, представители государственных структур и общественных организаций. Конференция будет проходить в режиме офлайн и онлайн.

Рабочий язык конференции — русский.

Регистрационный взнос не взимается.

Командировочные расходы — за счет направляющей стороны.

Планируется издание материалов конференции с последующим размещением в РИНЦ.

Координатор конференции: Кириллова Наталья Борисовна.

Контакты: urfo@bk.ru, 8-922-11-04-712.

Информационная поддержка: журналы «Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры», «Вестник культуры и искусств», «Челябинский гуманитарий».

Важные даты

Подача заявки: до 25 сентября 2025 г.

Подача статей: до 5 октября 2025 г.

Публикация материалов конференции

Участникам конференции предоставляется возможность опубликовать свои работы в электронном сборнике (РИНЦ), лучшие материалы будут рекомендованы к публикации в указанных журналах. Для подачи материалов необходимо выслать заявку-анкету на адрес n.b.kirillova@urfu.ru

Требования к оформлению тезисов докладов

Оргкомитет оставляет за собой право отклонения текстов, оформленных с нарушением требований или не соответствующих тематике конференции. Допустимое число соавторов — 2. За содержание материалов ответственность несут авторы.

Требования к оформлению текста: объем 7–8 страниц, шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал 1,5, все поля 2 см. Ф. И. О. автора — в правом верхнем углу, ниже — название вуза и города строчными буквами. Библиографические ссылки в тексте статьи даются в квадратных скобках в соответствии с нумерацией в списке литературы [1, с. 6–7]. Список литературы выстраивается по алфавиту и включает не менее 15 наименований источников (печатных, электронных, на иностранном языке). В имени файла нужно указать фамилию автора и вид документа. Например: Иванов_Заявка.doc, Иванов_Статья.doc.